

ISSN 2949-3366

Современная Азия: политика, экономика, общество

№ 1, 2023

Ежеквартальный
научный
журнал

СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

№ 1, 2023

Научный журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» является постоянным периодическим изданием Института Китая и современной Азии РАН, призванным открыть окно в большую академическую науку молодым ученым. Журнал создан на базе постоянной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Миссия журнала — представить читателям многообразие исторических, культурологических отношений стран Восточной и Юго-Восточной Азии, наднациональных интеграционных объединений (ШОС, ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН, ОДКБ и др.), региональные особенности. Журнал выступает динамично развивающейся площадкой и дает ответы на вопросы текущей повестки дня.

Научные специальности: 5.2. Экономика, 5.4. Социология, 5.5. Политология, 5.6. История

Учредитель/Издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН)

Председатель редакционного совета:

Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН

Члены редакционного совета:

1. Боровой Виталий Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
2. Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН
3. Иноятова Диларам Маниглиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)
4. Карпиленя Николай Васильевич, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры (социально-гуманитарных дисциплин) ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
5. Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
6. Свилас Светлана Францевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
7. Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры Истории и психологии Социально-гуманитарного факультета НОУ «Университет Мамуна» (г. Хива, Узбекистан), заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
8. Шевцов Юрий Вячеславович, PhD in Political Sciences, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
9. Ян Сумэй, доктор исторических наук, профессор Института иностранных языков Аньхойского педагогического университета, руководитель магистратуры русского языка и литературы и докторантуры мировой истории, главный эксперт и исполнительный директор Центра исследования регионов «Волга—Днепр» при Министерстве образования КНР Аньхойского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы, эксперт по оценке проектов Национального фонда социальных наук (г. Уху, КНР)

Редакция:

А.В. Бредихин (главный редактор), Е.О. Заклязьминская (заместитель главного редактора), А.Ч. Мокрецкий (заведующий редакцией), Т.М. Мамахатов (ответственный по работе с молодыми учеными), А.Д. Александрова (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (917) 510-23-12

E-mail: ca-journal@yandex.ru

Сайт журнала: <https://ca-journal.ru/>

**Современная Азия:
политика, экономика, общество**

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-85221 от 27.04.2023

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-3366

DOI: 10.48647/ICCA.2023.75.28.001

Подписано в печать 15.09.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	7
Слово главного редактора	9

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

<i>Бредихин А.В.</i> Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества	11
<i>Син Сяомань.</i> Эффективность коллективной идентичности Шанхайской организации сотрудничества и ее дилемма (на англ.)	17
<i>Ван Цзинвэй, Ли Фэн, Сазонов С.Л., Сергиенко Е.Е.</i> В чем слабость альтернативных китайской инициативе «Пояс и Путь» предложений западных стран	29

ЭКОНОМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

<i>Заклязьминская Е.О.</i> Риски и угрозы продовольственной безопасности Китая	42
<i>Алексеева А.В.</i> Текущее состояние и перспективы сотрудничества РФ и КНР в области мирного атома	58

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Кузнецова Ю.А., Балабейкина О.А.</i> Некоторые правовые аспекты пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в странах Азиатско-Тихоокеанского Региона (на примере Японии)	69
---	----

ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО И ИДЕОЛОГИЯ

<i>Жилкибаев С.Н.</i> Социализм в Китае: российский левый дискурс	82
<i>Теплюк И.А.</i> Использование средств речевого воздействия в китайском политическом дискурсе	93

Шулика А.С. Стилистические средства и приемы речевого воздействия в СМИ при формировании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе (на материале сайта информационного агентства «Синьхуа») 107

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч. Круглый стол «Россия и Китай в Евразии: вызовы и перспективы двустороннего и многостороннего взаимодействия» 118

TABLE OF CONTENTS

From the publisher	7
The word of the editor-in-chief	9

SUPRANATIONAL INTEGRATION PROJECTS

<i>Bredikhin A.V.</i> Prospects for the development of the Shanghai Cooperation Organization	11
<i>Xing Xiaoman.</i> The effectiveness of the collective identity of the Shanghai Cooperation Organization and its dilemma (in Eng.)	17
<i>Wang Jingwei, Li Feng, Sazonov S.L., Sergienko E.E.</i> What is the weakness of Western countries' alternative proposals to the Chinese Belt and Road initiative	29

ECONOMY OF THE NATIONAL ECONOMY

<i>Zaklyazminskaya E.O.</i> Risks and threats to China's food security	42
<i>Alekseeva A.V.</i> Current state and prospects of cooperation between Russia and China in the field of peaceful atom	58

WORLD ECONOMY

<i>Kuznetsova Yu.A., Balabeikina O.A.</i> Legal aspects of pension provision for migrant workers in the countries of the Asia-Pacific Region (on the example of Japan)	69
--	----

POLITICS, SOCIETY AND IDEOLOGY

<i>Zhilkibaev S.N.</i> Socialism in China: Russian left discourse	82
<i>Teplyuk I.A.</i> The use of means of speech influence in Chinese political discourse	93

Shulika A.S. Stylistic means and techniques of speech influence
in the media in the formation of the image of J. Biden in Chinese political
discourse (based on the website of the Xinhua News Agency) 107

SCIENTIFIC REVIEW

Mamakhatov T.M., Mokretsky A.Ch. Round table “Russia and China in Eurasia:
challenges and prospects of bilateral and multilateral cooperation” 118

Сегодня можно уже уверенно говорить о том, что «поворот России на Восток», о котором много лет дискутировали политики, чиновники и эксперты, набрал обороты и дает первые позитивные результаты. Страны Азии стали основными партнерами нашей стороны в области экономики, безопасности, гуманитарного и научно-технологического сотрудничества. Быстрыми темпами растет товарооборот с Китаем, Индией, странами Центральной Азии, резко выросла интенсивность межгосударственных визитов, на глазах повышается значение и роль в международной жизни таких объединений, как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, где Россия наряду с КНР выступает драйвером как расширения состава государств-участников, так и углубления сотрудничества.

Азия стала центром притяжения научной, культурной, образовательной жизни в России, и миллионы наших соотечественников открывают для себя удивительный, чарующий и пока во многом непознанный мир цивилизаций Востока, восточных культур и традиций. Предприниматели и менеджеры российских компаний ускоренно записываются на тренинги по изучению делового этикета Китая и Индии, а абитуриенты выстраиваются в очереди на образовательные программы с изучением хинди, китайского, вьетнамского, арабского языков.

Институт Китая и современной Азии РАН сегодня стремится внести свой весомый вклад в эти тенденции. Мы активно расширяем область своих исследований — только в 2023 г. в нашем институте созданы новые Центр сравнительного государствоведения и Центр «Государство и религия в Азии». Расширяется и наша география: по инициативе Администрации Президента РФ у нас создан Центр центральноазиатских исследований, изучающий бывшие советские республики Азии, Афганистан и Пакистан.

Расширяется и спектр наших научных изданий. В последние годы начал работу флагманский журнал отечественных ученых-китаеведов «Российское китаеведение», наследник славных традиций «Советского китаеведения». Стали издаваться новые журналы «Корееведение» (совместно с МГИМО МИД РФ) и «Аналитические записки ИКСА РАН».

Мы активно включились в работу с деловым сообществом, помогая крупным государственным и частным отечественным корпорациям осваивать новые азиатские рынки и формировать новые партнерства. С этой целью ИКСА РАН стал соучредителем в 2023 г. реформированного Национального координационного центра международного делового сотрудничества, созданного решением Правительства РФ в 2014 г.

Но наше самое важное достижение — появление в стенах Института десятков новых специалистов по современной Азии, молодых ученых и аналитиков. Азиатские страны стремительно развиваются, и научный анализ должен успевать за этим развитием, отслеживать новые отрасли экономики, достижения в области высоких технологий, новые политические веяния. Молодые ученые способны дать более смелые прогнозы развития международных отношений на континенте, предложить новые подходы для учета в российской внешней политике. Они быстрее и эффективнее налаживают связи в области экономики и бизнеса, гуманитарного сотрудничества, они открыты изменениям и новациям, а потому их взгляд для нас чрезвычайно ценен.

Журнал, первый номер которого перед вами, призван стать открытой площадкой для российских молодых ученых, аналитиков, исследователей, увлеченных проблемами современных государств Азии и их отношений с Россией. Мы будем стимулировать молодых научных сотрудников, аспирантов, магистрантов и студентов приходить к нам со своими идеями, мыслями и подходами, выдерживая их при этом на высоком научном уровне, которым так гордится наш Институт. Полагаю, что и наши опытные ученые готовы будут принять участие в этом амбициозном проекте по соединению многолетних научных традиций ИКСА РАН с инновационными идеями молодых исследователей.

Мы приглашаем к сотрудничеству ученых, изучающих внутреннюю и внешнюю политику, экономику стран Азии, международные отношения в Азии и АТР, общественные и культурные процессы в регионе, деятельность международных организаций. Мы будем рады видеть в нашем новом журнале статьи, посвященные различным векторам «восточного поворота» в нашей стране и деятельности в России азиатских компаний, общественных и религиозных организаций. Культура, новейшая история, социальные процессы и новые течения в повседневной жизни стран Востока — все это темы, вызывающие большой интерес в российском обществе, и мы будем рады научным статьям по этим направлениям.

Первый номер журнала уже хорошо показывает, как разнообразны сферы исследований наших авторов. Будем надеяться, что благодаря своему широкому тематическому охвату и академическому качеству, помноженным на молодой «драйв», журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» уже скоро сможет занять достойное место среди научных периодических изданий нашего Института и всей нашей страны.

В добрый путь!

К.В. Бабаев, д.ф.н., проф., директор ИКСА РАН

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели, авторы, коллеги!

Перед Вами первый выпуск журнала «Современная Азия: политика, экономика, общество». Идея его создания принадлежит доктору филологических наук, директору Института Китая и современной Азии Российской академии наук Кириллу Владимировичу Бабаеву. Именно он направил Совет молодых ученых ИКСА РАН на новый творческий путь, наполненный не только поиском научных изысканий, но и выявлением молодых талантов, тех, кто уже завтра ступит на широкую дорогу востоковедения в самых различных его отраслях.

Первый выпуск всегда сложный. Никто не знает о журнале, его не видят в научных базах, а информацию о нем передают из уст в уста. Но благодаря слаженной командной работе получился отнюдь не тот «блин», который всегда комом. Его мы и выносим на суд читателя.

Редакционная команда потрудилась и при написании научных статей, оттого открывает выпуск материал главного редактора А.В. Бредихина **«Перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества»**. Работа сфокусирована на текущей повестке дня, трендах и заявлениях политических лидеров стран, которые уже в ближайшее время смогут войти в паневразийский проект.

Магистрант Шанхайской академии общественных наук Син Сяомань продолжил тему ШОС и дал ее развернутый анализ в работе **«Эффективность коллективной идентичности Шанхайской Организации Сотрудничества и ее дилемма»**, особо уделяя внимание общим ценностям стран — участниц наднационального интеграционного объединения.

Аспиранты ИКСА РАН Ван Цзинвэй, Ли Фэн, Е.Е. Сергиенко и ведущий научный сотрудник ИКСА РАН С.Л. Сазонов представили работу **«В чем слабость альтернативных китайской инициативе “Пояс и Путь” предложений западных стран»**, направленную на раскрытие западных глобальных «ловушек», предлагаемых для всего мира взамен транснационального китайского экономического проекта. Заместитель главного редактора САПЭО Е.О. Заклязьминская представила обстоятельную статью **«Риски и угрозы продовольственной безопасности Китая»**, раскрыв зависимость от импорта продовольствия, влияние внешних акторов на данный процесс, уделив внимание позиции западных стран и «украинскому кризису».

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Алексеева в исследовании **«Текущее состояние и перспективы сотрудничества РФ и КНР в области мирного атома»** сделала акцент на том, что, несмотря на технологическую самостоятельность Китая, лишь при сотрудничестве с ГК «Росатом» он

может осуществлять свою атомную программу в соответствии с текущими требованиями безопасности.

Не остается в стороне от глобальных трендов современности исследование студентки Санкт-Петербургского государственного университета Ю.А. Кузнецовой и доцента Санкт-Петербургского государственного экономического университета О.А. Балабейкиной **«Некоторые правовые аспекты пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в странах Азиатско-Тихоокеанского Региона (на примере Японии)»**, предлагающее повышение информированности мигрантов о доступных им правах и возможностях, а также улучшение процедур получения пенсионных выплат.

Идеологический аспект не остался в стороне и был представлен независимым исследователем С.Н. Жилкибаевым в работе **«Социализм в Китае: российский левый дискурс»**, анализирующей периодизацию, проблемы и уроки исторического процесса, прогнозы будущего развития страны, левые политические перспективы китайского общества. Бакалавр Московского государственного педагогического университета И.А. Теплюк представила статью на тему **«Использование средств речевого воздействия в китайском политическом дискурсе»**, дав оценку средств речевого воздействия и выявив их функции. Проблему речевого воздействия, но уже на примере образа американского президента, продолжила бакалавр этого же университета А.С. Шулика в работе **«Стилистические средства и приемы речевого воздействия в СМИ при формировании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе (на материале сайта информационного агентства “Синьхуа”)»**.

Представлен обзор круглого стола **«Россия и Китай в Евразии: вызовы и перспективы двустороннего и многостороннего взаимодействия»**, организованного и проведенного 14 апреля 2023 г. Центром «Россия, Китай, мир» ИКСа РАН.

Как видим из представленных материалов, география их широка и затрагиваемые темы заслуживают уважения. Надеюсь, что будет и критика, и положительные отзывы, ожидаем обратную связь, ну и, конечно, новых статей для молодого, но быстрорастущего издания.

*С уважением,
кандидат исторических наук,
главный редактор научного журнала
«Современная Азия: политика, экономика, общество»,
научный сотрудник ИКСа РАН
Бредихин Антон Викторович*

А.В. Бредихин

Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества

Аннотация. В условиях глобальных трансформаций наднациональные интеграционные объединения, формирующие альтернативные коллективному Западу подходы, укрепляют свою роль, привлекают внимание государств, не входящих в их состав. Усиливаются новые центры многополярного мира. Интеграция при этом затрагивает различные сферы деятельности: политику, экономику, энергетику, культуру, противодействие терроризму и экстремизму.

Одним из примеров подобных объединений выступает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Усиливается ее взаимодействие с субрегиональными объединениями Евразии, Африки, Латинской Америки. Формируются общие контуры и определяются объединительные векторы. В 2022 г. ШОС приняла в свои ряды Иран, в настоящее время ряд государств мира, в том числе Белоруссия и Саудовская Аравия, заявили о желании полноценного членства. В рамках статьи представлен анализ текущих процессов, перспектив развития ШОС. Автором дана оценка текущей динамики, представлены альтернативные позиции.

Ключевые слова: Белоруссия, Китай, Монголия, Россия, Саудовская Аравия, Шанхайская Организация Сотрудничества, интеграция.

Автор: Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования: Бредихин А.В. Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 11—16. DOI: 10.48647/ICCA.2023.43.86.001.

Bredikhin A. V.

Prospects for the development of the Shanghai Cooperation Organization

Abstract. In the context of global transformations, supranational integration associations that form alternative approaches to the collective West are strengthening their role, attracting the attention of non-member states. New centers of the multipolar world are

strengthening. At the same time, integration affects various spheres: politics, economics, energy, culture, countering terrorism and extremism.

One example of such associations is the Shanghai Cooperation Organization. Its interaction with sub-regional associations of Eurasia, Africa, and Latin America is intensifying. Common contours are formed and unifying vectors are determined. In 2022, the SCO accepted Iran into its ranks, currently a number of countries of the world, including Belarus and Saudi Arabia, have declared their desire for full membership. The article presents an analysis of current processes and prospects for the development of the SCO. The author assesses the current dynamics and present alternative positions.

Keywords: Belarus, China, Mongolia, Russia, Saudi Arabia, Shanghai Cooperation Organization, integration.

Author: *Bredikhin Anton Viktorovich*, PhD (History), Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

For citation: Bredikhin A.V. Prospects for the development of the Shanghai Cooperation Organization. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 11–16. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.43.86.001.

Шанхайская организация сотрудничества выступает динамично развивающимся наднациональным интеграционным образованием. Осуществляя работу в сопряжении с субрегиональными объединениями, ШОС формирует новую архитектуру глобального мира и задает политические и экономические тренды его развития [5, с. 16].

Целью данной работы выступает рассмотрение перспектив вступления в состав ШОС новых членов в соответствии с текущими глобальными процессами.

Задачи:

- определить основные субрегиональные объединения-партнеры;
- выявить претендентов на вступление в ШОС;
- дать оценку вызовам и препятствиям на пути вступления в организацию новых членов.

По состоянию на 1 июня 2023 г. в ШОС входят следующие государства: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Индия, Исламская Республика Иран, Исламская Республика Пакистан, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан.

На основании подписанных меморандумов осуществляется работа с рядом международных организаций, действующих в рамках как глобального, так и евразийского пространства, а также Азиатско-Тихоокеанского региона¹.

Определяя формат взаимодействия ШОС с Евразийским Экономическим Союзом, выделим, что три страны — участницы ЕАЭС — входят в ШОС, одна — страна-наблюдатель, одна — страна-партнер. В ОДКБ к числу участников добавляется состоящий в ШОС Таджикистан.

¹ Общие сведения. Международные организации. URL: <http://rus.sectsc.org/cooperation/20151208/16875.html> (дата обращения: 10.06.2023).

Особый формат взаимоотношений сложился у ШОС с БРИКС. Три страны БРИКС (Россия, Китай, Индия) состоят в Шанхайской Организации Сотрудничества. Через регионального лидера, Бразилию, сложился выход на Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР — от исп. Mercado Común del Sur), а через Южно-Африканскую республику — на Зону южноафриканского рэнда (ЮАР, Лесото, Намибия, Эсватини и Ботсвана). Данный вектор в условиях активизации работы ШОС с Египтом позволит усилить сотрудничество с Африканским Союзом в целом [1, с. 28]. По мнению министра иностранных дел Индии С. Джайшанкара, ШОС впоследствии могла бы объединить часть своей деятельности с БРИКС+, Евразийским экономическим союзом, Содружеством Независимых Государств и развивать более прочные торговые и инвестиционные связи с другими региональными структурами, такими как АСЕАН, Африканский Союз и МЕРКОСУР¹.

Странами-наблюдателями ШОС выступают Исламская Республика Афганистан, Республика Беларусь, Монголия. В организации определен формат государства-партнера — это Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка, Турецкая Республика, Республика Армения, Азербайджанская Республика, Королевство Камбоджа, Федеративная Демократическая Республика Непал, Арабская Республика Египет, Государство Катар, Королевство Саудовская Аравия. В 2023 г. данный статус получили Государство Кувейт, Мальдивская Республика, Республика Союз Мьянмы и Объединенные Арабские Эмираты². Несколько иных государств подали заявку на получение этого статуса. По данным издания Agab News, Сирия, Ирак, Израиль, Бангладеш и Вьетнам также надеются присоединиться в качестве партнеров по диалогу или наблюдателей.

Союзное государство России и Белоруссии способствует активизации интеграции Белоруссии в ШОС. Их сотрудничество со странами — участницами ШОС уже сегодня выступает взаимодополняющим. Де-факто официальный Минск уже сегодня выступает государством, вовлеченным в «шанхайский диалог». «Поддерживаем вынесенное на утверждение совета глав государств решение о начале процедуры приема республики Беларусь в члены ШОС. Подчеркну, мы всегда выступали за полноформатное участие в ШОС Белоруссии, которая является стратегическим партнером и ближайшим союзником России. Это несомненно позволит укрепить возможности объединения в политике, экономике, в сфере безопасности и гуманитарной областях»³, — отмечает президент Российской Федерации В.В. Путин.

В рамках визита в Китай президента Белоруссии А.Г. Лукашенко в 2023 г. официальным Пекином было поддержано развитие образцовых отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства Белоруссии и КНР в но-

¹ The Shanghai Cooperation Organisation Meets in Goa. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2023/05/08/the-shanghai-cooperation-organisation-meets-in-go> (дата обращения: 10.06.2023).

² Новые партнеры ШОС по диалогу. URL: <http://rus.sectesco.org/political/20230505/941824/Novye-partnery-ShOS-po-dialogu.html> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Путин поддержал вступление Белоруссии в ШОС. URL: <https://ria.ru/20220916/shos-1817198157.html> (дата обращения: 10.06.2023).

вую эпоху: «Стороны продолжают осуществлять всестороннее сотрудничество в рамках многосторонних структур, таких как ШОС и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Китай поддерживает ускоренное вступление Беларуси в ШОС в качестве полноправного члена»¹. Сроки по вступлению Белоруссии называются кратчайшими, активно ведется работа по подписанию и ратификации ряда международных документов.

В условиях усиления противостояния стран коллективного Запада России с Китаем кабинет министров Саудовской Аравии одобрил решение о вступлении в ШОС, что основывается на долгосрочном партнерстве Эр-Рияда с Пекином². «Китай поздравляет Саудовскую Аравию с тем, что она стала партнером по диалогу с ШОС. КНР готова укреплять сотрудничество с Саудовской Аравией в рамках ШОС, вносить большой вклад в поддержание региональной безопасности и стабильности, содействовать общему развитию»³, — отметило Министерство иностранных дел Китая. США, чьим традиционным союзником на Ближнем Востоке выступает Саудовская Аравия, сдержанны в заявлениях, а по мнению саудовского правительства, данный шаг позволит сохранить баланс в системе внешнеполитических отношений страны с иностранными государствами.

Вступление Саудовской Аравии в ШОС укрепит влияние организации в исламском мире. «Это придаст ШОС большой международный вес благодаря высокому статусу Эр-Рияда в крупных глобальных организациях, таких как Организация исламского сотрудничества и ОПЕК. Кроме того, Саудовская Аравия — крупнейшая экономика среди арабских стран и самая быстрорастущая экономика среди стран G20»⁴, — считает саудовский политолог Азам аль-Шдади. Наличие в рядах организации Ирана, а в числе партнеров ОАЭ, Египта, Катара и Кувейта подтверждает данный вывод. Вступление в ШОС богатых нефтью стран Персидского залива позволит им выступить катализатором евразийского регионализма, наряду с Китаем, Россией и странами Центральной Азии и Кавказа⁵.

Географически расположенная между лидерами ШОС Монголия, по мнению экспертного сообщества, может ограничиться действующим статусом взаимодействия с организацией. Монгольский аналитик Дэмбэрэл Коля указывает, что, не становясь членом ШОС, возможно решать двусторонние вопросы в рамках отношений с соседями. Успех зависит от того, сумеет ли организация найти для этого подходящие формы, и в еще большей степени от того, сумеет ли она обеспечить непрерывное расширение и углубление сотрудничества во всех об-

¹ Китай поддержал ускоренное вступление Белоруссии в ШОС. URL: <https://ria.ru/20230301/shos-1855201849.html> (дата обращения: 10.06.2023).

² Саудовская Аравия присоединится к Шанхайской организации сотрудничества. URL: <https://rg.ru/2023/03/29/saudovskaia-araviia-prisoedinitisia-k-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Пекин заявил о готовности к укреплению сотрудничества с Эр-Риядом в рамках ШОС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17404459> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Выше ШОС: Саудовская Аравия стала партнером организации. URL: <https://iz.ru/1491673/kseniia-loginova/vyshe-shos-saudovskaia-araviia-stala-partnerom-organizacii> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Why the Shanghai Cooperation Organization matters. URL: <https://www.arabnews.com/node/2147261> (дата обращения: 10.06.2023).

ластях [2, с. 109]. Подобные заявления, но с возможностью рассмотрения формата полноценного членства, делались и властями страны. В качестве доводов приводится поддержка стратегических партнерских отношений разновекторной направленности с Россией, Китаем, Японией, Индией и США¹.

В рамках встречи в 2022 г. председателя КНР Си Цзиньпина с президентом России В.В. Путиным и главой Монголии Ухнаагийном Хурэлсухом китайский руководитель заявил: «Китай надеется, что монгольская сторона как можно скорее примет решение и как можно раньше станет членом ШОС»². Уже в настоящее время реализуется ряд экономических, культурных, трансграничных проектов, способствующих усилению интеграционных связей Улан-Батора и крупнейшего интеграционного проекта Евразии. Поддержка лидеров обеих стран позволит актуализировать вопрос полноценного членства Монголии в ближайшей перспективе.

На основании изложенного переходим к выводам.

Во-первых, глобальными партнерами ШОС выступают не только субрегиональные наднациональные интеграционные объединения экономического и военно-политического характера Евразии, но и других континентов, что обусловлено деятельностью БРИКС и вовлекает в процесс принятия коллективных решений большую часть населения планеты.

Во-вторых, наибольшая перспектива вступления в ШОС есть у государств, имеющих союзные формы сотрудничества с уже действующими членами организации, такими как, например, Белоруссия, и крупными региональными лидерами, стремящимися к уменьшению влияния коллективного Запада, в частности Саудовской Аравией.

В-третьих, к препятствиям по вхождению государств в состав ШОС можно отнести политику многовекторности, неактуальность для страны текущих проектов организации, влияние внешних акторов.

Список литературы / References

1. Бредихин А.В. Культурная soft power Шанхайской Организации Сотрудничества // Культура: управление, экономика, право. 2023. № 1. С. 28—31.

Bredikhin A.V. Kul'turnaya Soft Power SHanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva [Cultural Soft Power of the Shanghai Cooperation Organization]. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo* [Culture: management, economics, law], 2023, no. 1, pp. 28—31. (In Russ.)

2. Дэмбэрэл К. Монголия перед дилеммой: ШОС или «Шелковый путь» // Обозреватель. 2021. № 3(374). С. 108—115.

Demberel K. Mongoliya pered dilemmoj: SHOS ili "SHelkovyj put'" [Mongolia facing a dilemma: the SCO or the Silk Road]. *Obozrevatel* [Observer], 2021, no. 3(374), pp. 108—115. (In Russ.)

¹ Why Mongolia Is Steering Clear of Full Membership in the SCO. URL: <https://thediplomat.com/2022/09/why-mongolia-is-steering-clear-of-full-membership-in-the-sco/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Китай надеется, что Монголия скоро примет решение о вступлении в ШОС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15764155> (дата обращения: 10.06.2023).

3. Ли Мэнлун, Жэнь Му. К вопросу о китайско-российском гуманитарном сотрудничестве в рамках ШОС // Архонт. 2018. № 6 (9). С. 17—26.

Li Menglong, Ren Mu. K voprosu o kitajsko-rossijskom gumanitarnom sotrudnichestve v ramkah SHOS [On the issue of Chinese-Russian humanitarian cooperation within the SCO]. *Archont*, 2018, no. 6(9), pp. 17—26. (In Russ.)

4. Мнацакянян Д. Г. Перспективы развития двусторонних отношений России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Архонт. 2018. № 6 (9). С. 27—33.

Mnatsakanyan D. G. Perspektivy razvitiya dvustoronnih otnoshenij Rossii i Kitaya v ramkah SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Prospects for the development of bilateral relations between Russia and China within the framework of the Shanghai Cooperation Organization]. *Archont*, 2018, no. 6(9), pp. 27—33. (In Russ.)

5. Разрыв гегемонии: новое исследование строительства международного порядка и системы глобального управления в новую эпоху / под общей редакцией кандидата исторических наук Бредихина Антона Викторовича. М.: АНО ЦЭМИ, 2023. 126 с.

Razryv gegemonii: novoe issledovanie stroitel'stva mezhdunarodnogo poryadka i sistemy global'nogo upravleniya v novuyu epohu [The Hegemony Gap: a new study of the construction of the international order and the global governance system in a new era], under the general editorship of Candidate of Historical Sciences Bredihin AntonViktorovich. Moscow: ANO CEMI, 2023. 126 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

Син Сяомань

Эффективность коллективной идентичности Шанхайской организации сотрудничества и ее дилемма

Аннотация. По мере того как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) вступает в новый цикл развития, вопрос о том, как усилить внутреннюю идентичность и повысить конкурентоспособность, становится все более актуальным. С точки зрения четырех измерений — политической, экономической, социальной и международной идентичности, ШОС добилась определенного прогресса в формировании институциональной идентичности, однако открытым остается вопрос о том, как повысить ее коллективный уровень и усилить сплоченность и центристремительную силу организации. Сообщество безопасности, построенное по модели ЕС, является полезным ориентиром для дальнейшего развития ШОС. В настоящее время коллективная идентичность ШОС все еще находится на начальной стадии, которая недостаточна для преодоления разногласий между государствами-членами, решения серьезных проблем, связанных с растущей политической поляризацией и геополитическими конфликтами в мире, и поддержки долгосрочного благоприятного развития ШОС. Исходя из этого, ключ к формированию коллективной идентичности ШОС лежит в развитии более привлекательных общих ценностей и коллективной идентичности на основе укрепления взаимного доверия и институциональных механизмов между государствами-членами, связей между всеми элементами сообщества региональной безопасности, культивирования сравнительных преимуществ и повышения уровня его коллективной идентичности.

Ключевые слова: ШОС, коллективная идентичность, сообщество региональной безопасности, дилемма.

Автор: Син Сяомань, Магистрант, Институт международных отношений, Шанхайская академия общественных наук, Китай. E-mail: xingxm9917@mails.jlu.edu.cn

Для цитирования: Син Сяомань. Эффективность коллективной идентичности Шанхайской организации сотрудничества и ее дилемма // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 17—28.
DOI: 10.48647/ICCA.2023.44.56.002.

Xing Xiaoman

The effectiveness of the collective identity of the Shanghai Cooperation Organization and its dilemma

Abstract. As SCO enters a new development cycle, the issue of how to enhance internal identity and strengthen competitiveness has become increasingly prominent. In terms of the four dimensions of political, economic, social and international identity, SCO has made some progress in building institutional identity, however, how to reach a higher level of collective identity and enhance the cohesion and centripetal force of the organization, the security community built by the EU model provides a useful referen-

ce for the further development of SCO. At present, the collective identity of the SCO is still in its initial stage, which is not enough to bridge the differences among member states, meet the serious challenges of increasing political polarization and geopolitical conflicts in the world, and support the long-term benign development of the SCO. Based on this, the key to building the collective identity of the SCO lies in developing more attractive common values and collective identity on the basis of strengthening mutual trust and institutional mechanisms among member states, strengthening the ties among all elements of the regional security community, cultivating comparative advantages, and raising the level of its collective identity.

Keywords: SCO, collective identity, regional security community, dilemma.

Author: Xing Xiaoman, Master's Student, Institute of International Studies, Shanghai Academy of Social Sciences, China. E-mail: xingxm9917@mails.jlu.edu.cn

For citation: Xing Xiaoman. The effectiveness of the collective identity of the Shanghai Cooperation Organization and its dilemma. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 17–28. (In Eng.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.44.56.002.

Formulate research questions

A hundred years of changes intertwined with the new crown epidemic have accelerated the adjustment of the international landscape, and the international community is experiencing major tests of multilateral and unilateral, open and closed, cooperation and confrontation. Since its establishment in 2001, the SCO has become an important international political phenomenon that has attracted much attention because of its geopolitical environment, membership composition, and a new concept and practice of regional cooperation. In SCO documents and statements, little has been said about going beyond limited cooperation to build the SCO identity. Facing the third decade, SCO has entered a very critical stage of development, and how to further improve the organization's positioning, enhance its effectiveness, expand the space for cooperation and achieve sustainable development has become the core concern of all parties concerned.

Based on this, the paper will take collective identity as the entry point and ask the research question: Can SCO effectively build collective identity? What is the path of its identity construction? This paper will focus on explaining the intrinsic connection between collective identity and the sustainable development of SCO, including the following four parts: (1) The existing explanation of the regional organization's identity and development dynamics. (2) The definition of concepts related to collective identity and how to promote the development of the regional organization. (3) The assessment of the effectiveness of SCO in shaping collective identity. (4) The real dilemma faced by SCO's collective identity.

Research perspectives of existing results

At present, with the increasing trend of political polarization in the world, SCO is regarded as a potentially important threat by European and American countries and is facing increasingly severe external pressure and internal tests, which urgently needs to

improve the organization's identity and competitiveness. Broadly speaking, the identity level of regional organizations can be divided into functional identity, institutional identity and collective identity from low to high [9, p. 19—46].

Firstly, functional identity perspective. In other words, on the basis of interactions and interdependence among countries in the region, functional identity is also used as a symbolic concept to highlight the regional attributes and identity markers of countries, which is clearly reflected in the formation of the European Community. Ernst Haas, a professor of international relations at the University of California, Berkeley, has proposed the concept of “organizational spillover effects”, in which he argues that the political and economic situation within one country has a significant impact on other countries, and that a community of interests is gradually formed under the impetus of market forces [12, p. 366—392] and Marc Lanteigne sees SCO as a forum for information sharing and cooperation at the political and economic levels [16, p. 605—622.]. The functional identity of the SCO is formed by the recognition of its role in maintaining security and stability in the Eurasian region and developing cooperation among member states in various fields [25, p. 69—81]. On the whole, the functional identity perspective defines SCO's identity within the regional framework of the organization and considers it to be at a relatively limited level.

Secondly, institutional identity perspective. Institutional identity refers to the identification of member states with the organization itself, which reflects the fundamental characteristics of the organization as core, lasting, unique and indivisible, and defines the organization's constitutive principles, basic mission, main functions, decision-making model and development direction [7]. Chen Xiaoding, a professor at the Institute of Central Asian Studies of Lanzhou University, and other scholars point out that, in view of the prominent heterogeneity of member states and their different stages of development, it is difficult for SCO to build a collective identity model similar to that of the European Union at present, and it should work on improving an institutional identity close to the ASEAN approach [7]. Some scholars, based on four analytical dimensions: political, economic, social and international identity, believe that SCO has made some progress in building institutional identity and formed the SCO Model with South-Central Asia as the geographical base, Shanghai Spirit as the value norm, regional issues and regional cooperation as the basic issues, and consensus as the decision-making mechanism [6, p. 91—120]. In short, institutional analysis can provide a picture of where an international organization is at a particular point in time, but it cannot indicate how and when the organization will change.

Thirdly, collective identity perspective. Collective identity is the highest level of organizational identity, which means that group members take the group's goals, norms, and behaviors as their own goals and standards of behavior. Its degree determines the cohesiveness and morale of a group, which in turn affects group performance [22, p. 38—44]. Scholars with a constructivist perspective focus on the core concept of “collective identity” [23, p. 1340.]. Thomas Ambrosio, an associate professor in the Department of Criminal Justice and Political Science at North Dakota State University, argues that a collective identity has not yet been formed among SCO member states and lacks a universal regional identity. The collective identity among SCO member states has not yet been formed and lacks a universal regional identity, but remains limited in terms of

issues. Meanwhile, Swiss scholar Stephen Aris, by illustrating the unrest in Kyrgyzstan, argues that it has once again exposed the weaknesses of the SCO's collective action capacity, poor policy coordination, and information asymmetry, which are obstacles to the SCO's advancement of regional security cooperation [18, p. 1]. However, some scholars, such as Bettina Westle, have a positive attitude toward the collective identity of the SCO, arguing that collective identity can be created through interaction and socialization [10, p. 15–36.], and suggesting corresponding suggestions for the construction of the SCO's collective identity. In conclusion, the basic view of the collective identity perspective is that the collective identity of the SCO is constrained by internal and external factors, and the formation of a deep collective identity takes a considerable period of time.

In summary, the functional identity perspective, institutional identity perspective and collective identity perspective show different research preferences when examining the SCO identity, however, the comparison shows that they share a certain academic consensus: they all agree that the “Shanghai Spirit” has been successfully internalized into the common values and behavioral norms of the member states and has become a core element in bridging the differences among member states and bringing together the organizational identity. While the theoretical perspectives based on power and institutions have not touched the essence of the development dynamics of the regional organization, the constructivist perspective has largely revealed the root causes of SCO's weak development and pointed out feasible directions. Therefore, against the background that the SCO has already achieved institutional identity, the key question is how to build a collective identity that meets both the current reality and the needs of the SCO's benign development. This paper argues that the construction of SCO's collective identity is closely related to the construction of a regional security community, and the two are mutually reinforcing [4, p. 396–397].

Collective identity: conceptual definition and community building

According to constructivist theory, collective identity involves the identification of actors with a collective identity, and the construction of a collective identity requires re-defining the boundaries between self and other and constructing a common in-group identity [8, p. 9]. Nicholas J. Wheeler, professor of international relations at the University of Birmingham, notes that the SCO has spent the last decade constructing a collective identity through anti-interventionist discourses such as “decolonization” and “anti-imperialism”. However, such identity construction based on reactive responses to external threats is not conducive to the long-term development of the organization and the building of a collective identity [20, p.435]. Moreover, due to the combined effects of the psychological divide among member states, the growing strategic doubts about China's regional influence, and the lack of consensus among member states on the direction of SCO's development, the organization faces more practical challenges in building an endogenous identity. A significant number of scholars hold a similar view that SCO's collective identity not only lacks a historical basis, but also the heterogeneity of member states' history, culture, and values has led to the failure of SCO to develop “common va-

lues”. SCO faces the challenge of competitive multilateralism in Eurasia. In the complex environment of overlapping regimes in Eurasia, the SCO is seen by some member states as an option for regional cooperation, and other existing multilateral organizations in the region provide alternatives for member states in their search for security and economic development [9, p. 19–46], which to some extent weakens the SCO’s collective identity.

In view of this, the construction of an EU-style collective identity with a high degree of integration of values hardly fits into the development reality of SCO. European identity is not only a means to promote integration and EU development, but also an end of EU construction, because the core of EU collective identity itself is some norms and value structures. The goal of European integration is to build Europe not only as an economic and political community, but also as a cultural community [17, p. 30–36]. Considering that the SCO is at the initial to mid-term stage of building a community of interests, the member states prefers to build their organizational identity with institutional identity as the basic orientation, and the construction of collective identity needs to go through a rather long historical period. Even so, it is not impossible to establish a high level of collective identity within the SCO framework. In terms of collective identity construction, the organization should first strengthen its internal unity and cohesion, enhance its legitimacy, and then give full play to its organizational identity to achieve a high level of organizational cohesion and a unique dynamic model through the path of building a regional security community in the collective identity theory.

The model of collective identity used in this paper adopts Karl Wolfgone Deutsch’s theory of collective identity [15], which states that there are three layers of collective identity [22, p. 38–44], with the first layer referring to a combination of internal and external factors in which member states see each other as part of a collective/community: sharing the same ideas, norms, and values. The second tier refers to the closer relationships and mutual trust of the organization’s member states, resulting in more transnational ties and interactions. The third tier is when members of the community develop a sense of solidarity around the identity of the community and decision makers forgo war or other means of force to resolve disputes when making decisions. The process of collective identity is not immediate, but is accomplished gradually. When referring to the SCO, concepts related to norms, identity, values, and identity, are necessary components of it, and specific forms of cooperation such as free trade agreements are often established among members of the security community.

Three levels of collective identity	Standard	SCO
Shared Values	Emerging period	Yes
Mutual trust	Rising period	Conditional
Well-established institutional mechanism	Maturity	None

Some scholars point out that collective identity is a social construction, when member states form a certain understanding of the organization’s identity, this understanding, whether on the level of ethnicity, language, religion or historical memory, may become the basis of identity [19, p. 283–294], and for the SCO member states, the condi-

tion for reaching collective identity is the formation of links in history, ethnicity, language, religion and cultural similarities. The common values and norms can provide values and guidance for cooperation and identity of member states, provide a lasting impetus for the development of the organization, and elevate the recognition of member states from interest-based claims to belonging identity based on common values.

The collective identity of the Shanghai Cooperation Organization and its effectiveness

Currently, the SCO has united 18 countries¹, and in the search for a collective identity, the organization's development depends to a large extent on the expansion of its regional scope. As some scholars have argued, the SCO will become a strong regional player if it covers not only security issues but also economic and social problems. Political leadership alone cannot guarantee unity or the successful achievement of set goals, so the organization's expansion requires not only advancing regional cooperation, but also increasing mutual trust.

Currently, the perception and image of SCO member states among their populations, as well as the values, identity issues, and common goals of the regional states, remain largely unappreciated, thus negatively affecting the SCO initiative in the following ways: first of all, with the development of infrastructure in the SCO region, the signs of China's "economic expansion" in the region are becoming more and more visible and widely noticed. Secondly, there is a sense of crisis of unfair territorial division, territorial annexation, and increased territorial expansion. Thirdly, with the widespread movement of labor between countries, there is a growing concern about the movement and growth of the Chinese population in Central Asia. Fourthly, the image of the political elite in the SCO is gradually distancing itself from the general population, and political leaders in Central Asian countries see SCO initiatives as generally beneficial to their countries, but the public is increasingly inclined to see them as benefiting their political and economic elites rather than improving the living conditions of the general population.

In the case of the SCO, its vast history of cooperation, self-perceptions about the organization and the perceptions of the member states about other countries, as well as the tools used by the organization to achieve new goals, do not contribute to the formation of the organization's identity. Therefore, SCO member states should embrace the concept of collective identity formation in international relations, which requires common norms (behavioral expectations, common practices and obligations), common selves (understanding of the boundaries of the community) and common values (common interpretation of values and ethics that determine behavior). In the case of SCO, these elements can be observed in the efforts to shape the organization's identity.

When the Shanghai Five Forum was formally established as the Shanghai Cooperation Organization, it also constructed a framework of collective identity, trying to promote the realization of anti-colonial and anti-imperialist values, led by the "Shanghai

¹ 6 member countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, China, Russia, Tajikistan, Uzbekistan), 6 observer countries (Afghanistan, Belarus, India, Iran, Mongolia, Pakistan) and 6 dialogue partners (Azerbaijan, Armenia, Cambodia, Nepal, Turkey, Sri Lanka) respectively.

Spirit”¹, which has evolved to date. Some Central Asian countries have accepted the “Shanghai spirit” and have formed an eclectic cultural mix: the organization includes Christianity, Buddhism, Hinduism and Islam. It may be more difficult to further develop common values, given the conflict and rivalry between India and China, India and Pakistan [1, p. 53]. From the perspective of a security community, which was originally established to reduce the risk of conflict among member states, avoid war, and enhance mutual trust among them, the SCO has achieved its goals. In the SCO, the strengthening of the collective identity comes from the strengthening of confidence measures, according to the document *Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organization* [10, p. 1], which is reinforced by the establishment of annual summits. Although the SCO is seen by Western scholars as rather divisive, with considerable tendencies toward competition among its member states, the institutional structure that already exists serves to moderate competition and avoid escalation of conflict, and has exercised its maximum organizational resilience over the past two decades.

Among them, the SCO has been more successful in building its identity against colonialism and imperialism, playing an effective role in border control, combating drug crimes and terrorism, and continuing to expand the scope of the organization after its success. The heterogeneity of SCO members and the complexity of its regional cooperation have caused the formation of the organization’s regional identity to face great challenges as well. The first element in the formation of the SCO identity is the SCO decolonization agenda, which unites the majority of SCO member states. The concept of this agenda is elaborated in several documents *in the framework of the Shanghai Cooperation Organization* [5, p. 1], which states that the purpose of the SCO is to promote the establishment of a new international system based on respect for the preservation of national unity and national interests of each country, adherence to its own path of development, independent development of internal and external policies, and equal participation in international affairs.

These demands are therefore firmly opposed to the establishment of foreign military bases in Central Asia, and are seen as a signal from China to its SCO ally Russia that it will treat any attempts to establish new military bases and expand its military presence in the region with caution. China’s strong opposition to foreign interference in the internal affairs of states is a manifestation of its anti-imperialist policy and a positive factor in the participation of Central Asian countries in the SCO. Successive SCO summits have re-

¹ The “Shanghai Spirit” is “mutual trust, mutual benefit, equality, consultation, respect for diverse civilizations and the pursuit of common development.” It is not only the foundation of the Shanghai Five mechanism, but also the soul of the Shanghai Cooperation Organization. “After the Shanghai Five mechanism successfully resolved the historical border security issues on the basis of mutual trust and mutual benefit, it gradually developed into regional security, regional economic cooperation, cultural and educational exchanges, etc. Peace and development have always been the core of the mechanism; the Shanghai Cooperation Organization” has inherited this spirit of the times, established a regional conflict prevention mechanism, made important attempts to combat terrorism, separatism and extremism, formulated common measures, played an effective deterrent role in curbing the spread of the three forces, and is conducive to maintaining the unity and security of the peoples of the region as well as peace and stability in the world. Undoubtedly, the “Shanghai Spirit” expresses the common aspirations of the peoples of the member states and corresponds to the mainstream of the times of peace and development.

ferred to these roles and reaffirmed that “differences in cultural traditions, political and social systems, values and development models developed in the course of history should not be used as a pretext to interfere in the internal affairs of other countries”.

As mentioned earlier, high-level collective identity depends on the corresponding institutional mechanism and strengthening of trust. The SCO should further clarify its organizational positioning from these two dimensions. According to scholar Lanteigne Marc, the SCO itself is a security community with an organizational structure borrowed to a large extent from ASEAN, maintaining interstate relations, mobilization patterns are very similar, and plays the role of a stable period of regional peace [16, p. 605—622]. The SCO achieved its collective identity not through the maintenance of shared values, but through two important conditions of mutual trust and institutions, unlike the EU, which has adopted a top-down approach to institutionalizing security, the public knows little about the institutional design and mode of operation of the SCO, and in 2018, the SCO member states issued the Qingdao Declaration [21, p. 1], which demonstrated the desire to continue cooperation and build mutual trust [21, p. 1]. High-level statements acted as a catalyst for grassroots institutions within the organization¹, and in 2019, the SCO hosted its largest military exercise to date in Russia, with 128,000 troops from eight SCO member states participating in the exercise, marking the second military cooperation in history between India, Pakistan, Russia and China. The regularity of the organization’s military exercises also showed from the side that the collective identity of the SCO is steadily forming.

The Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) [10, p. 1] and *the Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism* expressly stated the purposes and set forth the Shanghai spirit of mutual trust, mutual benefit, equality, consultation, respect for diverse civilizations and pursuit of common development as the principles of mutual relations, as well as the principles of non-alignment, non-targeting of other countries and regions, and openness to the outside world. Scholar Wang Jinguo points out that the “Shanghai Spirit” transcends ideological and developmental differences among member states² and guarantees the realization of common interests of member states through equality, cooperation and mutual respect, and forms a new community of security and interests in the Eurasian region through joint cooperation, and contributes to the promotion of a community of human destiny. The SCO has made its due contribution to the construction of a community of human destiny [11, p. 1] Specifically, the SCO was established with the Shanghai spirit as the basic principle and value of the organization, which meets the needs of the member sta-

¹ According to organizational culture theory, all levels have an essential role to play in shaping organizational culture. The top of the organization, especially the top leader, has a pivotal role, the middle of the organization plays a key role as the key link between the top and the bottom, and the bottom members are increasingly moving from passive to active. One of the important signs of a successful organizational culture is that the top, middle and grassroots levels are all able to do their jobs around their main tasks in the organization.

² It rejects power politics and guarantees equal decision-making power for all member countries with practical institutional design, so that small countries within the organization can also enjoy the international prestige brought about by the increase of the organization's influence; it is committed to promoting the establishment of a democratic, just and reasonable new international political and economic order.

tes to maintain their sovereign independence and allows them to participate in regional affairs on a fully equal footing, facilitating the SCO member states to overcome their differences and form an identity with the organization. On this basis, the construction of a new type of regional organization provides the international community with a new model of open regional cooperation that integrates multiple cultures. The SCO aims to build mutual trust among the highly heterogeneous member states, move toward convergence, move from bilateral cooperation to collective action, and provide a boost to the formation of a regional security community.

The collective identity dilemma of the Shanghai Cooperation Organization

The construction of collective identity can neither be achieved overnight, nor can it be done once and for all, the paper will examine and evaluate the progress and shortcomings of SCO in building collective identity from four dimensions: sense of identity, expansion effect, Chinese identity and construction conditions.

First of all, there are controversies and exclusions in the construction of SCO's identity. In addition to the interaction of major powers influencing the development process of the organization, other member states as small countries can have a significant impact on the development of the SCO in the form of their strategic values, multilateral foreign policy and numerical strength of the group and frontier validators¹. As the SCO's cooperation framework has become increasingly sophisticated, the drawbacks of complex and diverse heterogeneous internal member relations have become increasingly evident, casting a shadow over the organization's internal solidarity and mutual trust and creating a greater tension between them and the establishment of a collective identity. The territorial and water disputes among the Central Asian member states have not yet been thoroughly resolved, and the factors affecting the political mutual trust of the member states have increased rather than decreased after the expansion of the organization, which may complicate the relations among the member states and expose the organization to the risk of formulization if not handled properly.

Secondly, China's current image also complicates the process of forming an SCO identity. China is largely perceived as an "alien" in the region, and anti-Chinese sentiment is occasionally expressed by politicians and the public. As mentioned earlier, suspicious sentiment is triggered by the Central Asian countries' past experience of Russian influence, while in the case of China, there is greater concern about the country's economic expansion. These issues suggest that building a regional identity for the SCO is crucial to its development. Some Western scholars believe that the economic

¹ In September 2021, the 21st meeting of the SCO Council of Heads of State was held in Dushanbe, the capital of Tajikistan. President Xi Jinping pointed out: "The Shanghai Cooperation Organization has stood at a new historical starting point. We should hold high the banner of "Shanghai Spirit", grasp the direction of progress in the historical trend of democratization of international relations, promote our own development in the grand scheme of common development of mankind, build a closer SCO community of destiny, and make greater contributions to lasting peace and common prosperity in the world. To this end, he put forward four new proposals: first, to take the road of unity and cooperation, second, to take the road of sharing security and danger, third, to take the road of opening and integration, and fourth, to take the road of mutual learning and appreciation."

and cultural expansion of China in the region, with its economic, political and demographic advantages, could threaten the organization's declared goal of improving the lives of the region's people. This perception has already sparked anti-Chinese sentiment among the public and politicians in Tajikistan, Kyrgyzstan, and Kazakhstan regarding China's potential economic and social expansion [24, p. 102—118].

Finally, among the elements for achieving collective identity, the SCO has only the basic conditions for building a deep collective identity [3, p. 5], and the Central Asian countries have become important variables. Within the organization, mutual trust among member states relies on heads of state meetings and multilateral military exercises to present its basic image as an emerging security community externally, while internally, mutual trust and sound institutional mechanisms are only the basic conditions for building a collective identity, in which Central Asian affairs are the core of the SCO, and the specificity of Central Asian countries directly affects the collective identity of the SCO. Central Asian countries pursue a balanced foreign policy of major powers, and are in a position of "waiting to be sold" among major forces in Central Asia, thus weakening the degree of interdependence among member states and posed a challenge to the establishment of collective identity [26, p. 34—54].

Conclusion

The SCO is at an important point in its development when it is carrying forward and starting from the past. At present, although the construction of SCO's collective identity has achieved certain results, it is still at a preliminary stage, which has become an important obstacle to its further development. In the future, in promoting the development of the collective identity of SCO member states, the organization should actively play its own identity-building function and that of various mechanisms. At the same time, attention should be paid to the corresponding problems in the construction of SCO. Even the European Union, which has a long history of federalism and the highest degree of homogeneity, took more than half a century of development to reach the current level of cooperation and cultivate a high level of regional identity. herefore, the development of cooperation and regional identity among SCO member states in various fields must not be driven by greed for speed, otherwise they will be trapped in a big contest due to the Central Asian countries' concern about Russia's [imperial] ambitions and more reliance on balanced diplomacy, and the other member states' concern about the expansion of China's influence. The great contest is a whirlpool.

Список литературы / References

1. Bellamy A. Security Communities and Their Neighbors: Regional Fortresses or Global Integrators? New York, Palgrave Macmillan, 2004, 53 p.
2. Khazanov A. Authoritarianism and its consequences in ex-Soviet Central Asia, in Ethnicity, Authority, and Power in Central Asia: New Games Great and Small. ed. Robert L. Canfield and Gabriele Rasuly-Paleczek. New York, Routledge, 2011, pp. 25—26.

3. Matveeva A., Giustozzi A. The SCO: A Regional Organization in the Making. *London, LSE, Crisis State Research Center*, September, 2008, no. 39, pp. 5.
4. Westle B. Identification and Trust-Resource for Support for the European Union, in *Civic Resources and the Future of the European Union*, ed. Ireneusz Pawel Karolewski, and Viktoria Kania. New York, Routledge, 2012, pp. 15–36.
5. Charter of the Shanghai Cooperation Organization, Shanghai Cooperation Organization. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%8A%E6%B5%B7%E5%90%88%E4%BD%9C%E7%BB%84%E7%BB%87%E5%AE%AA%E7%AB%A0/1249075?fr=aladdin> (accessed: 15.01.2023).
6. Chen Xiaoding, Li Shan. Institutional Identity: The Development Dynamics of the Shanghai Cooperation Organization after Expansion. *Contemporary Asia-Pacific*, 2022, vol. 3, pp. 91–120.
7. Chen Xiaoding, Qin Mingyue. Institutional Identity: The “Adhesive” after the Expansion of the Shanghai Cooperation Organization. *China Social Science Journal*, 2022, vol. 4.
8. Chen Xiaoqin, Li Chen. Analysis of the Impact of India's Accession to the Shanghai Cooperation Organization — Based on the Perspective of Regional Public Goods. *South Asian Studies*, 2019, vol. 2, pp. 9.
9. Chen Yazhou. The Effectiveness and Dilemmas of the Shanghai Cooperation Organization's Identity. *World Economy and Politics*, 2021, no. 2, pp. 19–46.
10. Declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), Shanghai Cooperation Organization. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%8A%E6%5%B7%E5%90%88%E4%BD%9C%E7%BB%84%E7%BB%87%E6%88%90%E7%AB%8B%E5%AE%A3%E8%A8%80/1688550?fr=aladdin> (accessed: 15.01.2023).
11. Gao Yining. Shanghai spirit forges SCO's core values, CCTV.com. URL: http://news.cnr.cn/dj/20180531/t20180531_524253542.shtml (accessed: 15.01.2023).
12. Haas Ernst B. International integration: the European and the universal process. *International Organization*, 1961, vol. 15, issue 3, 366–392/Jeffrey T. Checkel. *Social Construction and European Integration*. Thomas Christiansen et al., eds.
13. Mitzen J. Anxious Community: EU as(in)security community. *European Security* 27, 2018, no. 3(2018), pp. 396–397.
14. Mitzen J. Anxious Community: EU as(in)security community. *European Security* 27, 2018, no. 3(2018), pp. 396–397.
15. Deutsch K. *Analysis of International Relations*. Beijing, World Knowledge Press, 1992.
16. Lanteigne M. ‘In Medias Res’: The Development of the Shanghai Co-Operation Organization as a Security Community. *Pacific Affairs* 79, 2006, no. 4 (2006), pp. 605–622.
17. Li Mingming. EU Identity and EU Institution Building: A Mutually Constructive Process. *Foreign Affairs Review* [Journal of the Foreign Service Institute], 2007, no. 5, pp. 30–36.
18. Kaczmarek M. Russia attempts to limit Chinese influence by promoting CSTO-SCO COO Peration, issue of the CACI Analyst. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/11497-analytical-articles-caci-analyst-2007-10-17-art-11497.html?tmpl=component&print=1> (accessed: 15.01.2023).
19. Crosston M. The Pluto of International Organizations: Micro-Agendas, IO Theory, and Dismissing the Shanghai Cooperation Organization. *Comparative Strategy* 32, 2013, no. 3, pp. 283–294.
20. Nicholas J. Wheeler. Beyond Waltz's Nuclear World: More Trust May be Better. *International Relations* 23, 2009, no. 3, pp. 435.
21. Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization, Shanghai Cooperation Organization. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%8A%E6%B5%B7%E5%90%88%E4%BD%9C%E7%BB%84%E7%BB%87%E6%88%90%E5%91%98%E5%9B%BD%E5%85%83%E9%A6%96%E7%90%86%E4%BA%8B%E4%BC%9A%E9%9D%92%E5%B2%9B%E5%AE%A3%E8%A8%80/22650101?fr=Aladdin> (accessed: 15.01.2023).

22. Sun Suyuan. Collective Identity and International Politics — A Cultural Perspective. *Modern International Relations*, 2003, vol. 1, pp. 38—44.

23. Ambrosio T. Catching the 'Shanghai Spirit': How the Shanghai Cooperation Organization Promotes Authoritarian Norms in Central Asia. *Europe-Asia Studies*, 2008, no. 8, pp. 13—40.

24. Dadabaev T. Shanghai Cooperation Organization (SCO): Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States. *Journal of Contemporary China*, 2014, vol. 8, no. 85, pp. 102—118.

25. Zhao Mingwen. Prospects for the Development of the Shanghai Cooperation Organization in the Next Decade. *International Studies*, 2011, no. 6, pp. 69—81.

26. Zhu Yongbiao, Wei Yueyan. Analysis of the development stages and prospects of Shanghai Cooperation Organization — Based on the perspective of organizational life cycle theory. *Contemporary Asia-Pacific*, 2017, vol. 3, pp. 34—54.

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

Ван Цзинвэй (КНР), Ли Фэн (КНР), С.Л. Сазонов, Е.Е. Сергиенко

В чем слабость альтернативных китайской инициативе «Пояс и Путь» предложений западных стран

Аннотация. Соединенные Штаты вместе с партнерами по G7 намерены запустить новую инициативу, направленную на развитие глобальной инфраструктуры, которая, по их замыслу, должна противодействовать китайскому проекту «Пояс и Путь». Хотя до сих пор не озвучен четкий план реализации западных инициатив по строительству инфраструктуры в развивающихся странах (Blue Dot Network, Build Back Better World), авторы приводят мнения авторитетных западных политиков и экономистов, которые отмечают, что для реализации этих планов выделяется недостаточно средств. Кроме того, при отсутствии достаточного финансирования эти амбициозные планы могут еще сильнее разогнать инфляцию во всем мире и вызвать глобальную рецессию. В противовес китайская инициатива «Пояс и Путь» является многоформатной интеграционной и экономической проектом, в рамках которого разные страны действуют согласованно в общих интересах, причем принудительные механизмы отсутствуют. По сравнению с западными странами Китай проявляет большую гибкость в финансировании инфраструктурных проектов в развивающихся странах, причем предоставляет финансовую помощь этим государствам в виде грантов, беспроцентных и льготных кредитов, которые направляются странам — участникам проекта «Пояс и Путь» на развитие национальных инфраструктурных сетей. Авторы развенчивают утверждения западных политиков о финансовой помощи КНР развивающимся странам как своего рода китайской «долговой ловушке» для стран третьего мира. Несмотря на обвинения западных государств в адрес Китая в неэффективности инициативы «Пояс и Путь», большинство развивающихся стран взаимодействуют с КНР, а проекты и инвестиции с китайской стороны приветствуются и действительно помогают улучшить ситуацию в регионе. Западным партнерам следует выделять странам третьего мира гораздо больше инвестиций, чем предоставляет им Китай, а это будет сделать крайне сложно в условиях рецессии, которая постепенно набирает обороты в Европе. Именно поэтому развивающиеся страны воспринимают Китай в качестве надежного партнера, полностью и в срок исполняющего свои обязательства. Кроме того, в качестве доказательства приводятся оценки экономического вклада инициативы «Пояс и Путь» в развитие глобальной инфраструктуры, который обеспечит как рост объемов мировой торговли, так и увеличение глобального реального дохода.

Ключевые слова: Китай, США, Евросоюз, инициатива «Пояс и Путь», инфраструктура, инициатива Blue Dot Network, инициатива «Восстановить лучший мир» (Build Back Better World, B3W), инвестиции, кредиты, долговая ловушка, ВВП, внешняя торговля.

Авторы: Ван Цзинвэй, Аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. E-mail: wjw07@yandex.ru

Ли Фэн (КНР), Аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. E-mail: sazonovch@mail.ru

Сергиенко Елена Евгеньевна, заместитель ученого секретаря ИКСА РАН, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.
E-mail: SERGIENKO@ICCARAS.RU

Для цитирования: Ван Цзинвэй, Ли Фэн, Сазонов С.Л., Сергиенко Е.Е. В чем слабость альтернативных китайской инициативе «Пояс и Путь» предложений западных стран // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 29–41. DOI: 10.48647/ICCA.2023.75.41.003.

Wang Jingwei (PRC), Li Feng (PRC), Sazonov S.L., Sergienko E.E.

What is the weakness of Western countries' alternative proposals to the Chinese «Belt and Road» initiative

Abstract. The United States, together with its G7 partners, intend to launch a new partnership aimed at developing global infrastructure, which, according to their plan, should counteract the Chinese Belt and Road project. Although a clear plan for the implementation of Western initiatives to build infrastructure in developing countries (Blue Dot Network, Build Back Better World) has not yet been announced, the authors cite the opinions of reputable Western politicians and economists who note that insufficient funds are allocated for the implementation of these plans. In addition, in the absence of sufficient funding, these ambitious plans can further accelerate inflation around the world and cause a global recession. In contrast, the Chinese Belt and Road initiative is a multi-format integration and economic project in which different countries act in concert in common interests, and there are no coercive mechanisms. Compared to Western countries, China shows greater flexibility in financing infrastructure projects in developing countries, and China provides financial assistance to developing countries in the form of grants, interest-free and concessional loans, which are sent to the participating countries of the Belt and Road project for the development of national infrastructure networks. The authors debunk the claims of Western politicians about China's financial assistance to developing countries as a kind of Chinese “debt trap” for the third world countries. Despite Western countries' accusations against China of the ineffectiveness of the Belt and Road initiative, most developing countries are cooperating with China, and projects and investments from the Chinese side are welcome and really help improve the situation in the region. Western partners should allocate much more investments to the “third world” countries than China provides them, and this will be extremely difficult to do in the conditions of recession, which is gradually gaining momentum in European countries. Not easy. That is why developing countries perceive China as a reliable partner, fully and on time fulfilling its obligations. In addition, estimates of the economic contribution of the Belt and Road initiative to the development of global infrastructure, which will ensure both the growth of world trade and an increase in global real income, are given as evidence.

Keywords: China, USA, EU, “Belt and Road” Initiative, infrastructure, Blue Dot Network initiative, Build Back a Better World (B3W) initiative, investments, loans, debt trap, GDP, foreign trade.

Authors: *Wang Jingwei* (PRC), Postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: wjw07@yandex.ru

Li Feng (PRC), Postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Sazonov Sergey Leonidovich, PhD (Economy), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: sazonovch@mail.ru

Sergienko Elena Evgenievna, Deputy Scientific Secretary of the ICCA RAS, Institute of China and Contemporary Asia of the of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: SERGIENKO@ICCARAS.RU

For citation: Wang Jingwei, Li Feng, Sazonov S.L., Sergienko E.E. What is the weakness of Western countries' alternative proposals to the Chinese “Belt and Road” initiative. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 29—41. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.75.41.003.

В последние годы в мире наблюдается острая нехватка инвестиций в инфраструктуру, такую как транспорт, энергетика и коммуникации. Согласно отчету, опубликованному Глобальным инфраструктурным центром (Global Infrastructure Hub), аналитическим центром, поддерживаемым странами G20, к 2040 г. потребуется 94 трлн долл. на развитие мировой инфраструктуры. Ежегодно для удовлетворения спроса на развитие этой инфраструктуры необходимо будет инвестировать 3,7 трлн долл., однако вследствие длительных сроков строительства, масштабных инвестиций и длительных циклов окупаемости капитальных вложений многие страны не могут позволить себе строить инфраструктуру самостоятельно. Государства, расположенные вдоль маршрута «Пояс и Путь», как правило, слабо развиты, их инфраструктура не отвечает современным требованиям, а многие транспортные маршруты сопряжены с рисками для безопасности. В некоторых странах отсутствует единая стандартная железнодорожная сеть, а сам железнодорожный транспорт не отличается эффективностью, морские маршруты подвержены угрозам безопасности. По мнению китайских аналитиков, «эти недостатки являются узким местом для развития инициативы “Пояс и Путь”, но также и возможностью для продвижения инициативы». Совместное осуществление инициативы «Пояс и Путь» предоставляет странам-участницам новые возможности для создания и модернизации своей инфраструктуры, что позволит снизить операционные издержки и ускорит развитие глобальной торговли [26]. Инициатива «Пояс и Путь», способствующая восстановлению мировой экономики за счет стабилизации цепочек поставок между странами и закладывающая основу для дальнейшего глобального экономического сотрудничества, встречает ожесточенное сопротивление западных стран, прежде всего, США. Китайские эксперты отмечают, что «в противовес Китаю, США и некоторые их союзники разрабатывают альтернативные проекты инфраструктурного сотрудничества со странами третьего мира».

Первый из них был представлен на полях 35-го саммита АСЕАН, состоявшегося в ноябре 2019 г. в Бангкоке (Таиланд), когда была выдвинута инициатива Blue Dot Network (BDN) — «сеть голубых точек», разработанная США, Японией и Австралией (ее возглавляют Международная финансовая корпорация развития США, Японский банк международного сотрудничества и Министерство ино-

странных дел и торговли Австралии). Инициатива призвана «провести оценку и сертификацию проектов по развитию инфраструктуры во всем мире и оценить ее влияние на глобальное экономическое развитие с целью выработки рекомендаций для инвестирования за рубежом» [15].

В начале 2021 г. на фоне эскалации антикитайских санкций президент США Д. Байден предложил бывшему премьер-министру Великобритании Б. Джонсону разработать еще одну альтернативную инфраструктурную инициативу, способную составить конкуренцию китайскому плану «Пояс и Путь». По мнению китайских аналитиков, американское предложение «в то время лишь выявило отсутствие понимания четкой и взаимовыгодной стратегии Китая на укрепление международного экономического сотрудничества, причем даже некоторые лидеры ЕС, учитывая собственные интересы, были осторожны в принятии жесткой риторики или действий против Китая» [8].

В начале июня 2021 г. страны «Большой семерки» (G7) объявили о намерении развивать инфраструктуру стран с низким и средним уровнем дохода в рамках международной экономической инициативы «Восстановить лучший мир» (Build Back Better World, B3W), которая распространится на страны от Латинской Америки и Карибского бассейна до Африки и Индо-Тихоокеанского региона. Разрабатываемый Евросоюзом под руководством США план по мобилизации государственных и частных средств для финансирования инфраструктурных проектов ЕС за рубежом в рамках расширенного Европейского фонда устойчивого развития (European Fund for Sustainable Development Plus, EFSD+) нацелен «на создание адекватной инфраструктуры стоимостью 40 трлн долл., необходимой развивающимся государствам к 2035 г.», и «направлен на противодействие китайскому проекту “Пояс и Путь”». В начале октября 2021 г. делегации США и стран ЕС посетили Эквадор, Панаму и Колумбию, ноябре — Сенегал и Гану, в декабре 2021 г. состоялся азиатский тур, а в январе 2022 г. США и европейские союзники заявили о намерении инвестировать в реализацию 5–10 крупных инфраструктурных проектов по всему миру [23].

Европейский союз в попытке создать конкуренцию китайскому плану строительства «Пояса и Пути» 1 декабря 2021 г. объявил о запуске собственной инициативы Global Gateway («Глобальные ворота»), которая была провозглашена планом по мобилизации в период с 2022 по 2027 г. до 300 млрд евро (341 млрд долл.) государственных и частных средств для развития инфраструктуры стран всего мира. Финансовую поддержку инициативе окажут сам Европейский союз, а также его финансовые институты, включая Европейский инвестиционный банк и Европейский банк реконструкции и развития, а управлять проектами Global Gateway в странах-партнерах будут представительства ЕС по всему миру [1].

После того, как Индо-Тихоокеанский регион стал геополитическим модным нарративом в западных странах, Великобритания как близкий союзник США сразу же восприняла идею присоединиться к инициативам, возглавляемым Соединенными Штатами, по развитию инфраструктурного, экономического и торгового сотрудничества в регионе для противодействия «влиянию Китая». Во время визита министра иностранных дел Великобритании Л. Трасс в Австралию 19 января 2022 г. с тогдашним министром иностранных дел Австралии М. Пейн

был подписан Меморандум о взаимопонимании в области «Совместного продвижения инвестиций в инфраструктуру стран Индо-Тихоокеанского региона», причем для реализации этого плана Великобритания намерена до 2025 г. ежегодно инвестировать в развитие инфраструктуры развивающихся стран до 8 млрд фунтов стерлингов (11 млрд долл.) [2].

Администрации Байдена потребовались месяцы напряженных переговоров, чтобы двухпартийный законопроект об инфраструктуре на сумму 1,2 трлн долл., который должен быть реализован поэтапно в течение восьми лет, в конце 2021 г. был одобрен Палатой представителей, что делает гигантский план В3W на 40 трлн долл. почти невозможным, поскольку выходит далеко за рамки финансовых возможностей США, поскольку пока руководство яростно отстаивало свои расходы на развитие национальной инфраструктуры, экономика страны, подпитываемая значительными программами количественного смягчения, стала постепенно сворачивать стимулы эпохи пандемии. Принимая во внимание давление, с которым столкнулись Федеральная резервная система США и Европейский центральный банк (ЕЦБ) при наращивании планов по нормализации денежно-кредитной политики на своих заседаниях в середине декабря 2021 г., реализация таких законопроектов о внешних инвестициях становится все более невыполнимой. Новый канцлер Германии Олаф Шольц и покидавший свой пост президент Бундесбанка Йенс Вайдманн направили ЕЦБ убедительные сигналы, чтобы он снова поставил в приоритет стабильность цен вместо того, чтобы сосредоточиться на политике финансирования стран-должников [10].

Предложение на сумму 40 трлн долл. «уменьшить потребности развивающихся стран» к 2035 г. вызвало удивление среди признанных экономистов многих стран, поскольку, по их мнению, «просто трудно поверить, что страны G7 могут предложить такую сумму денег, которая превышает совокупный объем ВВП семи стран в 2020 г.» [18]. Они также отмечают, что «инициатива “Большой семерки”, возглавляемая США, известная как Build Back Better World, по существу, политическая уловка, направленная на то, чтобы бросить вызов десятилетнему мегапроекту “Пояс и Путь”, который остается критически важным для развития региональной и мировой экономик». Ведущий английский аналитик в области международных отношений Том Фоуди отмечал: «2022 г. был очень сложным годом для мировой экономики. Из-за крупномасштабных потрясений и неопределенностей, в том числе последствий глобальной пандемии COVID-19, перспективы стали крайне негативными, поскольку многие развивающиеся страны страдают от последовательных волн инфляции, падения доверия инвесторов и роста цен на энергоносители, а крупные экономики фактически снова впали в рецессию, в то время как другие пережили спад в течение нескольких кварталов и достигли лишь минимального роста. События 2022 г. в конечном итоге показывают непредсказуемость политики, поскольку ее события свели на нет то, что многие крупные экономисты сначала предсказывали как еще один год восстановления. Ожидается, что после резкого смягчения Китаем своих строгих ограничений по предотвращению и контролю пандемии будут приняты дополнительные меры экономического стимулирования, чтобы как можно скорее вернуть страну к нормальной жизни. Многие экономисты и консалтинговые

агентства повысили свои прогнозы экономического роста Китая в 2023 г. и потенциальной возможности увеличения темпов роста ВВП. Экономическое значение и перспективы роста Китая — второго по величине источника иностранных инвестиций в мире и основного торгового партнера более чем 130 стран, будут и впредь привлекать больше иностранных инвестиций. В 2023 г. в рамках инициативы «Пояс и Путь» Китай, скорее всего, установит более тесные связи с большим количеством партнеров в разных странах и мире в целом. Большинство развивающихся государств значительно выигрывают от глобализации, и КНР своими конкретными действиями показывает, что сотрудничество и экономическое взаимодействие являются лучшими способами обеспечения их непрерывного роста. Хотя Китай, как и все остальные страны, столкнулся с проблемами, он по-прежнему обладает масштабным потенциалом и преимуществами и, таким образом, остается критически важным для дальнейшего глобального роста и развития.

Инициатива В3W хотя и представлена как реальный конкурент Китая в области развития региональной инфраструктуры, тем не менее остается неясным, какая сумма потребуется даже для реализации первоначальных проектов в рамках проекта В3W» [21]. Многие западные аналитики полагают, что «с экономической точки зрения, реализуя инициативу Global Gateway в качестве альтернативы китайскому мегапроекту, страны G7 не смогут предоставить достаточной финансовой поддержки странам региона, как это было обещано, особенно с учетом того, что многие западные страны сталкиваются со стремительно растущим уровнем внутреннего долга и инфляции и едва ли смогут финансировать развитие национальной инфраструктуры в качестве драйвера собственных постковидных экономик. Европа никогда не сможет сравниться с Китаем по количеству и объему инвестиций в инфраструктурные проекты, и поэтому инициатива Global Gateway выглядит бумажным тигром» [13].

На Восточноазиатском саммите (East Asia Summit, ВАС), прошедшем в 2021 г., американский президент Д. Байден пообещал членам АСЕАН выделить 150 млн долл. на такие области, как инфраструктура, безопасность, готовность к пандемии и экологически чистая энергия. «Тем не менее расходы США бледнеют по сравнению с расходами Китая», — говорится в одном из отчетов Reuters. Только в ноябре 2021 г. Китай пообещал странам АСЕАН помощь в целях развития на сумму 1,5 млрд долл. в течение трех лет для борьбы с пандемией COVID-19 и стимулирования восстановления экономики. Д. Мидгли, директор глобальной консалтинговой компании Midgley & Co и адъюнкт-профессор программы исследований в области безопасности в Джорджтауне, отмечал, что «150 млн долл. — это всего лишь очень небольшая сумма денег, распределенная по множеству различных программ». В исследовании, опубликованном Азиатским банком развития в 2022 г., было отмечено, что в период с 2020 по 2030 г. объем инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры стран Юго-Восточной Азии должен достичь в общей сложности 2,75 трлн долл. [12]. При сравнении объемов внешней торговли КНР со странами, участвующими в инициативе «Пояс и Путь», и внешней торговли США с этими странами, результаты свидетельствуют в пользу Китая. Так, например, объем торговли между США и стра-

нами АСЕАН в 2021 г. составил 379 млрд долл., а между Китаем и государствами АСЕАН за тот же период — 878,2 млрд долл. Китай является крупнейшим торговым партнером блока, и все его члены подписали соглашения о сотрудничестве с ним в рамках инициативы «Пояс и Путь» [14]. По словам Д. Мэтьюза, профессора Международного университета BELTEI в Пномпене, «включающий 10 стран — членов АСЕАН и 5 государств, расположенных в АТР, крупнейший в мире торговый блок ВРЭП, придерживаясь принципов свободной торговли и многосторонности, обеспечивает взаимовыгодное сотрудничество для всех стран-участниц. Это соглашение не похоже на экономическую инициативу “Индо-Тихоокеанская экономическая основа процветания” (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF), выдвинутую президентом США Д. Байденом в мае 2022 г., которая представляет собой инициативу, подрывающую региональное экономическое развитие и создающую конфликты в АТР» [17]. В 1980-х гг. ежегодный объем торговли между Китаем и Африкой составлял всего примерно 12 млн долл., но в 2021 г. он достиг 254 млрд долл., тогда как объем товарооборота между США и Африкой в 2021 г. составил лишь 64,3 млрд долл. [20]. К началу 2023 г. объем торговли между Китаем и Африкой в пять раз превышал объем торговли между США и Африкой, а объем китайских прямых зарубежных инвестиций в страны африканского континента вдвое превышал объем аналогичных инвестиций США [19]. В конце 2021 г. правительство США объявило, что предложит помощь в размере 4 млрд долл. для развития стран Центральной Америки с целью «противодействовать влиянию Китая» в регионе, однако, по оценке Всемирного Банка, дефицит инвестиций в развитие инфраструктуры Латинской Америки оценивается примерно в 150 млрд долл. в год [22].

В марте 2022 г. в Вашингтоне (округ Колумбия) состоялся саммит США — АСЕАН, который рассматривался руководством Соединенных Штатов как попытка противостоять китайской инициативе «Пояс и Путь». Однако международные эксперты считают, что, хотя дебаты об инфраструктуре были важной частью саммита, перспективы инициативы ВЗВ туманны, поскольку, учитывая технологические разработки Китая при строительстве зарубежной инфраструктурной сети, план США о прокладке транспортных сетей в странах Юго-Восточной Азии не только финансово неосуществим, но и неконкурентоспособен по сравнению с китайским мегапроектом. Согласно заявлению Белого дома, сделанному в июне 2021 г., инициатива ВЗВ включает в себя четыре основных направления сотрудничества, а именно, «климат, здоровье и цифровые технологии, а также гендерное равенство», которые в значительной мере отличаются от реализуемого Китаем в странах ЮВА крупномасштабного строительства железных дорог, портов, мостов и аэропортов, которое играет важнейшую роль в развитии экономики стран АСЕАН и повышении уровня жизни. Инициатива ВЗВ опирается на мобилизацию капитала частного сектора и привлечение инвестиций от финансовых институтов развития стран G7 и их партнеров. При этом следует учитывать тот факт, что частные инвесторы заинтересованы в краткосрочных инвестициях с высокой нормой прибыли и вряд ли будут рисковать вложениями в капиталоемкую инфраструктуру с длительным циклом строительства, отличающуюся длительным периодом возврата вложенных средств. Напротив, как свиде-

тельствуется практика, китайские коммерческие банки Китая активно сотрудничают со странами, прилегающими к маршруту «Пояса и Пути», предоставляя им беспроцентные и льготные кредиты на инфраструктурное строительство на исключительно выгодных условиях и оказывая неоценимую помощь в развитии их национальных транспортных сетей, улучшении связности региональной транспортной инфраструктуры и увеличении объемов международных транзитных перевозок [7].

Западные политики критикуют инвестиции Китая в развивающиеся страны, называя финансовую помощь КНР китайской «долговой ловушкой» для стран третьего мира. Этот нарратив тесно связан с так называемой теорией китайской угрозы, хотя факты объективно свидетельствуют об обратном. Например, 13 февраля 2023 г. официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь на пресс-конференции заявил, что Экспортно-импортный банк Китая предоставил Шри-Ланке пролонгацию на выплату долга, отметив, что Китай готов провести переговоры о среднесрочном и долгосрочном плане погашения долга со страной в дружеской манере и сделать все возможное для обеспечения устойчивости долга Шри-Ланки. Замечания прозвучали после того, как агентство Bloomberg сообщило, что Международный валютный фонд рассматривает возможность одобрения финансовой помощи Шри-Ланке, даже без формальных гарантий поддержки реструктуризации долга со стороны Китая. В ответ правительство Китая направило правительству Шри-Ланки письмо, подтверждающее устойчивость ее долга, а также выразило готовность продлить срок погашения долга в 2022 и 2023 гг. По словам Ван Вэньбиня, в течение этого периода Шри-Ланке не придется погашать основную сумму кредита и проценты по кредиту Экспортно-импортного банка Китая, что поможет Шри-Ланке ослабить краткосрочное долговое давление. Опровергая западную теорию «долговой ловушки», в конце 2022 г. Ван Вэньбинь процитировал данные Всемирного банка за июль 2022 г., согласно которым общая сумма взятых кредитов 49 африканскими странами составила 696 млрд долл., причем около 75 % кредитов было предоставлено международными организациями и частными финансовыми институтами [9].

Директор консалтинговой фирмы DCA China-Analytic отмечал: «Достаточно ли выдвинуть инициативу, чтобы напугать Пекин? Не обязательно. Во-первых, европейская попытка представить Global Gateway как своего рода версию 2.0 проекта «Пояс и Путь» игнорирует тот факт, что китайская программа также значительно эволюционировала. Вначале было верно, что Пекин в основном инвестировал в инфраструктуру или в доставку углеводородов в Китай. Но в последние годы проект «Пояс и Путь» адаптировался к новым приоритетам Си Цзиньпина в области разработки технологий для автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, беспилотного вождения, возобновляемых источников энергии и цифровых и нейронных сетей» [24].

Ютта Урпилайнен, комиссар ЕС, отвечающий за политику развития, заявила в интервью журналистам: «Безусловно, ЕС сталкивается с серьезными проблемами в конкуренции с китайским проектом «Пояс и Путь», поскольку блок начинает работу с опозданием, как и США, а программа Пекина представляет собой инициативу на триллион долларов по финансированию инфраструктурных про-

ектов в развивающемся мире. Если сравнивать помощь в целях развития инфраструктуры развивающихся стран со стороны блока с помощью Пекина, то мы предоставляем гранты, а Китай выдает миллиардные кредиты» [16].

С 2015 по 2023 г. Китай предоставил финансовую помощь развивающимся странам (в основном странам Азии) в общем объеме более 300 млрд юаней (около 47 млрд долл.) по трем категориям — гранты, беспроцентные кредиты и льготные кредиты [6]. Гранты в основном были направлены развивающимся странам в рамках технического сотрудничества, материальной и гуманитарной помощи, а беспроцентные кредиты (некоторым странам АСЕАН) и льготные кредиты в основном предоставлялись странам — участницам проекта «Пояс и Путь» на развитие национальных инфраструктурных сетей. Ведущие китайские банковские институты выдавали кредиты под обеспечение государственных гарантий стран-заемщиков, контргарантий первоклассных банков и государственных компаний, участников проектного кредитования, и при этом проводится юридическая экспертиза технико-экономического обоснования кредита и его соответствия основным требованиям, разработанным МВФ. Транспортные сети сопредельных с Китаем и РФ стран Центральной и Средней Азии, стран ЮВА характеризуются низким качеством, недостаточной густотой, имеют разную ширину колеи и слабые технические характеристики. Транзитные тарифы в странах Центральной Азии недостаточно гармонизированы, состояние нормативно-правовой базы не обеспечивает быстрые и удобные сроки перевозки грузов, а многократное пересечение границ приводит к большему затягиванию сроков доставки товаров. В случае реализации китайского проекта «Пояс и Путь» граничащие с Китаем страны смогут быстро провести модернизацию национальных транспортных сетей, в полной мере использовать свое географическое положение и стать важным звеном транзитных грузовых перевозок между крупнейшими мировыми экономическими центрами. При этом помимо преодоления относительной географической изоляции, усиления связности территорий, приграничные государства получают возможность диверсифицировать источники доходов бюджета, создавать новые отрасли промышленности, увеличивать количество новых рабочих мест, что будет приводить к улучшению общей экономической ситуации. В инициативе создания «Пояса и Пути» главным образом речь идет о модернизации региональных инфраструктурных сетей и создании логистических центров для того, чтобы скорость континентальной транспортировки товаров и снижение себестоимости перевозок по маршруту АТР — Европа позволяли конкурировать с морским транспортом, а быстрая доставки товаров из Китая в порты стран ЮВА обеспечивала сокращение времени перевозки транзитных грузов морским транспортом странами региона в государства Европы, Африки, Южной Азии и Персидского залива. Сопредельные с Китаем страны охотно отзываются на предложение Пекина участвовать в реализации плана строительства «Пояса и Пути» в обмен на финансовую помощь КНР в деле строительства и модернизации своих транспортных сетей.

С тех пор как в 2013 г. Китай выдвинул инициативу «Пояс и Путь», страны АСЕАН использовали этот китайский проект для укрепления сотрудничества с КНР при реализации различных инфраструктурных проектов, причем к началу

2023 г. страны АСЕАН и Китай совместно инвестировали в строительство более 22 крупных инфраструктурных проектов, например китайско-лаосской и китайско-таиландской железнодорожных магистралей, железной дороги восточного побережья Малайзии и т. п. По сравнению с западными странами Китай проявляет большую гибкость в финансировании инфраструктурных проектов в развивающихся странах. С одной стороны, он может использовать средства государственных финансовых институтов, таких как Китайский банк развития, Китайский экспортно-импортный банк и Фонд Шелкового пути. С другой стороны, он может привлекать частные средства путем налаживания финансового партнерства с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Новым банком развития БРИКС, Всемирным банком и Международным валютным фондом, а используя диверсифицированные источники финансирования строительства инфраструктуры, китайское правительство может сделать его максимально привлекательным для частных инвесторов. Китай, в отличие от западных стран, более привержен долгосрочным инвестициям. Крупномасштабные капиталовложения в инфраструктурные проекты, такие как железные дороги, требуют значительного объема капитала, очень длительного, как правило, многолетнего строительства, а также высокого риска возврата капитала. Учитывая потенциальные риски и столкнувшись с подобными проблемами, многие западные страны предпочитают отказаться от финансирования масштабного инфраструктурного строительства в развивающихся странах. По данным аналитиков Всемирного банка, в начале 2023 г. КНР по объемам финансовой помощи развивающимся странам обогнала США и стала крупнейшим кредитором стран третьего мира [11].

С момента провозглашения инициативы «Пояс и Путь» в 2013 г. этот мегапроект получил положительную оценку в странах Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, Северной Африки, Центральной и Восточной Европы. Согласно Годовому отчету исследовательского центра «Пояс и Путь» Китайской академии общественных социальных наук «О развитии инициативы “Пояс и Путь” (2021 г.)», к началу 2022 г. проект привлек к участию 65 стран с общим населением в 4,6 млрд человек, или 62 % численности мирового населения. Общая площадь государств, участвующих в инициативе, достигла 50 млн кв. км, или 39 % от общей площади мировой суши, их совокупный объем ВВП составил 23 трлн долл., что составляет 31 % объема мирового ВВП [25].

В 2023 г. исполнилось десять лет инициативе «Пояс и Путь», и с момента запуска этого мегапроекта торговые отношения между Китаем и странами — участницами инициативы стали более тесными. На пресс-конференции, состоявшейся 1 марта 2023 г., помощник министра торговли КНР Чэнь Чуньцзян отметил, что за последнее десятилетие объем внешней торговли между Китаем и странами, расположенными вдоль маршрута «Пояса и Пути», значительно вырос и удвоился с 1,04 трлн долл. в 2013 г. до 2,07 трлн долл. в 2022 г. (при среднегодовом темпе роста в 8 %), а его доля в общем объеме внешней торговли Китая увеличилась с 25 % до 32,9 % [3]. В 2022 г. объем торговли между КНР и странами — участницами инициативы был на 3,2 процентных пункта выше, чем в 2021 г., и на 7,9 процентных пункта выше, чем в 2013 г., когда впервые был предложен проект «Пояс и Путь», причем общий объем торговли между Китаем

и странами — участницами мегапроекта в период с 2013 г. по 2023 г. составил 10,4 трлн долл., т. е. более 30 % от общего объема внешней торговли КНР за этот период. Он также заявил, что объем двусторонних инвестиций между Китаем и странами «Пояса и Пути» за этот срок превысил 270 млрд долл., к началу 2023 г. китайские предприятия инвестировали 57,13 млрд долл. в зоны экономического и торгового сотрудничества в странах, расположенных вдоль маршрута «Пояса и Пути», обеспечив создание 421 тыс. рабочих мест для местных жителей [6].

По данным Министерства торговли КНР, в 2022 г., «преодолевая неблагоприятное воздействие внешней среды, объем китайских прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) неуклонно увеличивался и вырос на 5,2 % в годовом исчислении до 985,37 млрд юаней (145,15 млрд долл.), а в долларовом выражении объем ПЗИ Китая вырос на 0,9 % до 146,5 млрд долл.». Из общего объема ПЗИ объем нефинансовых китайских ПЗИ в 2022 г. составил 785,94 млрд юаней, увеличившись на 7,2 % по сравнению с 2021 г. В 2022 г. объем нефинансовых ПЗИ Китая в страны, участвующие в инициативе «Пояс и Путь», достиг 20,97 млрд долл., увеличившись на 3,3 % по сравнению с 2021 г., что составило 17,9 % от общего объема нефинансовых ПЗИ КНР [27]. С 2013 по 2022 г. только центральные государственные предприятия Китая вложили средства в более чем 3,2 тыс. крупных проектов, а общий объем инвестиций Китая в страны-участницы достиг около 1 трлн долл., из них в виде помощи развивающимся странам (в основном, странам Азии) в общем объеме более 300 млрд юаней, а беспроцентные кредиты и льготные кредиты в основном предоставлялись в рамках проекта «Пояс и Путь» на развитие национальных инфраструктурных сетей [5]. В 2022 г. аналитики Всемирного банка также предоставили оценку экономического вклада плана «Пояс и Путь» в развитие глобальной инфраструктуры и внешней торговли, в которой было отмечено, что реализация инфраструктурных проектов «Пояса и Пути» обеспечит увеличение объема торговли стран-участниц на 2,8–9,7 %, рост объема мировой торговли на 1,7–3,2 % и увеличение глобального реального дохода на 0,7–2,9 % [4].

Список литературы / References

1. Mororeschi. The EU Global Gateway: The narrow path between relevance and invisibility. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-eu-global-gateway/> (дата обращения: 01.03.2023).
2. Biz Quick Take: UK-Australia infrastructure plan to counter China? More empty talks. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246536.shtml> (дата обращения: 17.05.2022).
3. BRI is pragmatic and open; 'debt trap' label not relevant China: FM. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1286797.shtml> (дата обращения: 24.03.2023).
4. Chen Qingqing, Cao Siqi. Biden's infrastructure plan for democratic countries a 'tactic' to lure allies with values. Feasibility of US-led infrastructure plan doubted, seen as 'have-to-do' gesture from politicians amid tit-for-tat sanctions with Beijing. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1219682.shtml> (дата обращения: 14.03.2023).
5. China to push high-quality Belt and Road cooperation with participating economies: foreign minister. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1254197.shtml> (дата обращения: 08.03.2023).

6. China, Belt and Road countries enjoy closer trade ties. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202303/03/WS6400e3fca31057c47ebb1d4c.html> (дата обращения: 04.03.2023).

7. China-ASEAN cooperation under BRI to further strengthen despite US meddling. From railway to industrial park, the regional infrastructure development bears fruit under the BRI. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265512.shtml> (дата обращения: 11.05.2022).

8. Feasibility of Biden's \$2 trillion infrastructure plan uncertain: analysts. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1220104.shtml> (дата обращения: 25.04.2021).

9. Feng Da Hsuan, Liang Haiming. West's smearing of BRI as 'debt trap' won't help developing countries. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202301/19/WS63c87d0ca31057c47ebaa756.html> (дата обращения: 26.01.2023).

10. Li Qiaoyi, Cui Fandi. EU's Global Gateway 'another rubber check' from West. Bloc's feeble credentials hurt credibility of infrastructure plan. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1240432.shtml> (дата обращения: 19.12.2021).

11. Li Zongguang. A closer look behind strong credit data. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/27/WS6420ee53a31057c47ebb6a76.html> (дата обращения: 18.03.2023).

12. Liu Yang. BRI accelerates infrastructure connectivity between China, ASEAN: Singaporean scholar. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1286979.shtml> (дата обращения: 02.03.2023).

13. Gavass M., Pleeck S. The EU's Global Gateway Is Not a Groundbreaking Plan for Domination in Global Infrastructure. URL: <https://www.cgdev.org/blog/eus-global-gateway-not-groundbreaking-plan-domination-global-infrastructure> (дата обращения: 13.03.2023).

14. Ma Miaomiao. Recent leaders' meeting shows ASEAN countries seek balance while the U.S. tries to divide Asia. URL: https://www.bjreview.com/World/202205/t20220523_800294984.html (дата обращения: 24.05.2022).

15. Mu Lu. Biden's infrastructure scheme just a fantasy if US fails to back his rhetoric. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219659.shtml> (дата обращения: 27.03.2021).

16. Standish R. Global Gateway: Can The EU's Giant Infrastructure Plan Rival China's Belt And Road? URL: <https://www.rferl.org/a/eu-infrastructure-rival-china/31587365.html> (дата обращения: 12.03.2023).

17. RCEP, BRI contribute to global post-pandemic recovery: academics. URL: <http://en.people.cn/n3/2022/1221/c90000-10186474.html> (дата обращения: 28.12.2022).

18. Song Lin. G7 infrastructure plan can hardly rival BRI. 'Build Back Better World' can hardly rival BRI. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202106/1226107.shtml>. China-ASEAN cooperation under BRI to further strengthen despite US meddling. From railway to industrial park, the regional infrastructure development bears fruit under the BRI. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265512.shtml> (дата обращения: 07.05.2022).

19. Song Wei. US' latest pivot to African continent is full of geopolitical calculations. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202303/1287827.shtml> (дата обращения: 28.03.2023).

20. Swedish scholar: How China is outpacing the US in Africa. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202212/06/WS638eee3ca31057c47eba2e61.html> (дата обращения: 09.12.2022).

21. The EU's Global Gateway: Groundbreaking initiative or smart rebranding? URL: <https://ecdpm.org/talking-points/eu-global-gateway-groundbreaking-initiative-smart-rebranding/> (дата обращения: 13.03.2023).

22. US should be happy to see its neighbors prosper in China-Latin America cooperation: Global Times editorial. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246111.shtml> (дата обращения: 14.01.2022).

23. US' B3W infrastructure projects financially unfeasible, bound to fail: experts. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202111/1238551.shtml?id=11> (дата обращения: 16.11.2021).

24. With its 'Global Gateway', EU tries to compete with China's Belt and Road Initiative. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20211203-with-its-global-gateway-eu-tries-to-compete-with-the-china-s-belt-and-road> (дата обращения: 25.03.2023).

25. Xiong Xinyi. China's high-speed rail, 5G, nuke generators used by more countries. BRI cooperation progressing. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202108/1231967.shtml> (дата обращения: 12.08.2021).

26. Yan Shaojun. Making meaningful connections. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/28/WS63fd4376a31057c47ebb126d.html> (дата обращения: 17.03.2023).

27. Zhong Nan. China's outbound direct investment rises 5.2 % to \$145b. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/10/WS63e5b321a31057c47ebae169.html> (дата обращения: 02.03.2023).

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

Е.О. Заклязьминская

Риски и угрозы продовольственной безопасности Китая

Аннотация. Продовольственная безопасность — одна из ключевых целей устойчивого развития ООН. По состоянию на 2020 г. около 12 % населения Земли находилось в условиях острого отсутствия продовольствия, причем около половины из них приходилось на жителей Азии.

Несмотря на то, что в КНР проживает одна пятая населения мира, в стране относительно благополучная ситуация с продовольственной безопасностью. Эффективно используя 9 % мировых пахотных земель и 6 % мировых ресурсов пресной воды, Китай ежегодно производит около четверти мирового объема продуктов питания.

Китайско-американская торговая война, пандемия и украинский кризис обострили продовольственную ситуацию в мире. Актуальными задачами становятся изучение китайского опыта обеспечения продовольственной безопасности и оценка последствий украинского кризиса для продовольственного рынка страны. К основным выводам исследования стоит отнести следующие положения.

Во-первых, высокая зависимость от импорта продовольствия в Китае наблюдается только в закупках некоторых видов мяса и рыбы, сухого молока, соевых бобов, кукурузы, пальмового масла и вина. Действительную угрозу продовольственной безопасности страны представляют лишь сбои в цепочках поставок соевых бобов, кукурузы и пальмового масла. С 2018 г. власти Китая планомерно внедряют механизмы, нацеленные на снижение импортной зависимости.

Во-вторых, ухудшение отношений с западными странами и украинский кризис будут способствовать трансформации структуры импорта продовольствия. США являются лидерами по поставкам зерновых, крупными поставщиками масложировой, мясной, молочной и прочей агропромышленной продукции в Китай, но в новых геополитических условиях их роль, по-видимому, будет снижаться в пользу незападных партнеров.

В нынешних условиях Китаю сравнительно успешно удастся решать вопрос обеспечения населения продовольствием. Посткризисными трендами станут сокращение импортной зависимости и трансформация структуры продовольственного рынка.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Китай, Россия, геоэкономика, геополитика, украинский кризис.

Автор: *Заклязьминская Екатерина Олеговна*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-2777-4973. E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Для цитирования: Заключенская Е.О. Риски и угрозы продовольственной безопасности Китая // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 42—57. DOI: 10.48647/ICCA.2023.48.33.004.

Zakliazminskaja E.O.

Risks and threats to China's food security

Abstract. Food security is one of the key sustainable development goals of the United Nations. As of 2020, about 12 % of the world's population was severely food insecure, with about half of them in Asia.

Even though one-fifth of the world's population lives in the PRC, the country has a relatively good food security situation. Efficiently using 9 % of the world's arable land and 6 % of the world's freshwater resources, China annually produces about a quarter of the world's food.

The China — US trade war, COVID-19 and the Ukrainian crisis has exacerbated the food situation in the world. Studying the Chinese experience in ensuring food security and assessing the consequences of the Ukrainian crisis for the country's food market are becoming important tasks.

The main conclusions of the study include the following:

First, China's high dependence on food imports is observed only in purchases of certain types of meat, fish, milk powder, soybeans, corn, palm oil and wine. The only real threats to the country's food security are disruptions in the supply chains of soybeans, corn and palm oil. However, since 2018, the country's authorities have been systematically implementing mechanisms aimed at reducing import dependence.

Secondly, the deterioration of relations with Western countries and the Ukrainian crisis will contribute to the transformation of the structure of food imports. The United States is the leader in the supply of grain, a major supplier of oil and fat, meat, dairy and other agro-industrial products to China, but in the new geopolitical conditions, its role will apparently decline in favor of non-western partners.

In the current conditions, China is relatively successful in solving the problem of providing the population with food. The post-crisis trends will be the reduction of import dependence and the transformation of the structure of the food market.

Keywords: food security, China, Russia, geoeconomics, geopolitics, Ukrainian crisis.

Author: Zakliazminskaja Ekaterina Olegovna, PhD (Economy), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0003-2777-4973.

E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

For citation: Zakliazminskaja E. O. Risks and threats to China's food security. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*. 2023, no. 1, pp. 42—57. (In Russ.).

DOI: 10.48647/ICCA.2023.48.33.004.

Задачи обеспечения продовольственной безопасности вошли в цели устойчивого развития ООН на 2030 г. Основными факторами, влияющими на возможности снабжения продовольствием, традиционно считаются военные и геополитические конфликты, изменчивость климата, замедление экономического роста, экономические спады, экономическая недоступность продуктов питания, нищета и неравенство. Уже с 2014 г. традиционные угрозы стали препятствовать реализации целей

ООН. В дальнейшем они были дополнены новыми вызовами: китайско-американской торговой войной, пандемией COVID-19 и кризисом между двумя крупнейшими мировыми производителями зерновых — Россией и Украиной.

По прогнозам Продовольственной и сельскохозяйственной организации при ООН (далее ФАО) в 2022 г. страны мира потратят на закупку продовольствия около 1,8 трлн долл.¹, причем в количественном объеме поставки будут меньше, чем за предыдущие периоды в связи со стремительным увеличением себестоимости производства из-за роста цен на топливо и удобрения. При сохранении прежнего объема закупок в Китай будет направлено около 10 % мировых поставок продовольствия.

КНР обладает одним из наиболее масштабных агропромышленных комплексов. В стране проживает почти одна пятая населения мира, а производство продуктов питания составляет около четверти мирового. Вопрос продовольственной безопасности остро стоит на повестке дня, поскольку страна обладает лишь 9 % мировых пахотных земель и 6 % мировых ресурсов пресной воды [5].

Целью данного исследования является оценка наличия угрозы продовольственной безопасности в Китае.

Задачами исследования стали изучение традиционных и новых угроз продовольственной безопасности в стране, оценка уровня самообеспечения основными продуктами питания и анализ последствий украинского кризиса для продовольственного рынка Китая.

Теоретической базой исследования стали труды китаеведов, специализирующихся на аграрной политике, — Л.Д. Бони [3], Л.А. Волковой, В.В. Жигулевой, Е.И. Краниной [1], а также работы синологов-экономистов широкого профиля — Я.В. Лексютинной [4], М.В. Александровой [2]. Среди китайских ученых стоит отметить Ли Юя, Чжан Цзяна, Ван Жуньюаня, Сяо Гоцзюя и Ван Цина [6], изучающих влияние изменений климата на продовольственную безопасность. Важными источниками информации стали статистические сборники и таможенная статистика КНР.

В исследовании использованы математико-статистический и графический методы, а также методы экономического прогнозирования, моделирования и научных абстракций.

Структура работы представлена введением, анализом традиционных и новых угроз продовольственной безопасности страны, оценкой самообеспеченности основным продовольствием, изучением влияния украинского кризиса на продовольственную безопасность и выводами исследования.

Традиционные и новые угрозы продовольственной безопасности в Китае

Сельскохозяйственный рынок отличается нестабильностью и непредсказуемостью. На него влияют как природно-климатические, так и геополитические факторы. Для него характерны специфические производственные циклы, а цены

¹ Прогноз ФАО: меньше продовольствия за большие деньги. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1425472> (дата обращения: 28.07.2022).

на сельскохозяйственную продукцию обладают ярко выраженной сезонностью, цикличностью, неустойчивостью и высокой амплитудой колебаний.

Проанализируем влияние традиционных угроз на продовольственный рынок Китая, а также оценим новые риски, возникшие на фоне китайско-американской торговой войны, пандемии и украинского кризиса.

Военные и геополитические конфликты. Внутривнутриполитическая обстановка в стране в целом стабильна. Среди факторов напряженности стоит назвать сепаратистские тенденции в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее СУАР), новую политику в сфере национальной безопасности в Гонконге, обострившийся тайваньский вопрос, незначительные трения в Тибетском автономном районе (далее ТАР) и в автономном районе Внутренняя Монголия (далее АРВМ).

Среди вышеназванных административных единиц только Синьцзян и Внутренняя Монголия являются крупными производителями продовольствия. В СУАР и в АРВМ доля сельского хозяйства в ВРП превышает средний уровень по стране (7,3 % в 2021 г.) и составляет соответственно 14,7 %¹ и 10,8 %². Однако доля СУАР и АРВМ в производстве продовольствия относительно невысока. На них приходится 2 % и 6 % соответственно от всего объема собранного урожая зерновых и 2 % и 3 % соответственно от всего объема произведенного мяса.

Производство основных продуктов питания сконцентрировано в районах плотного проживания населения и учитывает природно-климатические условия. Пшеницу выращивают преимущественно в центральных районах страны, кукурузу — на северо-востоке, рис — на юге. Таким образом «сложные» в геополитическом отношении административные единицы, расположенные на «периферии», не угрожают продовольственной безопасности страны.

Изменчивость климата. Температура, засуха, осадки, ветра и уровень углекислого газа воздействуют на использование удобрений и пестицидов, приводят к деградации почв, увеличению количества вредителей и болезней сельскохозяйственных культур.

По подсчетам китайских экспертов, глобальное потепление может способствовать сокращению производства пшеницы, риса и кукурузы на 5—10 % к 2030 г. [6]. Изменение климата будет оказывать давление на животноводческую отрасль в связи с повышением рисков эпидемий из-за распространения бактерий и вирусов в более теплой среде. Глобальное потепление может способствовать ухудшению вкусовых свойств мяса из-за снижения качества корма, увеличению содержания сахара в фруктах и бахчевых культурах, а также приводить к росту популяции насекомых-вредителей. Сопутствующее повышение кислотности океана может способствовать изменению вкусовых качеств рыбы и морепродуктов.

¹ 新疆维吾尔自治区2021年国民经济和社会发展统计公报. [Статистический бюллетень национального экономического и социального развития СУАР за 2021 год]. URL: <http://www.tjcn.org/tjgb/31xj/37006.html> (дата обращения: 01.08.2022).

² 内蒙古自治区2021年国民经济和社会发展统计公报. [Статистический бюллетень национального экономического и социального развития АРВМ за 2021 год]. URL: http://tj.nmg.gov.cn/tjyw/tjgb/202202/t20220228_2010485.html (дата обращения: 03.08.2022).

Основная причина глобального потепления — антропогенные выбросы углекислого газа (CO₂). Китай взял на себя обязательства достичь пика выбросов CO₂ к 2030 г. и добиться углеродной нейтральности к 2060 г.

Замедление экономического роста и экономические спады. Темпы роста экономики Китая замедлились на фоне пандемии COVID-19 и проведения политики «нулевой терпимости» к коронавирусу. В 2020 г. власти страны смогли сдержать падение ВВП, достигнув роста в 2,3 %. В 2021 г. темпы прироста составили рекордные 8,1 %. На 2022 г. был заложен показатель в 5,5 %, который не был реализован из-за массовых локдаунов по всей стране и новой геополитической ситуации, связанной с ухудшением отношений Китая со странами Запада. ВВП Китая в 2022 г. вырос всего на 3 %.

Однако локдауны в первую очередь затрагивают города и пригороды, в которых локализованы промышленные предприятия и предприятия сферы услуг. Риски срыва сельскохозяйственного производства из-за локдаунов в уездах, волостях и деревнях значительно ниже или же вовсе отсутствуют.

Экономическая недоступность продуктов питания. Цены на продовольствие в Китае относительно стабильны. Только африканская чума свиней и последовавшее за ней сокращение поголовья скота оказали влияние на продовольственную инфляцию: в 2020 г. цены на мясо выросли на 38 % к 2019 г.¹

За последние двадцать лет значительного роста цен на продовольствие в Китае не наблюдалось. Лишь в отдельные периоды некоторые виды продовольствия дорожали (табл. 1).

Таблица 1. ИПЦ в продовольственном секторе в Китае в 2005–2020 гг. (предыдущий год = 100)

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.
Сельскохозяйственная продукция	101,6	116,6	99,2	100,8	102,8
Мясомолочная продукция	100,5	103	104,2	133,5	132,4
Продукция рыбного промысла	104,7	107,6	102,5	99,4	100,2
В среднем ИПЦ:	101,4	110,9	101,7	114,5	115

Составлено по: 中国统计年鉴2021 [Статистический ежегодник КНР за 2021 г.]. Таблица 5—9. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 22.07.2022).

Ценовой фактор способен оказывать влияние на структуру потребления продуктов питания. Например, в период повышения цен на пшеницу население увеличивает потребление риса; на свинину и говядину — рыбы и морепродуктов (например, лососевых или тунца). В период роста цен на животные жиры наблюдается рост потребления жиров растительного происхождения. Таким образом население решает продовольственный вопрос через использование товаров-субститутов в рамках одной товарной группы.

Невысокая зависимость Китая от импортных поставок способствует сохранению стабильных цен на продовольствие, особенно на фоне мировой ситуации (табл. 2). В первой половине года властям удалось сдержать взятые на себя обяза-

¹ 中国统计年鉴2021. [Статистический ежегодник КНР за 2021 г.]. Таблица 5—4. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 22.07.2022).

тельства о поддержании инфляции в 2022 г. на уровне не выше 3 %: продовольственная инфляция в стране составила 2,5 %¹.

Таблица 2. Рост цен на продовольствие в первом полугодии 2022 г. к аналогичному месяцу прошлого года (%)

2022 г.	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Мясо, Китай	-25,6	-26	-25	-0,74	-12,9	-4,7
Мясо, мир	+17,3	+15,3	+5,5	Нет данных	Нет данных	+12,7
Фрукты, Китай	+9,9	+6,6	+17,2	+14,1	+19	+19
Овощи, Китай	-4,1	Нет данных	+7	+24	+11,6	+3,7
Яйца, Китай	+1,9	+2,6	+4,3	+12,1	+10,6	+6,5
Продукция рыбного промысла, Китай	+8,8	+4,9	+4,2	+2,4	-1,6	-3,3
Зерновые, Китай	+1,6	+1,5	+2	+2,7	+3,2	+3,2
Зерновые, мир	+0,1	+14,8	+24,9	+29,8	+56,2	+27,6
Рост цен на продовольствие, Китай	-1,8	-1,8	-0,3	+1,9	+2,1	+2,5
Рост цен на продовольствие, мир	+1,1	+20,7	+12,6	+29,8	+22,8	+23,1

Составлено по: 1) CPI в Китае. [ИПЦ в Китае]. URL: <http://www.stats.gov.cn/was5/web/search?channelid=288041&andson=CPI> (дата обращения: 02.08.2022);

2) Индекс продовольственных цен ФАО. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/> (дата обращения: 02.08.2022).

Структура потребления продовольствия. В последние годы с ростом благосостояния населения были отмечены существенные сдвиги в структуре потребления продуктов питания.

Подорожание свинины привело к сокращению потребления мяса на 5 % с 2015 г. до 2020 г. (с 26,2 кг до 24,8 кг в год). Потребление зерновых, масла и сахара находятся на стабильном уровне. Китайцы ежегодно покупают 10,4 кг масла и 1,3 кг сахара в расчете на душу населения². Потребление зерна за рассматриваемый период выросло на 3 % (с 124,3 до 128 кг), однако на фоне роста потребления других продуктов и общего увеличения калорийности питания доля зерновых в рационе населения снижается.

Растут расходы на дорогие продукты питания — мясо, фрукты и овощи: на 51 % выросло потребление курицы (с 8,4 кг до 12,7 кг), на 44 % — говядины (до 2,3 кг в год) при сокращении потребления свинины на 9 % (с 20 кг до 18,2 кг), на 35 % — яиц (с 9,5 кг до 12,8 кг), на 27 % — свежих и сушеных фруктов и бахчевых культур (с 44,5 кг до 56,3 кг), на 24 % — продукции водного промысла (с 11,2 кг до 13,9 кг), на 19 % — орехов (с 3,1 кг до 3,7 кг). Несмотря на активную

¹ 2022年6月份居民消费价格同比上涨2.5% 环比持平 [В июне 2022 г. потребительские цены выросли на 2,5 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года и остались неизменными к прошлому месяцу]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202207/t20220709_1886259.html (дата обращения: 03.08.2022).

² 中国统计年鉴2021 [Статистический ежегодник КНР за 2021 г.]. Таблица 6-4. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 06.07.2022).

маркетинговую поддержку, потребление молочной продукции выросло всего на 7 % (с 12,1 кг до 13 кг). Потребление овощей и грибов также увеличилось незначительно (на 6 %, с 97,8 кг до 103,7 кг на человека в год).

В целом рацион питания китайцев стал более сбалансированным: на фоне сокращения потребления зерновых отмечается рост продуктов животного происхождения, овощей и фруктов.

Нищета и неравенство. Улучшению рациона питания населения способствовал поступательный рост реальных располагаемых доходов. Даже в первый год пандемии (2020 г.) реальные располагаемые доходы населения увеличились на 2,1 %. Одновременно с ростом доходов сокращался коэффициент Энгеля, то есть затраты населения на продукты питания. В 2021 г. он составил 29,8 %¹.

В декабре 2020 г., несмотря на турбулентную внешнюю среду и пандемию, власти Китая объявили о преодолении абсолютной бедности в стране. По данным ФАО, в стране голодает менее 2,5 % населения и по данному показателю КНР уже сравнялась с Северной Америкой и Европой².

Внешняя торговля продовольствием. На фоне обозначенных успехов Китай по-прежнему является крупным импортером продовольствия. В 2020 г. страна импортировала продуктов питания на общую сумму в 171 млрд долл.³ В 2021 г. импорт продовольствия вырос на 29 % до 220 млрд долл.⁴ В структуре импорта преобладают поставки зерновых (соевых бобов) и мяса. Значительны объемы закупок фруктов и орехов, продукции рыбного промысла, молочных продуктов и пищевого масла (пальмового). В количественном срезе в 2021 г. в 2,5 раза выросли объемы закупок кукурузы, необходимой для корма восстановленного после африканской чумы поголовья свиней, в 2 раза выросли закупки гаоляна, в 1,7 раза — риса, в 1,5 раза — ячменя, в 1,4 раза — пищевого масла. Однако объемы закупок свинины, мяса птицы, продукции рыбного промысла, импортных алкогольных напитков и соевых бобов заметно снизились в связи с нормализацией внутреннего рынка продовольствия. Значительное повышение цен наблюдалось при закупках говядины, фруктов и орехов, зерновых, однако цены на пищевое масло (и на самый распространенный его эквивалент — пальмовое масло) незначительно сократились (табл. 3).

Китай не только импортирует, но и экспортирует продовольствие. В 2021 г. было экспортировано продовольствия на общую сумму в 84 млрд долл. Экспорт представлен рыбой и морепродуктами (22 млрд долл.), овощами (12,3 млрд долл.) и продукцией с высокой долей переработки.

¹ 中国统计年鉴2021 [Статистический ежегодник КНР за 2021 г.]. Таблицы 6-6, 6-11. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 06.07.2022).

² ФАО. 2022. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире 2021. URL: <https://www.fao.org/3/cb4474ru/online/cb4474ru.html#chapter-1-introduction> (дата обращения: 28.07.2022).

³ 中国统计年鉴2021 [Статистический ежегодник КНР за 2021 г.]. Таблицы 11-4, 11-7. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm> (дата обращения: 04.08.2022).

⁴ 2021年12月进口主要商品量值表 [Таблица основных импортируемых товаров в декабре 2021 г.]. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/3512606/index.html> (дата обращения: 04.08.2022).

Таблица 3. Динамика и объемы импорта продовольствия в КНР в 2021 г. и в первой половине 2022 г.

	Закупки продовольствия по сумме в 2021 г., млрд долл.	Рост к аналогичному периоду прошлого года, в %	Закупки продовольствия по сумме январь—июнь 2022 г., млрд долл.	Рост к аналогичному периоду прошлого года, в %	Закупки продовольствия по объему в 2021 г., млн т \ млн л	Рост к аналогичному периоду прошлого года, в %	Закупки продовольствия по объему январь—июнь 2022 г., млн т \ млн л	Рост к аналогичному периоду прошлого года, в %
Импорт продовольствия в Китай	219,82	28,6	115	6	—	—	—	—
Мясо, в т.ч.	32	4,6	14	-15,5	9,4	-5,4	3,5	-31,9
говядина	12,5	22,7	7,6	39,4	2,3	10,1	1,2	1,7
свинина	10,2	-15,5	1,6	-75,4	3,7	-15,5	0,8	-65,1
птица	3,5	0,4	0,3	6,3	1,5	-4,7	0,3	-7,4
Продукция рыбного промысла	14,5	11,7	8,4	35,5	3,6	-9,6	2	24,1
Молочные продукты	13,8	13,9	7,4	1,9	4	18,5	1,8	-18
Фрукты и орехи	15,2	30,7	9,3	9,8	7,3	11,8	4,4	14
Зерновые, в т.ч.	74,8	49,2	42,4	-5,4	165	18,1	79,8	17,8
пшеница	3,1	31	1,8	-7,8	9,7	16,6	4,9	13,4
ячмень	3,6	89	1,3	-33,4	12,5	54,5	3,8	-17,9
кукуруза	8	222,9	4,4	-11,1	28,4	152,2	13,6	9,1
рис	2,2	49,5	1,5	26,2	4,9	68,7	3,6	40,2
гаолян	3	161,8	2,2	48,8	9,4	95,6	6	25,7
соевые бобы	53,5	35,4	30	18,4	96,5	-3,8	46	-5,4
Пищевое масло, в т.ч.	12,8	1	4,2	-35	11,7	38,8	2,6	-59,9
соевое	1,1	16,6	0,2	-71,1	1,1	46,4	0,13	-80,6
пальмовое	4,2	-0,1	0,78	-52,7	4,6	43,1	0,56	-73,1
рапсовое	2,4	11,5	0,86	-45,8	2,2	46,2	0,55	-63,4
Сахар	2,3	26,6	0,88	20,3	5,7	7,5	1,8	-13,1
Алкоголь и напитки, в т.ч.	6,7	24,7	2,7	-9,8	—	—	—	—
пиво	0,7	2,2	0,32	-7,9	524	-10,2	0,23	-14,4
вино	1,7	-7,4	0,73	-10,8	427	-1,4	1,4	-13,4

Составлено по:

1) 2021年12月进口主要商品量值表 [Таблица основных импортируемых товаров в декабре 2021 г.]. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/3512606/index.html> (дата обращения: 04.08.2022);

2) 2022年6月进口主要商品量值表 [Таблица основных импортируемых товаров в июне 2022 г.]. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/302276/4471159/index.html> (дата обращения: 11.08.2022).

Стране удастся относительно эффективно решать вопросы продовольственной безопасности за счет поддержания стабильной внутривнутриполитической ситуации, успешной борьбы с изменениями климата, повышения доступности продуктов питания и решения вопросов бедности. Замедление экономического роста пока не оказывает давление на продовольственную ситуацию в стране.

Однако продовольственный рынок Китая не лишен уязвимости: новыми угрозами стоит назвать зависимость от импорта ряда стратегически важных продуктов питания и необходимых для поддержания текущей урожайности удобрений и пестицидов. Кроме того, новая геополитическая ситуация подталкивает власти вводить стимулирующие программы для сельскохозяйственных производителей, рассматривать новых незападных партнеров и увеличивать доступ на китайский рынок при помощи снятия фитосанитарных барьеров.

Самообеспеченность продовольствием в Китае

Во избежание рисков продовольственной безопасности ФАО рекомендует странам мира поддерживать уровень самообеспечения продовольствием в 95 % [2, с. 27]. Оценим самообеспеченность основными продуктами питания в КНР¹.

Зерновые. Китай производит около четверти всего объема зерновых в мире (682 млн т из 2796 млн т). Зерно используется не только для питания населения, но и для корма скота, поголовье которого в последние годы увеличивается, поэтому спрос на зерновые опережает возможности сельского хозяйства. В 2021 г. было импортировано 165 млн т зерна, таким образом, самообеспеченность зерновыми в стране составляет около 80 %. Основная статья импорта — это соевые бобы, из которых производят высокобелковый соевый шрот (основу для комбикормов) и выжимают соевое масло.

Растет урожайность зерновых: китайское исследование 2017 г. показало, что урожайность риса, пшеницы и кукурузы на 50,1 %, 55,2 % и 6,2 % выше, чем в среднем по миру [5]. За последние десять лет сбор урожая зерновых вырос примерно на 25 %: с 550 млн т в 2010 г. до 680 млн т в 2021 г. Власти считают, что урожайность может быть еще повышена на 10—20 %. Подобные показатели могут быть достигнуты лишь увеличением использования пестицидов и удобрений.

По официальным данным уровень самообеспеченности пшеницей и рисом в Китае приближается к 100 % (в стране производится 232 млн т риса и 150 млн т пшеницы, импортируется — всего 4,9 млн т и 9,7 млн т соответственно), кукурузы — около 95 %, хотя в последние годы самообеспеченность кукурузой снизилась до 91 %: объемы производства в 2021 г. составили около 294 млн т, импорта — выросли до 28,4 млн т.

Уровень самообеспеченности соевыми бобами составляет критически низкие 15 %. Китай закупает около 60 % произведенной в мире сои. Основные по-

¹ Самообеспеченность рассчитана по формуле: $C = \text{ПР} / \text{ПТ} * 100 \%$, где C — уровень самообеспеченности, ПР — объем произведенных продуктов питания, ПТ — объем потребления, включающий произведенные продукты питания за вычетом экспорта и импорт. Из-за отсутствия данных весь произведенный и ввезенный в страну объем за вычетом экспорта по умолчанию считается потребленным (*прим. авт.*).

ставщики соевых бобов в КНР — это Пакистан (33 млрд долл.) и США (16,9 млрд долл.). Позиции России пока скромны: в 2021 г. наша страна поставила сои в Китай на сумму всего 234,6 млн долл. Но невысокие объемы поставок определяются небольшими объемами посадок сои: в 2021 г. российский урожай соевых бобов составил всего 4,8 млн т¹. Украина тоже производит сравнительно скромные объемы соевых бобов: в 2021 г. украинский урожай составил 3,7 млн т. В Китай было экспортировано украинских соевых бобов на сумму всего 38,5 млн долл.

Как уже было отмечено, наблюдается снижение самообеспеченности кукурузой в связи с ростом потребления скотом. В 2021 г. Украина была второй по поставкам кукурузы по стоимости (2,3 млрд долл.) после США (5,6 млрд долл.). Российские поставки составляли всего 21 млн долл.

Мировые рынки зерна нестабильны: например, в Бразилии, которая является крупнейшим мировым поставщиком сои, в 2022 г. было зафиксировано снижение производства из-за засухи, отразившееся в росте мировых цен. Китайско-американская торговая война также выявила риски высокой импортной зависимости от какой-либо товарной категории, поэтому власти активизировали политику, нацеленную на повышение самообеспеченности продовольствием. С 2018 г. вводится система субсидирования производителей в Хуанхуайхае², на северо-западе и юго-западе страны, нацеленная на создание зон производства сои и ввод заброшенных земель в севооборот. В северо-восточных провинциях даже предлагается заменить часть посадок риса соей. Таким образом власти планируют добиться увеличения посевных площадей сои на 27 %, с 8,82 га в 2021 г. до 11,2 га к 2025 г., а урожая — на 40 %, с 16,4 млн т до 23 млн т³. Но даже в случае успешной реализации программы масштабный импорт культуры будет продолжен: 23 млн т сои в год не способны обеспечить потребности внутреннего рынка.

Высокий уровень самообеспеченности пшеницей в Китае способствует тому, что напряженная ситуация на мировых рынках не отразится на продовольственной ситуации в стране. Ограничения, введенные рядом государств на экспорт пшеницы (например, Индией), и сложности с вывозом зерна из Украины не окажут негативного влияния на рынок зерновых в Китае.

Однако существует другой фактор уязвимости — высокая зависимость от поставок зерновых из США, которая определялась условиями первой фазы торговой сделки. Для нормализации двусторонних отношений Китай взял на себя обязательства по закупке американского продовольствия на сумму 33 млрд долл. в 2020—2021 гг. До торговой сделки Штаты лидировали в поставках сои в Китай, однако ведущую роль в поставках других зерновых (риса, пшеницы и кукурузы)

¹ В 2021 году в России получен рекордный урожай масличных культур. URL: <https://spesagro.ru/news/202112/v-2021-godu-v-rossii-poluchen-rekordnyy-urozhay-maslichnykh-kultur> (дата обращения: 05.08.2022).

² Район, включающий в себя территории Пекина, Тяньцзиня, Шаньдуна, Хэбэя, Хэнаня, Цзянсу и Аньхуэя (прим. авт.).

³ 加快推进大豆产业振兴 [Ускорить возрождение соевой отрасли]. URL: http://www.moa.gov.cn/ztl/ymksn/jjrbbd/202203/t20220329_6394563.htm (дата обращения: 05.08.2022).

играла Украина. Торговая сделка и украинский кризис вытеснили Украину, сделав США крупнейшим поставщиком зерна в Китай.

В текущей ситуации «узким горлышком» в поставках зерновых является высокая зависимость от импорта сои и стремительное снижение уровня самообеспеченности кукурузой.

Масложировая продукция. Китай потребляет значительные объемы масложировой продукции. Около 11 % пахотных земель страны засеяны масличными культурами. Однако Китаю не удается обеспечить всю потребность страны в масле. В 2021 г. было произведено 36,13 млн т пищевого масла, еще 11,7 млн т было импортировано. Самообеспеченность маслом составляет около 75 %, при этом наибольшая уязвимость заключается в сбоях с поставками пальмового масла, на которое приходится около 39 % импорта данной товарной группы.

Мировое производство пальмового масла составляет около 80 млн т, экспорт достигает 46 млн т. Около 10 % всего экспортируемого пальмового масла мира поставляется в Китай. Основные поставщики данного продукта — это Индонезия и Малайзия, на которые приходится около 85 % всех мировых поставок.

В первой половине 2022 г. наблюдался значительный скачок цен на пальмовое масло из-за украинского кризиса, поскольку на рынке появились опасения насчет стабильности поставок российской и украинской масложировой продукции.

Одновременно с украинским кризисом в Малайзии отмечалось драматичное сокращение производства пальмового масла из-за дефицита рабочей силы, а Индонезия на фоне ажиотажного спроса на масложировую продукцию несколько раз вводила запреты на экспорт пальмового масла для защиты собственного внутреннего рынка, способствуя дальнейшему росту мировых цен. Только Таиланд смог воспользоваться ситуацией и нарастить поставки данного продукта за рубеж.

В производстве других масел также наблюдались сложности. Из-за опасений голода и нехватки масла на внутреннем рынке многие страны ограничили экспорт. Например, Аргентина ввела запрет на экспорт соевого масла и соевого шрота до конца 2023 г.¹

Однако цены на масложировую продукцию уже с апреля 2022 г. начали снижаться из-за снятия ограничений на экспорт пальмового масла из Индонезии. Ситуация с экспортом украинского подсолнечника постепенно теряла свою остроту из-за общего снижения мирового импортного спроса на растительное масло.

На рынке китайской масложировой продукции преобладают соевое, рапсовое и арахисовое масла. Все масла являются субститутами и могут быть заменены в зависимости от динамики мировых цен. Поэтому китайский ответ на повышение цен на масло заключается в продолжении политики увеличения посевов сои и снижения спроса на масло. Также Китай стремится увеличить посадки масличной камелии, грецкого ореха и оливок, из которых также можно выжимать масла.

¹ Страх голода. Какие страны продолжают сдерживать экспорт масличных, растительного масла и зерна в 2022 г.? URL: <https://oleoscope.com/analytics/strah-goloda-kakie-strany-prodolzhajut-sderzhivat-jeksport-maslichnyh-rastitelnogo-masla-i-zerna-v-2022-g/> (дата обращения: 05.08.2022).

Мясная продукция. Китай — мировой лидер по производству мяса. Самообеспеченность страны мясом составляет около 90 %: в 2021 г. было произведено 89 млн т мяса и еще 9,4 млн т было импортировано.

Основной тенденцией на мясном рынке страны стало уменьшение импортных поставок. В 2020 г. из-за африканской чумы свиней производство мяса сократилось до 76 млн т, Китай вынужденно увеличил импорт. Однако уже в 2021 г. стране удалось ликвидировать очаги заболевания, рост поголовья свиней в 2021 г. на 10 % позволил увеличить производство свинины и снизить импортную зависимость. В 2022 г. падение объемов импорта продолжилось и будет иметь устойчивую тенденцию в связи с тем, что в структуре потребления мяса преобладает свинина, на которую приходится 60 % производства.

Ключевой партнер Китая в импорте мяса — это Пакистан, который политически нейтрален к украинскому кризису и новой мировой геополитической архитектуре. В 2021 г. страна поставила в Китай мяса на 7,8 млрд долл. Лидеры по поставкам свинины в Китай — это Пакистан и Испания, говядины — Австралия, США и Новая Зеландия.

Однако увеличение поголовья свиней приводит к росту потребления кормовых культур, особенно сои и кукурузы. Обеспечение продовольственной безопасности в мясных продуктах неразрывно связано с решением вопроса с поставками сои и кукурузы.

Молочная продукция. Китай отличается достаточно скромным потреблением молока и молочных продуктов. В 2021 г. производство молочной продукции составило 36,83 млн т, еще около 4 млн т было импортировано. Самообеспеченность молочными продуктами в Китае — около 90 %. Импорт представлен преимущественно сухим и свежим молоком и молочной сывороткой. Основными импортерами молочных продуктов в Китай являются Новая Зеландия, Австралия, Германия, Франция и США, которые поставляют продукцию высокого ценового сегмента.

На фоне украинского кризиса и роста цен Китай сокращает поставки фасованного сухого молока, порошковых детских смесей, сыра, сливок, кисломолочных продуктов, сгущенного и пакетированного молока. За первые полгода 2022 г. импортные поставки молочных продуктов сократились по объему на 18 %, но выросли по сумме на 1,8 %¹.

Продукция водного промысла. Китай занимает ведущие позиции в производстве рыбы и морепродуктов. В 2021 г. было произведено 66,93 млн т рыбы и морепродуктов, импорт составил еще 3,6 млн т. Однако с учетом экспорта в размере 3,7 млн т, самообеспеченность продукцией водного промысла в Китае приближается к 100 %.

Страна в основном импортирует дешевую замороженную рыбу, причем ее стоимость в 2021 г. выросла при сокращении физических объемов. Причиной стал запрет на экспорт российской рыбы, на которой были найдены следы коро-

¹ 2022年6月中国乳制品进出口统计 [Статистика экспорта и импорта китайской молочной продукции в июне 2022 г.]. URL: <https://www.163.com/dy/article/HDETK5U80519K7Q6.html> (дата обращения: 05.08.2022).

навируса. Ограничения продлились с осени 2020 г. до января 2022 г. и способствовали тому, что в 2021 г. Россия потеряла лидирующие позиции по поставкам рыбы в Китай, пропустив вперед Эквадор (2,2 млрд долл.). Наша страна осуществляла поставки лишь не подпавших под запреты категорий (с высокой долей переработки), поэтому снабжение Китая российской рыбой не было прекращено полностью, экспорт российской продукции водного промысла в Китай в 2021 г. составил 1,9 млрд долл. Среди прочих крупных партнеров Китая в поставках рыбы и морепродуктов стоит назвать Канаду, США и Индию.

В случае подорожания или сбоя в импортных поставках рыбы население страны сократит ее потребление, перейдя к продуктам-субститутам, например к подешевевшей свинине или к мясу птицы.

Прочее. Кроме того, статистически значимой является торговля фруктами и орехами, овощами, шоколадом, какао и алкогольными напитками, однако данные категории не могут стать угрозой продовольственной безопасности страны. Население сможет временно отказаться или же сократить их потребление.

Основными поставщиками фруктов и орехов в Китай являются страны ЮВА (Таиланд, Вьетнам, Филиппины), Австралия, Новая Зеландия, Чили и США. Овощи также импортируются из азиатских государств (Таиланда, Вьетнама, Мьянмы, Узбекистана) и из Канады. Шоколадная продукция и какао поступают из Малайзии, Индонезии, Италии, России и Бельгии. В закупках алкоголя лидируют Франция, США, Англия, Чили, Германия, Япония, Испания и Италия.

Влияние украинского кризиса на китайский продовольственный рынок

Украинский кризис оказывает влияние на продовольственную безопасность многих стран мира. На Россию и Украину совокупно приходится около 30 % мирового экспорта пшеницы, 20 % мирового экспорта кукурузы и 75 % мирового экспорта подсолнечника. Кроме того, Россия — крупнейший экспортер азотных удобрений и второй по объемам экспорта калийных и фосфорных удобрений.

В условиях внешней неопределенности власти Китая оказывают поддержку сельскохозяйственным производителям. Высокая урожайность китайских полей достигается масштабным использованием пестицидов и удобрений. В 2022 г. для стабилизации цен на рынке удобрений и поддержания предложения на достаточном уровне из китайских госрезервов на свободный рынок было изъято 1 млн т калийных удобрений, а на поддержку китайских сельскохозяйственных производителей было выделено 20 млрд юаней¹.

Китай — крупный импортер российского продовольствия. В 2021 г. на него приходилось около 10 % российских поставок сельскохозяйственной продукции по сумме (3,5 млрд долл.). В 2020 г. страна была крупнейшим партнером России в АПК, однако уже в 2021 г. пальму первенства перехватил ЕС. Причиной утраты

¹ Репортаж: Китай усиленно работает над обеспечением богатого летнего урожая зерновых. URL: http://russian.news.cn/2022-03/23/c_13110525220.htm (дата обращения: 05.04.2022).

лидерства стали запреты на поставки рыбы, поскольку на нее даже в 2021 г. приходилось более половины российских поставок продовольствия в Китай.

КНР не входит даже в первую десятку стран по объему импорта российского зерна, однако занимает лидирующие позиции по импорту российского мяса, вторую позицию по импорту масложировой продукции (подсолнечного, рапсового и соевого масел) после Турции и ведущие позиции по импорту рыбы и морепродуктов¹.

Потенциал роста двустороннего сотрудничества в АПК огромен: Россия в 2018 г. поставила амбициозные цели увеличить экспорт продуктов питания до 45 млрд долл. к 2024 г. Китайско-американская торговая война заставляет Пекин снимать ограничения на экспорт сельскохозяйственной продукции, в том числе из России. В 2015 г. были отменены ограничения на экспорт российской пшеницы, риса, сои и рапса. С 2018 г. стали возможны поставки гречневой крупы, овсяных хлопьев, семян подсолнечника, масличного льна, молочной продукции и замороженного мяса птицы; с 2019 г. — экспорт ячменя, соевых, рапсовых и подсолнечных шротов и шмыхов, а также говядины [4, с. 70]. До 2022 г. действовали региональные ограничения на поставки ячменя и пшеницы из России. С весны 2022 г. поставки данных культур стали возможны не только из семи регионов в азиатской части страны, но и из урожайного азово-черноморского бассейна.

В Китае отмечается зависимость только от поставок российской рыбы и морепродуктов. Во время запрета в 2021 г. объемы закупок продукции рыбного промысла в Китае упали на 9,6 % при росте закупочных цен на 11,7 % за счет покупки российской рыбы через посредников: Южная Корея и Япония в тот же период увеличили закупки российской рыбы в 1,5 и 2,2 раза соответственно².

Китай — крупнейший партнер Украины в агропромышленном комплексе. До кризиса осуществлялись масштабные поставки в Китай украинской кукурузы, ячменя, подсолнечного масла и жмыха из семян подсолнечника. Также Украина поставляла в КНР незначительные объемы рапсового масла, мороженой бескостной говядины, соевого масла и соевых бобов³. Экспорт кукурузы, ячменя и масложировой продукции был основой китайско-украинского торгово-экономического сотрудничества, поэтому для Китая наиболее критичным являются сбои в цепочках поставок данных категорий.

Закрытие портов и сложности с вывозом зерновых из Украины привели к росту цен из-за уменьшения предложения. Уже с мая—июня 2022 г. Китай столкнулся со сбоем в поставках кукурузы из Украины.

Украинский кризис стал причиной снижения физического объема поставок ячменя и способствовал сокращению закупок масложировой продукции из-за

¹ Статистика экспорта АПК РФ в 2021 г. URL: <https://aemcx.ru/analytics/statistics/stat2021/> (дата обращения: 01.08.2022).

² Вернется ли Китай в главные покупатели российской рыбы. URL: <https://rg.ru/2022/01/31/vernetsia-li-kitaj-v-glavnye-pokupateli-rossijskoj-ryby.html> (дата обращения: 11.08.2022).

³ 海关统计数据 在线查询平台 [Платформа для онлайн-запросов таможенной статистики]. URL: <http://43.248.49.97/> (дата обращения: 02.08.2022).

значительного роста цен. В первом полугодии 2022 г. в физическом объеме поставки ячменя уменьшились на 17,9 %, пищевого масла — на 59,9 %.

В июле 2022 г. были достигнуты первые договоренности о разблокировке черноморских портов и возобновлен экспорт зерна из Украины. Постепенно Китай стал крупнейшим покупателем украинского зерна в рамках «зернового соглашения».

Таким образом украинский кризис не угрожает продовольственной безопасности Китая. Среди негативных последствий стоит отметить сбой с поставками кормовых культур, прежде всего кукурузы. Для России в текущей ситуации заключены возможности для роста поставок в Китай растительного масла, ячменя и кукурузы.

Выводы

Еще 6 марта 2022 г. Си Цзиньпин утверждал, что продовольственная безопасность — «дело государственной важности» (*го чжи дачжэ, 国之大事*) и охарактеризовал основные направления работы, как «стабилизацию ежедневного рациона, стабилизацию [поставок] кукурузы и увеличение [производства] сои и масличных культур» (*вэнь коулян, вэнь юйми, ко дадоу, ко юляо, 稳口粮, 稳玉米, 扩大豆, 扩油料*)¹. Исследование доказало, что именно в данном направлении будет реализовываться дальнейшая политика по обеспечению продовольственной безопасности страны.

Ухудшение отношений с западными странами и украинский кризис будут способствовать трансформации структуры импорта продовольствия. США являются лидерами по поставкам зерновых, крупными поставщиками масложировой, мясной, молочной и прочей агропромышленной продукции в Китай. В 2017 г. импорт продовольствия из США составлял 19,5 млрд долл. [4, с. 71], в 2018 г. — 9,1 млрд долл., в 2019 г. — 13,8 млрд долл., в 2020 г. — 26,4 млрд долл., в 2021 г. — 33 млрд долл. Обязательства по закупке продовольствия в рамках первой фазы торговой сделки были полностью выполнены китайской стороной, а Украина по результатам подписания китайско-американской сделки потеряла прежние лидирующие позиции на рынке зерновых в Китае. Однако эскалация конфликта в Тайваньском проливе летом 2022 г. с большой вероятностью заставит Китай диверсифицировать продовольственный импорт из США в пользу других незападных партнеров.

В нынешних условиях Китаю сравнительно успешно удается решать вопрос обеспечения населения продовольствием. Посткризисными трендами станут сокращение импортной зависимости и трансформация структуры продовольственного рынка.

¹ 发展木本油料产业 保障粮油供给安全 [Развивать древесную и масличную промышленность, обеспечивать безопасность поставок зерна и масла]. URL: <http://www.forestry.gov.cn/main/6222/20220421/140405625905045.html> (дата обращения: 20.07.2022).

Список литературы / References

1. Аграрная проблема Китая (конец XX — начало XXI века). М.: ИДВ РАН, 2009. 304 с.
Agrarnaya problema Kitaya (konec XX — nachalo XXI veka) [The Agrarian Problem of China (the End of the 20th — the Beginning of the 21st Century)]. Moscow: IDV RAN, 2009. 304 p. (In Russ.)
2. Александрова М.В. Продовольственная безопасность КНР и экспорт сельхозпродукции РФ на китайский рынок // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 27—38.
Aleksandrova M. V. Prodovol'stvennaya bezopasnost' KNR i eksport sel'hozprodukcii RF na kitajskij rynek [Food Security of China and Export of Agricultural Products of the Russian Federation to the Chinese Market]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 2017 no. 6, pp. 27—38. (In Russ.)
3. Китайская деревня на пути к рынку / Л.Д. Бони; Рос. акад. наук. ин-т Дал. Востока. М.: ИДВ РАН, 2005. 526 с.
Kitajskaya derevnya na puti k rynku [Chinese Village on the Way to the Market]. ed. L. D. Boni; Ros. akad. nauk. in-t Dal. Vostoka. Moscow: IDV RAN, 2005. 526 p. (In Russ.)
4. Лексютина Я.В. Становление России в качестве крупного экспортера сельхозпродукции: китайский вектор // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Иркутск, 23 апреля 2021 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 70—74.
Leksyutina Ya. V. Stanovlenie Rossii v kachestve krupnogo eksportera sel'hozprodukcii: kitajskij vector [Russia's Establishment as a Major Exporter of Agricultural Products: The Chinese Vector]. *Social'nye processy v sovremennom rossijskom obshchestve: problemy i perspektivy: materialy V Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, Irkutsk, 23 aprelya 2021 goda* [Social processes in modern Russian society: problems and prospects: materials of the V All-Russian Scientific Conference with International participation, Irkutsk, April 23, 2021]. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2021, pp. 70—74. (In Russ.)
5. 《中国的粮食安全》白皮书. [Белая книга «Продовольственная безопасность в Китае»]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1666192/1666192.htm> (дата обращения: 05.08.2022).
《中国的粮食安全》白皮书. [White Paper on “Food Security in China”]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1666192/1666192.htm> (accessed: 05.08.2022). (In Chinese)
6. 李裕, 张强, 王润元, 肖国举, 王胜. 气候变化对食品安全的影响 [J] [Ли Юй, Чжан Цян, Ван Жуньюань, Сяо Гоцзюнь, Ван Шэн. Влияние изменения климата на безопасность пищевых продуктов] J4, 2009, 27(4), pp. 367—372. 李裕, 张强, 王润元, 肖国举, 王胜. 气候变化对食品安全的影响 [Li Yu, Zhang Jiang, Wang Run-Yuan, Xiao Guo-Ju, Wang Qing. Food Security Challenge Under the Background of Global Climate Change] J4, 2009, 27(4), pp. 367—372. (In Chinese)

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

Е.В. Алексеева

Текущее состояние и перспективы сотрудничества РФ и КНР в области мирного атома

Аннотация. Атомная энергетика — одним из наиболее безопасных и экологичных способов энергогенерации. В лице ГК «Росатом» РФ является крупнейшим производителем и поставщиком ядерных технологий. В КНР развитие мирного атома считается стратегическим приоритетом, с перспективой выхода на мировой рынок в качестве поставщика при использовании апробированного подхода: заимствование технологий, их доработка и позиционирование под национальным флагом.

В данной статье автор рассматривает сотрудничество РФ и КНР в области ядерных технологий. В ходе исследования использовались статистические методы сравнительного и математико-графического анализа. В качестве источников были привлечены материалы официальной статистики КНР, новостных публикаций ключевых ядерных предприятий РФ и Китая, годовые отчеты China National Nuclear Corporation (CNNC).

В статье представлены этапы развития и текущее состояние атомной промышленности КНР; проанализировано взаимодействие Китая и России в лице ГК «Росатом» в ядерной энергетике, совместные проекты в области науки и технологий; указаны перспективы двустороннего сотрудничества.

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам. Отказ от передачи ядерных технологий ГК «Росатом» препятствовал сотрудничеству с КНР до ввода новых стандартов безопасности Китаем в 2011 г. Простой в строительстве АЭС на базе собственных реакторов, не отвечающих обновленным требованиям безопасности, был компенсирован возобновлением активного взаимодействия с ГК «Росатом». Современный уровень развития мирного атома в КНР позволяет говорить о технологической самостоятельности страны, но не препятствует углублению сотрудничества с РФ, которое распространяется в том числе на научно-исследовательские проекты.

Ключевые слова: Китай, Россия, ГК «Росатом», атомная энергетика, ядерные технологии.

Автор: Алексеева Елена Витальевна, студент бакалавриата, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0001-5628-9518.
E-mail: elalexeeva000@mail.ru

Для цитирования: Алексеева Е.В. Текущее состояние и перспективы сотрудничества РФ и КНР в области мирного атома // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 58—68. DOI: 10.48647/ICCA.2023.12.52.005.

Alekseeva E. V.

Current state and prospects of Russia-China cooperation in the nuclear field

Abstract. Nuclear energy is one of the safest and cleanest methods of energy generation. Rosatom State Corporation is the largest Russian producer and supplier of nuclear technologies. China strategically prioritizes the advancement in peaceful atom, intent on becoming a global exporter using a time-tested approach comprising technology transfer, follow-up improvement and introduction under the national brand.

This article analyzes the Russia-China cooperation in nuclear field. The research methods employed include comparative and graphical data analysis. The study is built upon the following primary sources: China's official statistical data, news releases by major Chinese and Russian nuclear enterprises, CNNC annual reports.

The author describes the evolution and current state of nuclear industry in China. The interaction between Russia's ROSATOM and China in the nuclear energy field as well as the bilateral scientific cooperation are explored. The article concludes with the introduction of future cooperation prospects.

The core observations of the study are as follows: Rosatom's refusal to transfer technologies hindered cooperation with China until 2011 when the latter introduced new security standards. A standstill in the production of power reactors, failing to meet new requirements, became an impetus for a revival of comprehensive cooperation with SC «Rosatom». The current level of development of nuclear industry in China is a testament to its technological independence, yet allows for a deepening cooperation with Russia, including scientific collaboration.

Keywords: China, Russia, ROSATOM, nuclear energy, nuclear technologies.

Author: *Alekseeva Elena Vitalievna*, Undergraduate student, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. ORCID: 0000-0001-5628-9518. E-mail: elalexeeva000@mail.ru

For citation: Alekseeva E. V. Current state and prospects of Russia-China cooperation in the nuclear field. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 58—68. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.12.52.005.

Атомная энергетика — один из наиболее безопасных и эффективных способов энергогенерации. Учитывая безуглеродную экологическую повестку, она является важнейшей альтернативой генерации из ископаемых источников. В области энергетики, а также фундаментальных исследований и новейших технологий, мирный атом выступает сферой международного сотрудничества, где РФ занимает исторически сильные позиции, а КНР стремится войти в состав основных игроков. Учитывая положительный климат двусторонних отношений, проблема взаимодействия Китая и России в названной сфере представляется актуальной.

Целью настоящего исследования является оценка текущего состояния и перспектив сотрудничества РФ и КНР в области мирного атома. В частности, предполагается сформулировать подходы двух стран к развитию данной отрасли; проследить трансформацию атомной промышленности КНР и роль РФ в ее развитии; определить уровень технологической самостоятельности КНР; выделить основные направления двустороннего сотрудничества в сфере ядерных техноло-

гий в период со второй половины 1950-х гг., когда была заложена правовая база взаимодействия СССР и КНР в развитии китайской атомной промышленности, до настоящего времени.

В отечественной науке большинство авторов (В.А. Денисенко, Т.А. Жучкова, В.Г. Шишкин, В.А. Гаврилова, А.В. Смыковский) анализируют аспект атомной энергетики как элемент энергетического партнерства или в контексте инновационного технологического сотрудничества. Атомная энергетика КНР, как правило, выступает самостоятельным предметом исследований как в исторической перспективе, так и с точки зрения технологических решений, в работах А.В. Гончарук, А.В. Писарева, Е.О. Заклязьминской. Западные исследователи косвенно рассматривают сотрудничество РФ и КНР в сфере мирного атома с акцентом на политическом аспекте — в области ядерного нераспространения (Р. Эйнхорн) и энергетической безопасности (Р. Вейц, С. Ладислав, Н. Цафос) Китайские ученые Лю Ц., Ли С., Хань Я., Тао К. в первую очередь уделяют внимание энергетическому сотрудничеству. Отдельные работы посвящены патентной стратегии в области ядерных технологий РФ и КНР (Чэнь С., Чжао Р., Чжан Я.) и совместным фундаментальным исследованиям (Ван Ч.).

Таким образом, наблюдается недостаток исследований, в комплексе рассматривающих различные аспекты сотрудничества России и Китая в сфере мирного атома. Данная статья предлагает комплексный подход к анализу перспектив российско-китайского взаимодействия с учетом истории, особенностей подходов двух стран к международному сотрудничеству в области развития ядерных технологий и экспортной политики, современных потребностей атомной энергетики КНР. В ходе исследования были использованы и введены в научный оборот не переведенные на русский язык материалы официальной статистики КНР, в том числе за 2022 — начало 2023 гг.

Статистические данные представляют основной объем источниковой базы исследования, в которую также вошли официальные правовые и доктринальные документы: планы развития энергетической отрасли и отчеты ключевых предприятий атомной отрасли КНР; двусторонние соглашения РФ и КНР, КНР и других государств; новостные публикации ГК «Росатом», CNNC, China Nuclear Energy Association (CNEA). Сравнительная характеристика технических параметров основных типов реакторов, действующих на территории КНР, основывается на годовом отчете CNNC за 2022 г. и исследовании профессора Эндрю Кадака.

Наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, индукция) основным методом исследования стал сравнительный анализ ключевых технических характеристик представленных в КНР типов реакторов для выявления преимуществ российской разработки. Анализ статистических данных был произведен при помощи математико-графического метода исследования.

Российская Федерация является одним из мировых лидеров в развитии мирного атома и в лице ГК «Росатом» — крупнейшим производителем и поставщиком ядерных технологий. В КНР развитие атомной энергетики считается стратегическим приоритетом. На 75 Генассамблее ООН, прошедшей в сентябре 2020 г., Си Цзиньпин заявил, что Китай, достигнув пикового значения выбросов CO₂ к 2030 г., реализует цель «углеродной нейтральности» к 2060 г. [17].

Для этого КНР поступательно увеличивает долю низкоуглеродной энергетики: в период 1980—2020 гг. доля первичной энергии, полученной из неископаемых источников, увеличилась практически в 5 раз. Вместе с активным строительством ВЭС и СЭС для достижения объявленных целей Китая необходимо увеличить долю атомной генерации с текущих 5 % в общем объеме источников электроэнергии до 28 % к 2050 г. В дополнение к 55 действующим и 24, находящимся на стадии строительства энергоблокам [12], по сообщению председателя China News Service (CNS) Ван Шоуцзюня на 23 ядерной конференции стран Тихоокеанского бассейна, КНР планирует ежегодно вводить в эксплуатацию 6—8 реакторов в год [9]. При этом количество строящихся энергоблоков в КНР составляет более 40 % от мирового [11, с. 14].

Несмотря на период пандемии и, как отражено на рис. 1 [14], замедление роста введенных в эксплуатацию мощностей атомной энергогенерации, поставленная цель планомерно реализуется. В 2021 г. объем произведенной на АЭС электроэнергии вырос на 11,17 % по сравнению с 2020 г. и достиг 407,141 млрд кВт/ч, что составляет 5,02 % от общего объема генерации [7]. С точки зрения обеспеченности ядерным топливом, КНР успешно реализует политику «сбалансированных урановых поставок», базирующуюся на 3 источниках: добыча на собственной территории, добыча за рубежом с участием китайских компаний, экспортные поставки [8, с. 43].

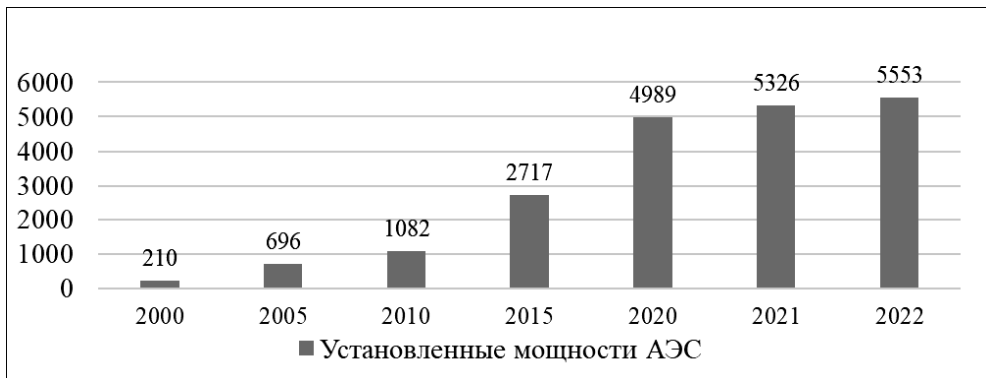

Рис. 1. Рост установленных мощностей АЭС в Китае, 2000—2022 гг., 10 000 кВт.

Источник: [14].

В контексте экологической повестки интересны подсчеты ядерно-энергетической ассоциации Китая CNEA, согласно которым выработка указанного объема электроэнергии на ТЭС потребовала бы сжигания 115,58 млн т.у.т (тонн условного топлива), что привело бы к выбросам в атмосферу 302,82 млн т CO_2 и 0,98 млн т SO_2 [7].

Географически китайские АЭС располагаются на Юго-Востоке Китая. Чжэцзян, Гуандун и Фуцзянь — провинции с наибольшим объемом установленных мощностей. Также АЭС располагаются в провинциях Ляонин, Шаньдун, Цзянсу, Гуанси-Чжуанском автономном районе и провинции Хайнань. Это обу-

словлено, в первую очередь, большим энергопотреблением расположенных там производственных единиц и портовой инфраструктуры, благоприятным физико-географическим положением, удаленностью упомянутых провинций от основных угольных разработок и преобладающим курсом на развитие зеленой энергетики. Актуальные данные о распределении мощностей реакторов в КНР представлены на рис. 2 [5].

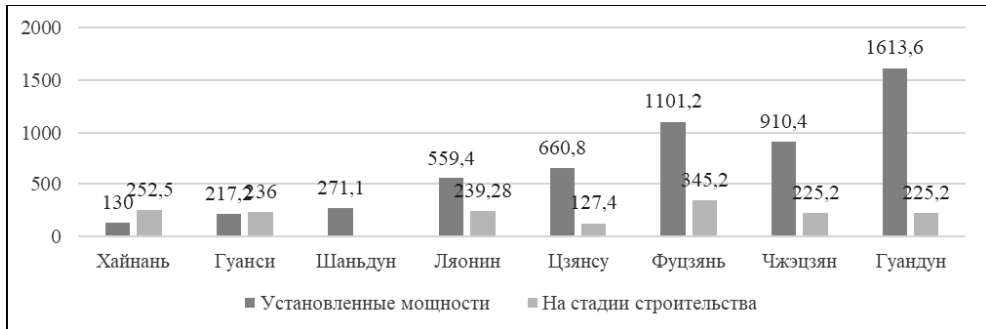

Рис. 2. Установленные и строящиеся мощности АЭС, май 2022 г., 10 000 кВт.

Источник: [5].

При этом, учитывая сохраняющийся дефицит электроэнергии в каждой из перечисленных провинций, можно ожидать дальнейшего поступательного развития атомной энергетики, в том числе за счет привлечения иностранных компаний. Не менее важно отметить, что КНР стремится не только развить отечественную атомную энергетику, но и выйти на мировой рынок в качестве поставщика ядерных технологий, о чем свидетельствуют контракты на строительство китайских реакторов типа «Хуалун-1» с Аргентиной, Пакистаном, в перспективе — Египтом и Кенией [16].

Реализуя иностранные контакты, КНР рассматривает следующие варианты финансирования строительства АЭС: за счет кредитования поставщиком АЭС под гарантии правительства — покупателя с последующими расчетами с учетом процентной ставки (Пакистан, Аргентина); за счет кредитных средств поставщика АЭС с последующим участием поставщика в доходе от продажи генерации 1 кВт/ч в течение согласованного периода времени, позволяющего полностью покрыть затраты с учетом изменения стоимости денег во времени (по предложению Аргентины); полностью за счет источников средств поставщика, который финансирует создание объекта, а затем его эксплуатирует как собственник (основываясь на примере проекта ГК «Росатом» АЭС «Аккую»). При этом поставщик технологий заключает договор на обслуживание оборота ядерного топлива в течение эксплуатационного периода АЭС, в случае Хуалун-1 — 60 лет.

В исторической перспективе атомная энергетика Китая начала развиваться лишь в 70-е гг. XX в., хотя уже в 1958 г. совместно с советскими учеными был установлен экспериментальный тяжеловодный реактор. Только после достижения прогресса в военной ядерной программе, в официальных документах зазвучала

необходимость развития мирного атома, наряду с оружейным. Пятилетний план на период 1981—85 гг. стал первой программой социально-экономического развития, где подчеркивалась важность атомной энергетики, после чего КНР стала активно включаться в международную кооперацию в данном секторе [3]. Была принята стратегия развития в двух направлениях — международном сотрудничестве с государствами, с которыми ранее были подписаны соглашения, и в создании собственных технологий на основе разработок, полученных от более опытных партнеров, в основном — США, Франции, Канады.

Так, на базе французского трехконтурного реактора поколения 2+ M310 был разработан китайский аналог большей мощности CPR1000, а на базе американского двухконтурного реактора III поколения — ACP1000. В результате интеграции западных технологических решений был разработан полностью китайский реактор III поколения «Хуалун-1», который, хотя и был запущен в массовое производство летом 2022 г. [10], тем не менее, уступает аналогам поколения III—III+ как по мощностным параметрам, так и по характеристикам безопасности. На третьей очереди Циньшаньской АЭС были установлены тяжеловодные канадские реакторы типа «CANDU», на которых в данный момент реализуется проект утилизации китайского отработанного ядерного топлива.

Основные функционирующие на данный момент в Китае реакторы и их характеристики представлены в табл. 1 (составлена автором по материалам экспертного обзора [11, с. 4; 15]).

Таблица 1. Типы эксплуатируемых реакторов в КНР

Реактор	M310	CPR1000 (M310+)	AP1000	EPR	HPR1000 (Hualong-1)	VVER-1200
Разработка	Франция—КНР	КНР	США	Франция + Германия	КНР	РФ
Поколение	II+	II+	III	III	III	III+
Мощность (МВт)	900—950	1000	1115—1150	1550—1750	1090	1200
КПД	32 %	32,9 %	32 %	36—37 %	36,6 %	34 %
Параметры	3-к., устаревшие системы безопасности, недостаточная мощность	2-к., упрощенная конструкция, пассивная система безопасности	4-к., компактный, усиленная система безопасности, сложная конструкция	3-к., отвечает стандартам безопасности, относительно низкая мощность	4-к., усиленная система безопасности	

Очевидно, что франко-германская разработка представляется наиболее производительной и эффективной. Тем не менее сложности установки и эксплуатации данной модели реакторов не позволяют говорить о ее повсеместном внедрении. КНР возлагает большие надежды на находящийся на стадии строительства реактор «Хуалун-2», отвечающий стандартам поколения 3+, но запуск и промышленные испытания запланированы только на 2024 г. В свою очередь, российский водо-водяной реактор ВВЭР-1200 представляет собой более дешевую,

простую в эксплуатации альтернативу. Китайские эксперты также выделяют техническое решение, сочетающее активные и пассивные системы безопасности [11, с. 4].

Сотрудничество РФ и КНР в области мирного атома имеет ряд особенностей, связанных с тем, что, исходя из политики безопасности, ГК «Росатом» не передает ядерные технологии. КНР же стремится по возможности следовать подходу: копирование технологий, их доработка и дальнейшее позиционирование под китайским флагом. Западные корпорации Westinghouse (США) и СЕА (Франция) пошли на условия китайской стороны, в результате чего было развернуто сотрудничество с китайскими контрагентами SPIC и CGN соответственно. Однако КНР были переданы устаревшие технологические решения как в плоскости безопасности, так и по мощности реакторов.

Таким образом, политика КНР в отношении совместного освоения мирного атома с РФ пробуксовывала до аварии в Японии на АЭС «Фукусима-1». После катастрофы КНР пересмотрела требования к системам безопасности эксплуатируемых и строящихся реакторов, которые, согласно новым «Плану средне- и долгосрочного развития атомной энергетики» и «Плану обеспечения безопасности атомной энергетики» на период 2011—2020 гг., должны были соответствовать стандартам для III поколения реакторов [4].

Основная причина возобновления сотрудничества КНР с ГК «Росатом» — отсутствие у КНР собственных реакторов поколения III и III+ на момент введения новых требований. Вынужденный простой в строительстве АЭС, связанный с аудитом безопасности, КНР компенсировала привлечением ГК «Росатом» к строительству 3 и 4 энергоблоков Тяньваньской АЭС, которые были запущены в 2017 и 2018 гг. В 2021 г. успешно прошла заливка первого бетона в фундаментную плиту седьмого и восьмого энергоблока. Кроме того, КНР выделила ГК «Росатом» новую площадку для строительства второй очереди (3 и 4 блоки) — АЭС «Сюйдапу» в провинции Ляонин. Так же, как и в случае Тяньваньской АЭС, работы по сооружению энергоблоков были инициированы в 2021 г. [2]. В 2022 г. на выставке The China International Import Expo (СНПЕ) в Шанхае китайская CNNC в рамках сессии «Атом для будущего» подписала соглашения с ключевыми игроками на рынке ядерных технологий, в том числе и с ГК «Росатом» [13].

Двустороннее сотрудничество не ограничивается энергетической повесткой, но и распространяется на фундаментальные и прикладные исследования. Так, российские специалисты (АО «ОКБМ Африкантов», ОКБ «Гидропресс», АО «НИКИЭТ», НИЦ «Курчатовский институт») были привлечены для разработки опытного образца китайского реактора на быстрых нейтронах CEFR [6]. РФ продолжает содействовать КНР в развитии технологий быстрых реакторов, обеспечивая консультационную поддержку, а также поставку топлива для демонстрационного проекта CFR-600 в соответствии с соглашением между CNLY и АО «ТВЭЛ» (дочерними организациями CNNC и ГК «Росатом» соответственно) [2].

Планомерно развивается сотрудничество на министерском уровне в рамках Дорожной карты на период 2020—25 гг. между Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством науки и технологий КНР, в котором предусматривается сотрудничество Объединенного института ядерных исследований

(ОИЯИ) и китайских ученых в рамках мегапроекта NICA и до приостановки статуса наблюдателя РФ в марте 2022 г. — на базе Европейского центра ядерных исследований [1, с. 8].

Рассматривая связанные с ядерными технологиями перспективные области сотрудничества России и Китая, ключевой представляется судоходство — наличие у РФ единственного в мире атомного ледокольного флота, который обеспечивает постоянное функционирование Северного морского пути. С учетом включения арктического маршрута («Морского шелкового пути на льду») в проект «Морской Шелковый путь XXI века» в рамках инициативы «Пояс и Путь», в целях его реализации представляется необходимым взаимодействие с инфраструктурным оператором арктического коридора ГК «Росатом» и ее предприятием ФГУП «Атомфлот» [2].

Выводы

Таким образом, принципиальная позиция РФ по степени и способу передачи мирных атомных технологий, которую реализует ГК «Росатом» в отношениях с КНР, обеспечивает энергетическую безопасность России с учетом настоящего и перспективного экономического и технологического потенциала партнера. Несмотря на то, что КНР в состоянии полностью обеспечить реализацию задач развития атомной промышленности, приоритет развития отечественных технологий и принцип экономической целесообразности не предполагают отказа от международного сотрудничества и импорта иностранных технологий. Достигнутые КНР успехи в освоении мирного атома, репутация РФ как ведущего специалиста в отрасли и ответственного поставщика позволяют говорить о развитии и углублении сотрудничества, в том числе и в области совместных научных исследований и технологических разработок.

Список литературы / References

1. Дорожная карта российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020—2025 годов // Документы, 2020. 15 с. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/d8c/vfjupwjwbdy5e746blwqwnp7b2v8caeh.pdf> (дата обращения: 20.06.2023). (In Russ.)

Dorozhnaia karta rossiisko-kitaiskogo sotrudnichestva v oblasti nauki, tekhnologii i innovatsii na period 2020—2025 godov [Roadmap for cooperation between Russia and China in science, technology and innovations 2020—2025]. Documents, 2020. 15 p. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/d8c/vfjupwjwbdy5e746blwqwnp7b2v8caeh.pdf> (accessed: June 20, 2023). (In Russ.)

2. Официальный сайт ГК «Росатом». URL: <https://www.rosatom.ru/index.html> (дата обращения: 11.06.2023).

ROSATOM Website. URL: <https://rosatom.ru/index.html> (accessed: June 11, 2023). (In Russ.)

3. Гоминь цзинцзи фачжань гуйхуа чжун дэ хэдянь чжэнцэ яньбянь личэн [Эволюция политики в области ядерной энергетики в плане национального экономического развития] // Сайт Китайской национальной ядерной корпорации. URL: <https://www.cnnpn.cn/article/26977.html> (дата обращения: 16.06.2023). (На кит.)

Guominjingji fazhang zhongdi hedian zhengce yanbian licheng [Transformation of the nuclear energy policy within the national economic development plan]. China National Nuclear Corporation Website. URL: <https://www.cnnpn.cn/article/26977.html> (accessed: June 16, 2023). (In Chinese)

4. Гоуюань чану хуэйи таолунь тунго “нэнюань “шиэру” гуйхуа”, “хэдянь аньцюань гуйхуа (2011—2020 нянь)” хэ “хэдянь чжунчанци фачжань гуйхуа (2011—2020 нянь)” [На очередном заседании Госсовет обсудил и принял “12 пятилетний план развития энергетики”, “Плану обеспечения безопасности атомной энергетики (2011—2020 гг.)” и “Плану средне- и долгосрочного развития атомной энергетики (2011—2020 гг.)”] // Чжунго хуаньцзин юй фачжань гоцзи хэцзо вэйюаньхуэй [Китайская комиссия международного сотрудничества по делам окружающей среды и развития]. URL: http://www.cciced.net/xwzx/hfyw/201211/t20121101_83075.html (дата обращения: 16.06.2023). (На кит.)

Guowuyuan changwu huiyi taolun tongguo “nengyuan “shierwu” guihua”, “hedian anquan guihua (2011—2020 nian)” he “hedian zhongchangqi fazhan guihua (2011—2020 nian)” [State Council executive meeting discussed and passed “The Twelfth Five Year Plan for energy”, “Plan for nuclear safety (2011—2020)” and “Mid- and Long-term nuclear energy development plan (2011—2020)”]. Zhongguo huanjing yu fazhan guoji hezuo weiyuanhui [China Council for International Cooperation on Environment and Development]. URL: http://www.cciced.net/xwzx/hfyw/201211/t20121101_83075.html (accessed: June 16, 2023) (In Chinese).

5. 2021 нянь чжунго хэдянь ханефачжань хуэйгу цзи “шисыу” фачжаньцюйши: кэцзи цзычжу схуансинь нэнли чжубу, аньцюань цзяньгуань цзиньйibu цзяда, фачжань кунцзянь гуанко [ту] [Обзор атомной энергетики Китая за 2021 г. и тенденции развития в рамках “14-й пятилетки”]: постепенно растет собственный инновационный потенциал науки и технологий, усиливается контроль за безопасностью, расширяется поле для развития [рисунок] // Чжиянь консалтинг. URL: <https://www.chyxx.com/industry/202202/995650.html> (дата обращения: 14.06.2023). (На кит.)

2021 nian zhongguo hedian hangyefazhan huigu ji “shisiwu” fazhanqushi: keji jizhu chuangxin nengli zhubu, znquan jianguan jinyibu jiada, fazhan kongjian guangkuo [tu] [Review of China’s nuclear energy and development trends during the “14th Five-Year Plan”: gradually increasing independent innovation capability, further strengthened safety supervision, broadened space for development [illustration]]. Zhiyan Consulting. URL: <https://www.chyxx.com/industry/202202/995650.html> (accessed: June 14, 2023). (In Chinese).

6. Цун вэй “ли цюй” дэ куай дуй [Не теряющий актуальности реактор на быстрых нейтронах] // Сайт Китайской национальной ядерной корпорации. URL: <https://www.cnnpn.cn/article/33968.html> (дата обращения: 20.06.2023). (На кит.)

Congwei “liqu” de kuai dui [Ever-present fast-neutron reactor]. China National Nuclear Corporation Website. URL: <https://www.cnnpn.cn/article/33968.html> (accessed: June 20, 2023). (In Chinese).

7. Цюаньго хэдянь юньсин цинкуан (2021 нянь 1—12 юэ) [Состояние ядерной энергетики в стране (2021 г.)] // Ядерно-энергетическая ассоциация Китая. URL: <https://www.china-nea.cn/site/content/42324.html> (дата обращения: 12.06.2023). (На кит.)

Quanguo hedian yunxing qingkuang (2021 nian 1—12 yue) [State of nuclear energy nationwide (2021)]. China Nuclear Energy Association. URL: <https://www.cnnpn.cn/article/28707.html> (accessed: June 12, 2023) (In Chinese).

8. Чжан Цзиньдай. Вого хэдянь фачжань дэ ю цзыюань чжичэн нэнли [Обеспеченность ураном для развития ядерной энергетики Китая] // Вого хэнэн фачжань де цзай яньтао [Очередной симпозиум по развитию атомной энергетики КНР]. Пекин: Higher Education Press, 2013. С. 43—47. (На кит.)

Zhang Jindai. Woguo hedian fazhan de you ziyuan zhicheng nengli [Uranium supply for the development of China’s nuclear energy]. Woguo heneng fazhan de zai yantao [Another symposium on

the development of China's nuclear energy]. Beijing, Higher Education Press Publ., 2013, pp. 43—47. (In Chinese)

9. Чжуаньцзя юйцзи вэйлай у няньчжун го цзян баочи мэинянь 6—8 тай хэдянь цзицзу хэчжунь кайгун цзе [Эксперты прогнозируют, что Китай будет ежегодно вводить в эксплуатацию 6—8 энергоблоков] // Чжунго нэнюань синьвэнь ван [Новостная сеть Китайская энергетика]. URL: https://www.cpnw.com.cn/news/hy/202211/t20221103_1565328.html (дата обращения: 12.06.2023). (На кит.)

Zhuanjia yuji weilai wu nianzhong guo jiang baochi meinian 6—8 tai hedian jizu hezhun kaigong jie [Experts suggest that China will put into operation 6—8 reactors per year]. Zhongguo nengyuan xinwenwang [China energy news]. URL: https://www.cpnw.com.cn/news/hy/202211/t20221103_1565328.html (accessed: June 12, 2023). (In Chinese).

10. Чжунго кайши лянчань хуалун и хао хэдянь цзицзуки [Китай начал массовое производство реактора Хуалун-1] // Тайчжан. URL: <https://taizhang.org/%E6%B6%88%E6%81%AF/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%BC%80%E5%A7%8B%E9%87%8F%E4%BA%A7%E5%8D%8E%E9%BE%99%E4%B8%80%E5%8F%B7%E6%A0%B8%E7%94%B5%E6%9C%BA%E7%BB%84/> (дата обращения: 16.06.2023). (На кит.)

Zhongguo kaishi liangchan hualong yihao hedian jizu [China started mass producing Hualong-1 power reactors]. Taizhang News Agency. URL: <https://taizhang.org/%E6%B6%88%E6%81%AF/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%BC%80%E5%A7%8B%E9%87%8F%E4%BA%A7%E5%8D%8E%E9%BE%99%E4%B8%80%E5%8F%B7%E6%A0%B8%E7%94%B5%E6%9C%BA%E7%BB%84/> (accessed: June 16, 2023). (In Chinese).

11. Чжунго хэнэн дяньли гуфэн юсянь гунсы 2022 нянь няньду баогао [Годовой отчет за 2022 г. Китайской национальной ядерной корпорации] // Китайская национальная ядерная корпорация, 2022. 328 с. URL: http://www.sse.com.cn/disclosure/bond/announcement/company/c/new/2023-04-28/175096_20230428_Q4EK.pdf (дата обращения: 12.06.2023). (На кит.)

Zhongguo heneng dianli gufen youxiang gongsi 2022 nian niandu baogao [China Nuclear Energy Corporation 2022 Annual Report]. China National Nuclear Corporation, 2022. 328 p. URL: http://www.sse.com.cn/disclosure/bond/announcement/company/c/new/2023-04-28/175096_20230428_Q4EK.pdf (accessed: June 12, 2023). (In Chinese).

12. «Чжунго хэнэн фачжань баогао 2023»: чжунго хэдянь аньцюань юньсин ецзи чистой баочи гоцзи сяньцзинь шуйпин [«Отчет о развитии ядерной энергетике КНР 2023»: безопасное функционирование ядерной энергетике КНР неизменно соответствует высоким международным стандартам] // Чжунго синьвэнь ван [Портал Китайской новостной службы]. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2023/04-26/9997251.shtml> (дата обращения: 12.06.2023). (На кит.)

«Zhongguo heneng fazhan baogao 2023»: zhongguo hedian Anquan yunxing yeji chixu baochi guoji xianjin shuiping [«China Nuclear Energy Development Report 2023»: safe operation of China's nuclear power remains conformable to high international standards]. China News Service. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2023/04-26/9997251.shtml> (accessed: June 12, 2023). (In Chinese).

13. Чжун хэцзитуань се цюанью хобань гуни “хэ чуан вэйлай” бин цяньшу 8 сянь цайгоу хэ-тун [Китайская национальная ядерная корпорация и ее партнеры по всему миру обсудили тему “атом для будущего” и подписали 8 соглашений о поставках] // Чжунго хэ гуне цзитуань юсянь гунсы [Китайская национальная ядерная корпорация]. URL: <https://www.cnncc.com.cn/cnnc/xwzx65/zhyw0/1271448/index.html> (дата обращения: 20.06.2023). (На кит.)

Zhong hejitian xie quanqiu huoban gongyi “he chuang weilai” bing qianshu 8 xiang caigou hetong [CNNC and its global partners discussed “atoms for the future” agenda and signed 8 purchase agreements]. Zhongguo hegongye jitian youxiang gongsi [China National Nuclear Corporation]. URL: https://en.cnncc.com.cn/2022-11/08/c_828898.htm (accessed: 20.05.2023). (In Chinese)

14. China Statistical Yearbook 2022 // National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm> (дата обращения: 11.06.2023). (In Chinese)

15. Kadas Andrew. A comparison of advanced nuclear technologies. Columbia: SIPA — Center on Global Energy Policy, 2017. 112 p.

16. Nuclear Power in China // World Nuclear Association. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 11.06.2023). (In Chinese)

17. Statement by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the General Debate of the 75th Session of The United Nations General Assembly // China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202009/23/WS5f6a640ba31024ad0ba7b1e7.html> (дата обращения: 11.06.2023). (In Chinese)

Поступила в редакцию (Received): 25.06.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.07.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.07.2023.

Ю.А. Кузнецова, О.А. Балабейкина

Некоторые правовые аспекты пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Японии)

Аннотация. Цель работы заключается в анализе составляющих социальной политики стран Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Японии), правовых норм и реальных практик, связанных с пенсионным обеспечением трудовых мигрантов, и выявлении проблем, которые возникают в этой сфере. В последнее время развитие социальной защиты рабочих-мигрантов стало приоритетом для правительства Японии. Авторы обращают внимание на проблему стареющего населения и низкой рождаемости в Японии, которая приводит к нехватке рабочей силы и угрожает экономической стабильности страны. Основное внимание уделяется современной трудовой миграционной политике страны, принятой с целью привлечения иностранной рабочей силы, особенно из стран Юго-Восточной Азии со схожим с японским населением этнокультурным составом для лучшей интеграции в общество и рабочую среду Японии. Рассматриваются основные правовые нормы и положения, регулирующие пенсионную систему для мигрантов в Японии. Особое внимание уделяется рассмотрению проблем, связанных с недостаточной информированностью мигрантов о правах и возможностях получения пенсии, а также сложностями в процессе получения пенсионных выплат. Выявлены основные правовые проблемы пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в Японии и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Предлагается ряд рекомендаций, направленных на улучшение пенсионного обеспечения для трудовых мигрантов в Японии. Эти рекомендации включают в себя повышение информированности мигрантов о доступных им правах и возможностях в социальной пенсионной сфере, защиту прав мигрантов на государственном уровне, а также улучшение процедур получения пенсионных выплат. Решение этих правовых проблем поможет создать более справедливую и устойчивую систему пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в Японии.

Ключевые слова: социальная политика, пенсионное обеспечение, трудовые мигранты, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Япония.

Авторы: Кузнецова Юлия Антоновна, бакалавр Зарубежного регионоведения, студент магистратуры, Факультет международных отношений, Санкт-Петербург-

ский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0001-5818-2714. E-mail: julieak@yandex.ru

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент, Кафедра региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0001-9520-8880. E-mail: olga8011@yandex.ru

Для цитирования: Кузнецова Ю.А., Балабейкина О.А. Некоторые правовые аспекты пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в странах Азиатско-Тихоокеанского Региона (на примере Японии) // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 69—81. DOI: 10.48647/ICCA.2023.51.42.007.

Kuznetsova Y.A., Balabeikina O.A.

Some legal aspects of pension provision for labour migrants in the Asia-Pacific Region Countries (on the example of Japan)

Abstract. The aim of this work is to analyze the components of social policies in Asian-Pacific countries (using Japan as an example), the legal norms and actual practices related to pension provision for migrant workers, and to identify the problems that arise in this sphere. Recently, the development of social protection for migrant workers has become a priority for the Japanese government. The authors draw attention to the issue of an aging population and low birth rates in Japan, which leads to a shortage of labor force and threatens the country's economic stability. The main focus is on the country's contemporary labor migration policy, aimed at attracting foreign workers, particularly from Southeast Asian countries with similar ethnic and cultural composition to Japan, for better integration into Japanese society and the workforce. The main legal norms and provisions that regulate the pension system for migrants in Japan are considered. Special attention is given to the issues related to migrants' lack of awareness of their rights and possibilities for obtaining a pension, as well as difficulties in the process of receiving pension payments. The main legal problems related to the pension provision for migrant workers in Japan and other Asian-Pacific countries are identified. A number of recommendations are proposed to improve pension provision for migrant workers in Japan. These recommendations also include raising migrants' awareness of their available rights and possibilities in the social pension sphere, protecting migrants' rights at the state level, and improving the procedures for receiving pension payments. Solving these legal problems will help create a fairer and more sustainable system of pension provision for migrant workers in Japan.

Keywords: social politics, pension provision, labor migrants, countries of the Asia-Pacific region, Japan.

Authors: *Kuznetsova Yulia Antonovna*, Bachelor of Foreign Regional Studies, master student, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. ORCID: 0000-0001-5818-2714. E-mail: julieak@yandex.ru

Balabeikina Olga Aleksandrovna, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia. ORCID: 0000-0001-9520-8880. E-mail: olga8011@yandex.ru

For citation: Kuznetsova Y. A., Balabeikina O. A. Some legal aspects of pension provision for labour migrants in the Asia-Pacific Region Countries (on the example of Japan). *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 69—81 (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.51.42.007.

Введение

Одним из наиболее существенных индикаторов современного этапа глобализации выступает международная миграция. Во многом она связана с поиском людьми нового места работы и занятости на более выгодных, чем в стране первоначального проживания, условиях. Прежде всего, этот вид миграции стимулируют диспропорции в социальных, экономических и демографических показателях, фиксируемых на национальном уровне. Потоки рабочей силы устремляются в страны, где на рынке труда на нее предъявляется высокий платежеспособный спрос и обеспечиваются условия социальной защиты.

Одним из регионов мира, где трудовая миграция приобретает все большую социальную и экономическую значимость, можно назвать Азиатско-Тихоокеанский. При этом для одних входящих в него стран характерен отток, а для других — приток рабочей силы. Но и то и другое вызывает определенные социально-экономические проблемы в странах-получателях и в странах-отправителях.

Одним из ключевых вопросов, требующих конструктивного решения и закрепления на правовом уровне, выступает разработка и реализация системы социальных гарантий для трудовых мигрантов. Отдельной серьезной проблемой становится пенсионное обеспечение названной категории лиц, занятых в экономике. В этом плане интересен для рассмотрения кейс Японии — страны, которая сравнительно недавно (в 2018 г.) взяла уверенный курс на привлечение трудовых мигрантов, и где на правовом уровне уделяется существенное внимание обозначенной проблеме.

Для России, где поднятый вопрос также актуален, пример Японии в какой-то мере может послужить аналоговой базой для разработки собственной правовой социальной концепции [2].

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования послужили данные, которые содержатся на доступных статистических порталах, таких как Министерство внутренних дел и коммуникаций, Национальный институт исследований населения и социального обеспечения. Они были обработаны с помощью традиционных методов анализа и синтеза информации, систематизации теоретического материала.

Информационной базой исследования послужили данные отчетных публикаций об исследовании прав на социальное обеспечение мигрантов между государствами — членами АСЕАН, о Международных трудовых нормах о правах трудящихся-мигрантов. Использовались также сведения, размещенные на официальных интернет-порталах Международной организации труда (МОТ), Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии, Белой книги Японии по иммиграционному контролю, Министерства иностранных дел Японии.

Степень разработанности темы, связанной с социальным обеспечением трудовых мигрантов в целом и пенсионным в частности, не очень высока, но отдельные работы, представляющие собой теоретическую базу настоящей статьи, в оте-

ественном научном обороте имеются. На примере стран ЕС и ЕАЭС данный вопрос рассматривался М.И. Акатновой [1], Е. Шестаковой и соавторами [8] и др.

Полноценное освещение заявленной тематики обязательно предполагает привлечение работ, содержание которых отражает связь миграционной политики и демографической ситуации в Японии [6], системы социального обеспечения в целом [4] и структуры рынка труда в стране [3]. Япония также выступала в качестве полигона исследования, связанного с реформой законодательства о трудовых мигрантах, в статьях иностранных специалистов. В частности, данный вопрос рассматривала Дебора Милли (Deborah J. Milly) [11].

При том что тема социального (пенсионного) обеспечения трудовых мигрантов в Японии, как и смежные с нею вопросы, вызывает интерес отечественных и зарубежных авторов, исследования, в котором она раскрывалась бы в полной мере, обнаружить не удалось.

Результаты

Приступая непосредственно к содержательной части исследования, в первую очередь следует обратиться к ключевому понятию, на которое предстоит опираться. Речь идет о трудовых мигрантах. Согласно Конвенции Международной организации труда, трудовой мигрант — это лицо, которое мигрирует или мигрировало из одной страны в другую с целью получения работы. Данное определение касается также любого лица, законно въехавшего в страну в качестве трудового ресурса. Однако его содержание не подразумевает считать трудовыми мигрантами пограничных и сезонных рабочих, лиц свободных профессий и некоторые другие категории [7].

Международная трудовая миграция — важный компонент развития многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Но быстрое распространение миграционных процессов привело к миграционной политике, которая иногда носит реактивный характер, а не интегрируется в общие стратегии развития. Как следствие, возникают серьезные проблемы в обеспечении безопасной, упорядоченной и легальной миграции, особенно в отношении прав трудовых мигрантов.

С целью урегулирования этого вопроса мировое сообщество приняло всеобъемлющую нормативную основу для международной трудовой миграции, включая Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, многочисленные конвенции и рекомендации Международной организации труда, не имеющие обязательной силы основы, а также декларации субрегиональных межправительственных организаций. Кроме того, существуют международные соглашения о социальном обеспечении, которые могут регулировать пенсионное обеспечение для трудовых мигрантов. Например, штаты Ассоциации наций Юго-Восточной Азии (ASEAN) подписали Соглашение об обеспечении социального обслуживания, которое включает в себя меры пенсионного обеспечения для мигрантов [23, с. 33].

Однако остается ряд политических задач, включая эффективную защиту прав трудящихся-мигрантов, ограничение незаконной миграции и разработку

региональных или субрегиональных инструментов и программ для облегчения управления трудовой миграцией.

Трудовая миграция становится все более постоянной чертой современных рынков труда. В последние десятилетия миграционные потоки в Азиатско-Тихоокеанском регионе значительно увеличились из-за глобализации и экономического развития. Растущее неравенство между странами и внутри них добавило стимул — а в некоторых случаях создало необходимость — для людей исследовать экономические возможности за рубежом. Различные страны испытывают различные потребности рынка труда. Соответственно, одной из задач социального диалога в Азиатско-Тихоокеанском обществе является поиск оптимального сочетания национальной и иностранной рабочей силы. В связи с этим данный регион стал привлекательным местом для трудовых мигрантов из-за высокого спроса на низкоквалифицированную рабочую силу.

Пенсионное обеспечение для трудовых мигрантов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона может различаться в зависимости от страны пребывания и статуса мигранта. В некоторых странах, таких как Япония и Сингапур, мигранты обязаны участвовать в национальных пенсионных системах и вносить пенсионные взносы наравне с гражданами страны. В таких случаях мигранты имеют возможность получать пенсию по достижении законодательно установленного возраста. Некоторые страны также заключают двусторонние соглашения о социальном обеспечении с другими государствами, чтобы предоставить возможности для пенсионного обеспечения трудовых мигрантов. Например, Филиппины имеют соглашения с несколькими партнерами, включая Канаду, Германию и Швейцарию [21], которые позволяют филиппинским мигрантам получать пенсию в своей стране на основе взносов, уплаченных ими там, где фиксировалась трудовая занятость. В Китае пенсионное обеспечение для мигрантов слабо развито, и они могут полагаться на пенсионное обеспечение из своей родной страны в случае, если такие программы предусмотрены [10].

В условиях возрастания потоков трудовой миграции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона стала очевидной потребность в координации государственных усилий для обеспечения гарантий прав человека в области социального обеспечения, в том числе пенсионного.

К трудящимся-мигрантам не следует относиться менее благосклонно, чем к гражданам страны, в отношении распределения размера пособий по социальному обеспечению. Такие условия, как требования к месту жительства, могут быть установлены в той же мере, в какой они применяются к гражданам. Исключения допустимы только в отношении пособий, выплачиваемых исключительно из государственных фондов, и пособий, выплачиваемых лицам, не удовлетворяющим условиям, необходимым для нормальной пенсии. Пособия должны в основном следовать за трудящимися-мигрантами, где бы они ни проживали. Однако для того, чтобы это стало возможным, страны должны сотрудничать в целях приведения своих национальных систем социального обеспечения в соответствие с конкретными стандартами МОТ. Трудящиеся-мигранты должны иметь возможность претендовать на получение пособий по социальному обеспечению на тех же условиях, что и граждане государства [13].

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в расширении охвата социального обеспечения трудящихся-мигрантов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и их значительную роль в его экономическом развитии, трудовые мигранты часто сталкиваются с различными правовыми проблемами в отношении своего пенсионного обеспечения.

Одной из основных проблем является отсутствие универсальных правовых норм, регулирующих пенсионное обеспечение для них. Каждая страна имеет свою систему пенсионного обеспечения с различными правилами и условиями исполнения, что создает правовую неопределенность и затрудняет доступ трудовых мигрантов к социальной защите. Также трудовые мигранты часто сталкиваются с ограниченным доступом к пенсионным программам в стране, где они работают. Это может быть связано с требованиями о наличии гражданства или резидентства, необходимыми для участия в пенсионных программах. Такие ограничения создают дополнительные трудности для трудовых мигрантов в получении пенсионных пособий.

Трудовые мигранты также часто сталкиваются с нарушением правил пенсионного обеспечения со стороны работодателей, некоторые из которых могут игнорировать требование об отчислениях денежных средств в пенсионные программы или не предоставлять необходимую информацию о пенсионном обеспечении, что приводит к полной или частичной потере пенсионных накоплений для трудовых мигрантов.

Еще одной проблемой является занятость трудовых мигрантов в секторах экономики, не охваченных социальным обеспечением, таких как работа на дому или на малых предприятиях, освобожденных от предоставления социальной защиты своим работникам. Социальная защита часто предоставляется через отдельные схемы, которые предлагают меньшие блага и льготы, чем те, которые доступны для национальных рабочих. Трудящиеся-мигранты также не всегда могут соответствовать критериям для получения долгосрочных пособий, таких как пенсия согласно возрастной категории. Это дополнительно усугубляется административными барьерами и ограниченным временем, в течение которого трудящиеся-мигранты должны требовать и оформлять пособия по социальному обеспечению после увольнения [12].

Одной из стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в которой развитие социальной защиты рабочих-мигрантов, в том числе пенсионной, стало приоритетом для правительства государства, является Япония.

Последние десятилетия Япония переживает резкое ухудшение демографической ситуации внутри страны в связи со сложившимся социально-демографическим кризисом (табл. 1).

Обращение к статистическим данным дает возможность сделать некоторые выводы. Со второй половины XX века и вплоть до 2010-х гг. XXI века наблюдался рост численности населения Японии, за которым последовало его снижение. В начале 1960-х гг. население Японии составляло около 94 млн человек. Однако вследствие высокой рождаемости, улучшения качества медицинской помощи, увеличения продолжительности жизни, численность населения страны начала стремительно расти. К 1970 г. она уже составляла 104 млн человек. Но с начала

Таблица 1. Динамика численности и возрастной структуры населения Японии (1960—2022 гг.)

Год	Численность населения (млн чел.)	Число родившихся (млн чел.)	Число умерших (млн чел.)	Прирост населения (%)	Возрастной состав (%)		
					0—14 лет	15—64 лет	65 лет и старше
1960	94,302	1,606	0,707	0,97	30,2	64,1	5,7
1965	99,209	1,823	0,700	1,06	25,7	68,0	6,3
1970	104,665	1,934	0,713	1,36	24,0	68,9	7,1
1975	111,940	1,901	0,702	1,31	24,3	67,7	7,9
1980	117,060	1,576	0,723	0,83	23,5	67,4	9,1
1985	121,049	1,431	0,752	0,60	21,5	68,2	10,3
1990	123,611	1,222	0,820	0,37	18,2	69,7	12,1
1995	125,570	1,187	0,922	0,26	16,0	69,5	14,6
2000	126,926	1,191	0,962	0,16	14,6	68,1	17,4
2005	127,768	1,062	1,084	0,10	13,8	66,1	20,2
2010	128,057	1,071	1,197	0,00	13,2	63,8	23,0
2015	127,095	1,006	1,291	-0,13	12,6	60,9	26,6
2020	126,146	0,841	1,373	-0,29	11,9	59,5	28,6
2022	125,260	0,799	1,266	-0,12	11,8	59,4	28,9

Источник: [22; 19].

1980-х гг. начался процесс постепенной убыли населения страны, что связано с понижением уровня рождаемости, ростом смертности и увеличением средней продолжительности жизни. В 1960 г. число родившихся достигло более 1,6 млн человек, к 1980 г. оно уменьшилось до 1,5 млн человек, а в 2020-х гг. его значение опустилось до рекордно низкого числа — 800 тыс. человек [22]. В динамике фиксируется естественная убыль населения при увеличении средней продолжительности жизни. Это означает, что доля пожилого населения в общей численности населения страны растет, а доля детей и молодых людей снижается. Сейчас в Японии около 28 % населения составляют люди в возрасте 65 лет и старше [19]. Этот показатель — один из самых высоких в мире, и по прогнозам ситуация будет только усугубляться (табл. 2).

Таблица 2. Прогноз численности и возрастной структуры населения Японии (до 2060 г.)

Год	Численность населения (млн чел.)	Возрастной состав (%)		
		0—14 лет	15—64 лет	65 лет и старше
2030	119,125	11,1	57,7	31,2
2040	110,919	10,8	53,9	35,4
2050	101,923	10,6	51,8	37,7
2060	92,840	10,2	51,6	38,1

Источник: [19].

Согласно прогнозам Японского статистического бюро [19], численность населения Японии будет продолжать сокращаться в течение следующих десятилетий. Ожидается, что к 2030 г. население сократится до примерно 119 млн человек, а к 2060 г. — до 92 млн человек. Доля пожилого населения в общей численности населения страны к 2030 г. вырастет до 31 %, к 2060 г. — до 38 %, а доля детей и молодых людей за этот период снизится с 11 % до 10 % [19]. Демографическое старение населения Японии влечет за собой ряд вызовов для социально-экономического развития страны. Обозначенные тенденции порождают проблемы дефицита рабочей силы, снижения экономического потенциала, роста затрат на социальное обеспечение.

В последние годы, когда Япония столкнулась с демографическим кризисом, вызванным низкой рождаемостью и старением населения, были приняты меры по дальнейшему усилению практик привлечения трудовых мигрантов для заполнения пустующих рабочих мест [18]. Ранее Япония была известна своей строгой иммиграционной политикой и существенно ограничивала доступ иностранных работников на свой рынок труда. Однако угроза демографического упадка и нехватка рабочей силы побудили японское правительство пересмотреть данную политику [9].

В 2018 г. в Японии был принят закон о проведении пятилетней программы по планированию приезда иностранной рабочей силы для поддержки развития экономики Японии. Цель программы заключается в привлечении иностранных работников, особенно из стран Юго-Восточной Азии — Вьетнама, Индонезии и Филиппин, которые имеют схожий этнокультурный состав с японским населением и могут легче интегрироваться в общество и рабочую среду Японии [6], для заполнения дефицита рабочей силы.

Таблица 3. Динамика численности проживающих в Японии мигрантов (2017—2021) по странам происхождения (тыс. человек)

Страна	2017	2018	2019	2020	2021
КНР	730	764	813	778	716
Вьетнам	262	330	411	448	432
Республика Корея	450	449	446	426	409
Филиппины	260	271	282	279	276
Индонезия	49	56	66	66	59
Тайвань	56	60	64	55	51
Таиланд	50	52	54	53	50
Другие страны	699	742	790	776	762
Всего	2561	2731	2933	2887	2760

Источник: [18].

Анализируя динамику численности проживающих в Японии мигрантов в период с 2017 по 2021 г. по странам происхождения (табл. 3), можно прийти к выводу, что за этот период численность иностранных граждан из Восточной Азии в

Японии увеличилось с более 2,5 млн человек до почти 3 млн человек. Активный прирост мигрантов наблюдается начиная с 2018 г., когда правительство Японии поставило перед собой цель привлечения иностранных работников. Небольшое сокращение численности мигрантов с 2,9 млн до 2,7 млн человек наблюдалось в период пандемии COVID-19. В целом, за последние несколько лет динамика численности мигрантов на территории Японии является положительной. Таким образом, благодаря частичному ослаблению миграционных правил для иностранцев Япония постепенно становится более привлекательной для работы в глазах иностранных граждан.

В декабре 2018 г. парламент утвердил новый вид на жительство для готовых к работе иностранцев с опытом трудовой деятельности в отраслях, требующих большего количества занятых. Это строительство, сельское хозяйство и промышленность [9]. В 2019 г. Япония начала отменять существовавшее десятилетиями различие в своем миграционном режиме между низкоквалифицированной работой и высококвалифицированной профессиональной занятостью, надеясь в течение пяти лет привлечь до 350 000 иностранных рабочих средней квалификации, чтобы заполнить пробелы на рынке труда в быстро стареющем обществе [20]. Для роста трудовой миграции и обеспечения лучшей поддержки интеграции для мигрантов, как постоянных, так и временных, были созданы две категории рабочих виз для специалистов: Specified Skilled Worker 1 (SSW1) и Specified Skilled Worker 2 (SSW2) [16].

Программа SSW1 предусматривает максимальное совокупное пребывание в стране на срок в пять лет при условии регулярного продления краткосрочного разрешения. Она не позволяет работнику привозить с собой членов семьи, но дает им свободу в выборе (смене) работодателей.

Программа SSW2 позволяет рабочим неограниченно продлевать визу, так как дает возможность получателю данной визы привезти супруга/у и детей, но не родителей или других родственников [11]. В 2020 г. правительство Японии заключило соглашения с 12 азиатскими странами (Филиппины, Камбоджа, Непал, Мьянма, Монголия, Шри-Ланка, Индонезия, Вьетнам, Бангладеш, Узбекистан, Пакистан, Таиланд), имеющими право на отправку своих рабочих [11], с целью облегчения привлечения иностранных работников из этих стран.

Вышеупомянутые социальные реформы проводятся с целью преодоления демографических проблем, связанных с тенденцией старения населения и низким уровнем рождаемости. Они также направлены на укрепление экономики и удовлетворение потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах. Однако проводимые в стране реформы и принимаемые меры часто сталкиваются с определенными правовыми и социальными препятствиями, в частности с пенсионным обеспечением [9].

В целом, Япония придерживается принципа равенства и справедливости при организации пенсионного обеспечения для трудовых мигрантов, предоставляя им права и гарантии, схожие с правами японских граждан в этой области. Учитывая тот факт, что существует международный спрос на равное применение социального обеспечения для людей всех национальностей, следует понимать, что даже если человек является иностранным работником в Японии, ему необходи-

мо оформить медицинское и пенсионное страхование. Лица, соответствующие определенным требованиям социального обеспечения, могут получать пенсионные пособия даже после возвращения в свою страну. Пособия по инвалидности и по случаю потери кормильца должны выплачиваться в рамках пенсионной системы, и нецелесообразно исключать из нее тех иностранных граждан, чей период проживания в Японии не удовлетворяет определенным требованиям для получения пенсии [15].

Кроме того, когда иностранные граждане, которые были застрахованы на полгода и более, возвращаются в свои страны, им предоставляется единовременная выплата при выходе из пенсионного плана. Она составляет половину страховых выплат, но в качестве верхнего предела установлена сумма выплат за три года. Кроме того, чтобы предотвратить избыточность пенсионных систем разных стран, Япония заключила соглашения о социальном обеспечении, которые предусматривают координацию пенсионных прав и в соответствии с которыми период зачисления в пенсионный план страны-контрагента по соглашению квалифицируется как участие в пенсионном плане своей страны в течение того же периода. Такие соглашения заключены с Германией, Великобританией, США, Южной Кореей, Францией, Бельгией, Канадой, Австралией, Нидерландами и Чехией [6]. Но, несмотря на равное применение социального обеспечения для людей всех национальностей, положение трудовых мигрантов в Японии относительно их пенсионного обеспечения зачастую вызывает определенные правовые проблемы.

Одной из проблем является требование о необходимости проживания в Японии в течение определенного периода времени для получения пенсии. Трудовым мигрантам, особенно временным работникам, может быть затруднительно выполнить это требование из-за нестабильности их пребывания в стране. В Японии существуют две основные системы пенсионного обеспечения — государственная и частная. Государственная пенсионная система является универсальной и покрывает всех граждан Японии, включая трудовых мигрантов. Однако для доступа к ней мигранты должны удовлетворять определенным условиям, в частности, таким, как проживание в Японии более пяти лет, поскольку многие трудовые мигранты в Японии имеют временный статус пребывания и покидают страну через некоторое время. Это создает сложности в получении полных пенсионных прав, так как большинство программ требует минимального количества лет пребывания в стране [15].

Другая проблема связана с отсутствием возможности переноса накопленного стажа работы в другую страну при возвращении на родину. Это означает, что трудовые мигранты могут потерять право на пенсию, которую они заработали в Японии, поскольку система пенсионного обеспечения имеет различия в зависимости от страны происхождения.

Также существует проблема недостаточного информирования трудовых мигрантов об их правах и возможностях получения пенсии. Из-за языкового барьера и недоступности информации многие мигранты не знают о существующих программах и схемах пенсионного обеспечения. В связи с этим трудовые мигранты часто сталкиваются с дискриминацией, когда речь идет о получении пен-

сионных выплат. Некоторые компании отказывают в выплате пенсионных взносов для мигрантов, что нарушает их права и создает неравное положение [5].

Для решения этих правовых проблем в Японии принимаются определенные меры, такие как улучшение в предоставлении информации для трудовых мигрантов об их правах, более эффективная защита прав мигрантов на государственном уровне для обеспечения им справедливого пенсионного обеспечения. Также стоит рассмотреть возможность переноса накопленного стажа работы в Японии в другую страну, чтобы трудовые мигранты не потеряли свои пенсионные накопления при возвращении на родину.

Одним из позитивных шагов в решении этих проблем было создание Японской ассоциации поддержки иностранных работников, обеспечивающей консультации по вопросам пенсионного обеспечения и других социальных вопросов. Такие ассоциации оказывают помощь иностранным работникам в получении информации, предоставляют переводчиков и оказывают правовую поддержку при разрешении споров [5].

С недавних пор компания Lightworks, занимающаяся системами управления персоналом, запустила онлайн-сервис, который позволяет бывшим иностранным работникам в Японии подавать заявки из-за границы на возмещение платежей, которые они сделали в программы социального страхования во время работы на территории Японии [14].

Выводы

В условиях возрастания потоков трудовой миграции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона стала очевидной потребность в координации государственных усилий для обеспечения гарантий прав человека в области социального обеспечения, в том числе пенсионного. Поскольку доступ рабочих-мигрантов к социальной защите в данном регионе сопряжен со многими проблемами. Международная миграция в регионе — процесс весьма сложный и запутанный, что требует разработки комплексных стратегий, направленных на обеспечение законности в этом процессе, в том числе в сфере социального пенсионного обеспечения. Особенно четко это заметно на примере Японии. Демографическое старение населения Японии создает ряд вызовов для страны. Увеличивающаяся доля пожилого населения означает увеличение нагрузки на социальную систему, включая пенсионное страхование и здравоохранение. Также возникают проблемы с трудовым рынком, так как снижение числа работающих людей и увеличение числа пенсионеров приводит к экономическим трудностям. Для решения этих проблем Япония приняла меры по дальнейшему усилению практик привлечения трудовых мигрантов для заполнения пустующих рабочих мест. Несмотря на то, что Япония имеет достаточно развитую систему пенсионного обеспечения, трудовые мигранты часто сталкиваются с некоторыми правовыми проблемами в этой области, что требует дальнейшего улучшения и адаптации, чтобы обеспечить равные возможности и справедливую систему для всех работников. Решение этих правовых проблем поможет создать более справедливую и устойчивую систему пенсионного обеспечения трудовых мигрантов в Японии.

Список литературы / References

1. Акатнова М.И. Сохранение права на пенсионного обеспечение трудящихся государств — членов ЕАЭС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11(63). С. 152—158. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.63.11.152-158.

Akatnova M.I. Sokhraneniye prava na pensionnogo obespecheniye trudyashchikhsya gosudarstv — chlenov YEAES [Preservation of the right to pension provision for workers of the EAEU member states]. *Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA)* [Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA)], 2019, no. 11(63), pp. 152—158. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2019.63.11.152—158.

2. Григорьев И.В. Правовое регулирование пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов в России // Право и политика. 2020. № 8. С. 94—111. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.8.33364.

Grigor'yev I.V. Pravovoye regulirovaniye pensionnogo obespecheniya trudyashchikhsya-migrantov v Rossii [Legal regulation of pensions for migrant workers in Russia]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2020, no. 8, pp. 94—111. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0706.2020.8.33364.

3. Лебедева И.П. О структурных несоответствиях на японском рынке труда // Японские исследования. 2020. № 1. С. 48—68. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003.

Lebedeva I.P. O strukturnykh nesootvetstviyakh na yaponskom rynke truda [Structural inconsistencies in the Japanese labor market]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese studies], 2020, no. 1, pp. 48—68. (In Russ.) DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003.

4. Лебедева И.П. Система социального обеспечения Японии: достижения и проблемы // Японские исследования. 2016. № 4. С. 23—35.

Lebedeva I.P. Sistema social'nogo obespecheniya Yaponii: dostizheniya i problem [Japan's Social Security System: Achievements and Problems]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies], 2016, no. 4, pp. 23—35. (In Russ.)

5. Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты: Сборник трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 5—6 ноября 2020 г.) / Под ред. М.Н. Храмовой, Р.В. Маньшина. Знание-М, 2020. 185 с. DOI: 10.38006/907345-84-3.2020.1.184.

Migratsionnyye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: politicheskiye, sotsial'no-ekonomicheskiye i demograficheskiye efekty [Migration processes in the Asia-Pacific region: political, socio-economic and demographic effects]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 5—6, 2020), ed. by M.N. Khramova, R. V. Man'shin. Znaniye-M, 2020. 185 p. (In Russ.) DOI: 10.38006/907345-84-3.2020.1.184.

6. Рязанцев Н.С. Миграционная политика в контексте демографического развития Японии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 4. С. 81—94. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.

Ryazantsev N. S. Migratsionnaya politika v kontekste demograficheskogo razvitiya Yaponii [Migration policy in the context of the demographic development of Japan]. *DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya* [DEMIS. Demographic research], 2022, vol. 2, no. 4, pp. 81—94. (In Russ.) DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.

7. Социальная поддержка мигрантов на рынке труда. URL: https://studopedia.ru/11_101165_sotsialnaya-podderzhka-migrantov-na-rynke-truda.html (дата обращения: 01.05.2023).

Social support for migrants in the labor market. URL: https://studopedia.ru/11_101165_sotsialnaya-podderzhka-migrantov-na-rynke-truda.html (accessed by: 01.05.2023). (In Russ.)

8. Шестакова Е.Е., Дадабаева З.А., Соколова Т. Проблема социального обеспечения трудовых мигрантов (опыт государств ЕС и ЕАЭС) // Общество и экономика. 2019. № 11. С. 90—109.

Shestakova Ye.Ye., Dadabayeva Z.A., Sokolova T. Problema sotsial'nogo obespecheniya trudovykh migrantov (opyt gosudarstv YES i YEAES) [The problem of social security of labor migrants (the

experience of the EU and EAEU states)], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2019, no. 11, pp. 90—109. (In Russ.)

9. Angeli A. Japan as an Immigration State: Reforming Japan's Labor Immigration Policy and Combating the Anti-Immigration Sentiment. *European Journal of Development Studies*, 2023, vol. 3, no. 3, pp. 92—104. DOI: <http://dx.doi.org/10.24018/ejdevelop.2023.3.3.257>.

10. Attracting skilled international migrants to China: A review and comparison of policies and practices. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---ilo-beijing/documents/publication/wcms_565474.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

11. Deborah J. Milly. Japan's Labor Migration Reforms: Breaking with the Past? URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/japan-labor-migration-reforms-breaking-past> (дата обращения: 04.07.2023).

12. Economic and Social Council. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/bangkok_8nov_report.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

13. International Labour Standards on Migrant Workers' Rights. URL: <http://ilo.ch/global/standards/subjects-covered-by-international-labour-standards/migrant-workers/lang--en/index.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

14. Japanese firm helps foreign workers claim pension refunds. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Technology/Japanese-firm-helps-foreign-workers-claim-pension-refunds> (дата обращения: 04.07.2023).

15. Labour market reform in japan to cope with a shrinking and ageing population. URL: [https://one.oecd.org/document/ECO/WKP\(2019\)37/En/pdf](https://one.oecd.org/document/ECO/WKP(2019)37/En/pdf) (дата обращения: 01.07.2023).

16. What is the SSW? Japan is looking for Specified Skilled Workers! URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/ca/fna/ssw/us/overview/> (дата обращения: 05.07.2023).

17. Ministry of Health, Labor and Welfare. Gaikokujin kaigo jinzai no ukeire ni tsuite no kangaekata. Tokyo. URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/12000000/000496709.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

18. Ministry of Justice. White Paper on Immigration Control. Tokyo: Ministry of Justice. URL: <https://www.moj.go.jp/isa/index.html> (дата обращения: 01.07.2023).

19. National Institute of Population and Social Security Research. URL: https://www.ipss.go.jp/p-info/e/S_D_I/Indip.asp (дата обращения: 06.07.2023).

20. Oishi N. Skilled or unskilled? The reconfiguration of migration policies in Japan, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021, no. 47(10), pp. 2252—2269. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1731984.

21. Social Security Agreements. URL: <https://www.sss.gov.ph/sss/appmanager/viewArticle.jsp?page=SocSecAgreement> (дата обращения: 04.07.2023).

22. Statistics Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c0117.htm> (дата обращения: 05.07.2023).

23. Study Report on the Portability of Social Security Rights between ASEAN Member States. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/EPUB-Study-Report-on-the-Portability-of-Social-Security-Rights-between-ASEAN-Member-States-Final-Sep2021.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

Поступила в редакцию (Received): 05.07.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 15.07.2023.

Принята к публикации (Accepted): 20.07.2023.

С.Н. Жилкибаев

Социализм в Китае: российский левый дискурс

Аннотация. Гуманитарные и общественные науки неразрывно связаны теоретически и методологически с политическими идеологиями и дискурсами. В связи с этим достаточно важным и интересным является исследование данного вопроса относительно точки зрения на Китайскую Народную Республику как социалистическое государство в российской левом политическом дискурсе.

Автор использует системный и компаративистский методы научного исследования. Анализируются социологические, культурологические и психологические предпосылки ярко выраженного непримиримого радикального разделения мнений по данному вопросу.

По итогу нескольких лет собственного системного марксистского научного исследования новейшей истории Китая автор предоставляет предварительные заключения собственного исследования: периодизацию, проблемы и уроки исторического процесса, прогнозы будущего развития страны, левые политические перспективы китайского общества, дополняя левый дискурс по данной тематике. В качестве резолюции следует объективно научно исследовать процесс исторического развития Китая в ряду современных супердержав для поиска исторической истины и лучшего понимания важнейшего внешнеполитического партнера России.

Ключевые слова: КНР, история, политика, экономика, марксизм, социализм.

Автор: Жилкибаев Санат Нурболович, независимый исследователь, Оренбург, Россия. ORCID: 0000-0001-8079-9075. E-mail: prozrach@mail.ru

Для цитирования: Жилкибаев С.Н. Социализм в Китае: российский левый дискурс // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 82—92. DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.96.008.

Zhilkibaev S.N.

Socialism in China: Russian Left Discourse

Abstract. The humanities and social sciences are inextricably linked theoretically and methodologically with political ideologies and discourses. In this connection, it is quite important and interesting to study this issue regarding the point of view on the People's Republic of China, as a socialist state, in the Russian left political discourse.

The author uses systematic and comparative methods of scientific research. The socio-logical, cultural and psychological prerequisites for a pronounced irreconcilable radical division of opinions on this issue are analyzed.

The author, based on the results of several years of his own systemic Marxist scientific study of China's recent history, provides preliminary results of the our study: periodization, problems and lessons of the historical process, forecasts for the country's future development, left-wing political prospects for Chinese society, complementing the left-wing discourse on this topic.

As a resolution, the process of China's historical development into the category of modern superpowers should be objectively scientifically examined for historical truth and a better understanding of Russia's most important foreign policy partner.

Keywords: PRC, history, politics, economics, Marxism, socialism.

Author: Zhilkibaev Sanat Nurbolovich, Independent researcher, Orenburg, Russia.
ORCID: 0000-0001-8079-9075. E-mail: prozrach@mail.ru

For citation: Zhilkibaev S.N. Socialism in China: Russian Leftist Discourse. *Modern Asia: Politics, Economics, Society*, 2023, no. 1, pp. 82—92. (In Russ.) DOI: 10.48647/ICCA.2023.92.96.008.

В последнее время пролематика современного Китая, находящегося под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), который за 40 лет «политики реформ и открытости» прошел путь от отсталой страны до уровня второй сверхдержавы современного мира, дополнительно обладающего цивилизационным опытом 5 тыс. лет, превратилась в крайне популярную среди российских и международных левых интеллектуалов (при немалом участии личности самого автора) в контексте изучения истории и практики социалистического развития («реальный социализм») и новейших разработок в области «политической экономии социализма» и «научного коммунизма». Исследования сосредоточены в ответах на два основополагающих вопроса.

1. Сохраняет ли КНР свое социалистическое качество, а КПК — коммунистическую ориентацию?

2. Какие уроки для левых дает исторический опыт КПК и КНР?

Ответы на них разделили большинство левого дискурса на два радикально противоположных «лагеря».

1. «Леворадикальный» («Синофобы»). Сформирован широким кругом «представителей леворадикальной молодежи» с симптоматичными проблемами «личностно-психологического и научно-образовательного, а также культурно-эстетического свойства». Это ярко демонстрируется в их «разоблачающих роликах» о КНР: «изображение отсутствия или сумбурной эклектической каши в области гуманитарных и общественных наук, включая марксизм-ленинизм (как в области теории (выражающиеся в догматизме), так и в области методологии (схластика))». Историсофия Китая для них представляется либо с «абсолютно уничтожительных оценок западнцентризма», либо «восхваления только леворадикальных деструктивных общественных взрывов, типа маоистских утопий “Большого скачка” и “Великой пролетарской революции” и абсолютного про-

клятия любой умеренности (политика “новой демократии” и “реформ и открытости”), как оппортунизма и ренегатства», не принимается во внимание «общий общественный прогресс китайского общества за последние 40 лет “реформ и открытости”». Данные проблемы являются симптоматикой метафизики и идеализма сознания данных лиц, что отражено в поверхностном и пристрастном суждении, практике навешивания «идеологических ярлыков» «на всех и вся», «оправдании или отрицании явно неверных и отвратительных леворадикальных и революционаристских эпизодов теории и истории китайского левого движения», «отсутствии критики и самокритики», «росте гиперэгоизма и чувства собственного величия» [7; 15].

2. «Красные национал-этатисты» («Синофилы»). Представлены социальной группой «советского (постсоветского) движения старых левых (бывших членов КПСС и граждан СССР, состоящих в основном в КПРФ и других старых консервативных левых политических организациях)». Большинство подвержены социальному недугу «обуржуазившегося идеалистического советского патриотизма», часто приводящего к «национал-консерватизму (этатизм, патернализм, православие — «православный идеализм», «русская метафизика» и «традиционные ценности», «скрепы», «великодержавие», «национализм», «шовинизм», «бытовой и общественный расизм» и проч.). Это приводит указанных лиц к «синоидеализму» и «синофилии», отражается в их печатных трудах (аналогичного низкого идейно-политического и научно-образовательного качества, как и у первой группы), с противоположным выводом, «прославляющим современные КНР и КПК как некую «реинкарнацию» «великой советской державы», при этом не принимается во внимание неприглядное для социалистического строя политэкономическое значение «рыночной экономики», «буржуазии», «мещанства» и «национализма» в современном китайском обществе в результате проведения реформ [1; 4].

Срединный критический метод, основанный на творческом применении и научном понимании марксизма, наличествует в сравнительном меньшинстве. В основном данная парадима принадлежит единичным ученым-синологам «советской школы» и исследователям «критического марксизма» [2; 3; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 16; 17].

Автор относит себя и свои исследования новейшей истории и политики Китая к последней немногочисленной группе. В качестве предыстории следует указать, что до 1949 г. Китай представлял из себя многоукладную периферийную страну, бывшую только ранее центром традиционной восточноориентированной мир-системы, которая имеет следующие характерные черты:

- 1) сосуществование характерных черт «постфеодального общества» и «раннекапиталистического общества»;
- 2) соседствование и тесное взаимодействие государственного, феодального, натурального и капиталистического укладов;
- 3) господство кланово-общинного строя;
- 4) низкий уровень индустриализации и урбанизации;
- 5) полукOLONиальный статус.

Сегодня по итогам исследования и современного мониторинга развития мы можем выделить следующую общую периодизацию истории КПК.

I. Революционный этап (1921—1949). Превращение партии из клуба молодых городских революционных интеллигентов в побеждающую «крестьянскую красную армию».

II. Ранне-социалистический этап (1949—1978). Построение основ индустриального общественного строя, деформированного националистической военно-бюрократической диктатурой Мао Цзэдуна.

III. Эпоха «политики реформ и открытости» (1978—2017). Окончание индустриализации и становление «второй сверхдержавы» ценой мелкобуржуазной деформации китайского общества.

IV. Современный этап (2017 — настоящее время). Оформление нового «национал-консервативного субимпериализма».

Какие же итоги и уроки китайской революции (которые сказались в будущем на строительстве социализма в КНР) мы можем обнаружить?

1. В отсталой многоукладной аграрной стране, только что вышедшей из «феодалной», но находящейся еще на раннекапиталистической стадии развития в условиях периферийного положения (полуколония) в мировой капиталистической системе, КПК неизбежно превращалась в массовую общенародную (мелкобуржуазную) широко левую и национально-освободительную политическую силу (превалирование численного и идейного состава крестьян, интеллигенции, мелкой/средней буржуазии, а не рабочего класса). Основой идеологии партии стали эклектическая смесь идей национального освобождения, широкой демократии и левого популизма, в которых социализм и марксизм стали лишь внешней оболочкой (идеи Мао Цзэдуна, «Народная демократия»). В таких общественных условиях неизбежно рождались правые (политика Чэнь Дусю, концепция «Новой демократии» Мао Цзэдуна) и левые (политика революционаризма Ли Лисаня, коминтерновский догматизм Ван Мина, утопительная крестьянская партизанщина Мао Цзэдуна) уклоны, ренегатство, оппортунизм и ревизионизм. Для удержания правильного курса революции КПК в ходе революционной борьбы необходимо было вести борьбу с политическими уклонами, смешивая борьбу идей с физическим уничтожением людей, придерживавшихся определенных взглядов, на многих этапах революционной борьбы, что нанесло партии серьезный вред (системное нарушение и дискредитация марксизма и коммунизма, демократического централизма, социалистической законности и пролетарского интернационализма).

2. Важным является понимание того, что в таких социальных условиях характер революции в первую очередь является буржуазно-демократическим и национально-освободительным и уже во вторую очередь — социалистическим (отобразилось в том, что в 1949 г. победила «Новодемократическая революция», а не пролетарская социалистическая революция, которая формально победила только в 1956).

3. Высокая общественная детерминированность харизматичного руководства и легитимация (бонапартизм), побеждающее формальные институты организации общества, что угрожает социалистической демократии и законности во-

ждизмом «культом личности», волонтаризмом, деформацией демократического централизма (пример успешной политической борьбы Мао Цзэдуна с конкурентами, прежде всего Ван Мином и «Группой 28 большевиков»: тактика сталкивания в борьбе группировок врагов, при этом пребывание в стороне, а после уничтожение ослабленного победителя).

4. Упор на тактику вооруженной партизанской политической борьбы, наряду с максимальным организационным централизмом и закрытостью (военный стиль организации и управления КПК, возглавляемой узкой группой полевых командиров и законспирированных вождей, командующей «ордой» крестьян и маргинальных элементов, которые составили большинство Китайской Красной армии и впоследствии Народно-освободительной армии Китая) приводит к псевдореволюционному левацкому уклону, который внезапно может сменяться на правый, военно-полицейскому методу управления, что угрожает сильно дискредитировать левые идеологии и движения в общественном сознании (общественная мораль и способность к демократии, самоуправлению и самоорганизации).

5. Детерминированное подобным общественным окружением рождение и развитие национал-консервативного по идеологии и единолично-группового по организации военно-бюрократического тоталитарного политического режима, культа личности и методики массовых политических репрессий, приводящая к умалению реального и дискредитации теории марксизма-ленинизма, научного коммунизма, демократического централизма, отсутствию социалистической демократии, социалистической законности и пролетарского интернационализма. (например, многоэтапная политическая чистка КПК «Чжэнфэн» (1941—45), среди жертв которой было множество верных марксизму-ленинизму, пролетарскому интернационализму друзей СССР и ВКП(б), деятелей КПК, прежде всего, в лице Ван Мина и «Группы 28 большевиков», которых заклеямили в левом догматизме, просоветской ориентации или принадлежности к «московской оппозиции» в КПК), в ходе которой было фактически установлено единоличное господство Мао Цзэдуна и его эклектичных политических идей в КПК к 1945 г. на VII съезде партии, что сыграло свою роль в последующих сложностях общественно-политического и социально-экономического развития социализма в будущей КНР («борьба с правым уклоном» (1957), «Большой скачок» (1958—1962), «Холодная война» с СССР и раскол мирового коммунистического движения (1960—1989), «Великая пролетарская культурная революция» (1966—1976), военнополитический блок КНР и США (1972—1991)).

6. Крайняя важность внешней товарищеской помощи Коминтерна и СССР в материальном, идейно-теоретическом и стратегическом планах, особенно на начальных этапах развития КПК, а после основания КНР — помощи СССР и «социалистического лагеря» в становлении, укреплении, развитии и защите КНР (1949—1960). Однако данная помощь должна быть разумной и не повлечь установление жесткого внешнего управления, которое может принести достаточно большие тактические поражения, что чревато дискредитацией «пролетарского интернационализма» и «мирового коммунистического движения» и даже уничтожением коммунистического движения в стране и поражением курса на Еди-

ный фронт КПК с Гоминьданом. Поэтому также важна автономия и самостоятельность национальной компартии в рамках мирового коммунистического движения (пример сложных взаимоотношений Коминтерна и ВКП(б) с КПК, когда хитрая политика Мао вкупе с совершенным руководством Коминтерна и его представителями на местах тяжелыми ошибками привели к постепенной преобладающей независимости и самостоятельности руководства КПК во внутренних делах, а после и леворадикальной раскольнической и ревизионистской политике КПК в мировом коммунистическом движении).

7. Важность разумного поиска компромиссов, консенсусов и взаимовыгодного сотрудничества с менее опасными политическими противниками и социальными группами против общего большего зла в интересах накопления сил, пропаганды и обеспечения окончательной победы коммунистических сил (тактика Единого патриотического фронта КПК и Гоминьдана против японского национал-милитаристского вторжения в Китай в 1937—1945 гг., против которой в силу личной нетерпимости к Чан Кайши выступал в начале Мао Цзэдун).

Уроками маоистского периода истории КНР можно выделить следующие.

1. Тактически верным является продолжительное состояние переходной смешанной общественной системы: в политике — коалиционное социал-демократическое (широко левое) правительство буржуазно-демократической республики при лидерстве компартии, а также социально ориентированной смешанной многоукладной планово-рыночной экономики (государственный капитализм, «социализированный» капитализм, или рыночный социализм, в КНР его называли «экономика Новой демократии» (1949—1956)).

2. Необоснованное нарушение данного компромисса, основных принципов теории и методологии марксизма в интересах реализации мелкобуржуазной националистической, по сути, «левой утопии» под «радикальной красной революционной вывеской» в стране и на международной арене и разрыв с мировым коммунистическим движением и мировым социализмом приводят к дискредитации коммунизма, социализма, как теории, так и практики, разладу и кризису мирового коммунистического и рабочего движений, а также к социально-экономическому кризису и массовым жертвам коммунистов и трудящихся в стране, что явилось результатом политики «Большого скачка» и «Культурной революции».

3. Ограничение революции и строительства социализма в одной отдельно взятой стране приводит также к построению высоко централизованной/анархической бюрократической псевдоплановой и огосударственной экономики с преобладанием тяжелой промышленности и милитаризации, дисгармонической и псевдоавтаркической системы с полным игнорированием потребительского спроса, отсталой легкой промышленностью, с/х и сектором услуг (чем была экономика маоистского Китая), что не только мешает развитию благосостояния трудящихся, но и приводит к экономической стагнации и проблеме оформления индустриализации и перехода к информационному способу производства.

4. Также подобное сопряжено с общественной культурой, когда социалистическое (разотчуждающее) превращается во внешнюю искусственную форму, никак не снимая традиционалистского и мелкобуржуазного содержания, которое может реставрироваться под масками «патриотизма» и «традиционных народных

ценностей», что отражалось в националистическом крене массовой культуры и сознания китайского общества и официального дискурса, например, в эпоху «Культурной революции» и сегодня («Великая мечта о возрождении китайской нации»).

Уроками «смешанной китайской версии социализма» (1978 — настоящее время) представляются следующие.

1. Логическое понимание исторического и диалектического материализма: «Практика — критерий истины», антинаучность «перепрыгивания через формации, нарушающего объективный ход исторического развития, пренебрегающего материальной базой строительства социализма и коммунизма» («Политика реформ и открытости» (1978), «Социализм с китайской спецификой» (1982), «Начальный этап развития социализма» (1987)), что привело к пониманию необходимости встать на срединный путь из крайне левого крена с помощью поворота направо, однако он был также сделан излишне радикально, что привело к крайне правому крену идеологии и практики общественного развития.

2. Научное понимание «факультативной долгосрочной, но не вечной и абсолютной роли элементов рыночной экономики, мелкого и среднего частного бизнеса и иностранных инвестиций на переходном периоде от капитализма к социализму (особенно в экономически отсталой стране)» и основополагающего принципа «сохраняющейся и нисходящей товарности в социалистической экономике, в которой господствующую роль играют плановая экономика и общественная форма собственности на средства производства при распределении совокупного общественного продукта по труду» (концепция Чэнь Юня «Три основных — три дополнительных» при социализме» (1956), которую нарушил Дэн Сяопин и Цзян Цзэминь концепцией «Социалистической рыночной экономики» с главенством рыночной экономики в долгосрочной варианте» (1992), что привело страну к экономическому величию и созданию индустриального, но мелкобуржуазного общества).

3. Принципиальная важность контроля «строгого соблюдения классовой природы и сущности Коммунистической партии, как авангарда пролетариата и верных ему других социальных групп, с сохранением жесткого запрета доступа в нее для буржуазии», что было нарушено Цзян Цзэмином с его концепцией «Тройного представительства» в 2001 г., когда КПК «из пролетарской партии превратилась в общенародную партию, что привело к высокой роли мелкобуржуазного перерождения при усиливающемся национализме» (при исчезновении из Программы партии термина «Пролетарский интернационализм» на 12 съезде КПК в 1982).

4. Тактический прием «пожертвовать социалистической демократией, демократическим централизмом в угоду экономическому росту» (завершению индустриализации и урбанизации) и современное ее отсутствие «в интересах национальной безопасности и обороны» консервирует «бюрократическую деформацию и отчуждение пролетариата в общественном развитии страны и дискредитирует идею левого политического режима».

5. Политика открытости «мировой капиталистической системы» отсталой страны угрожает приобретением статуса «полупериферии с угрозой обуржуазива-

ния и вестернизации». Даже положительная перспектива по трансформации экономического роста в социальный прогресс и политическое возвышение, апеллирующее к статусу «новой сверхдержавы», приводит к противодействию со стороны «Мирового капиталистического империализма» («Золотого миллиарда») в виде «торговых войн», новой «холодной войны» с перспективами объявления «гибридной войны» «на истощение и подрыв страны-конкурента изнутри» либо «горячей войне» в мировом или региональном плане. («Противостояние КНР и США») с перспективой смены «старого империалиста» (США) «новым империалистом» (КНР).

В качестве «гипотетического прогноза на будущее» можно утверждать, что среди «китайских элит» и общества наличествует несколько «влиятельных сил», ведущих «скрытое и явное противоборство между собой» при увеличении «объективных и субъективных противоречий капитализма» в стране и мире.

I. «Национал-консерваторы»: сторонники сохранения современной «смешанной системы» с националистическими целями построения «великой китайской мировой сверхдержавы» вместо США («китайский империализм», «китайский фашизм») (общественная основа: «часть бюрократии и военных», «китайской буржуазии» и «интеллигенции»).

II. «Либерал-рыночники», «демократические реформаторы», «китайские западники», стремящиеся создать в Китае «либеральную» или «социал-демократическую модель развития» с «четкой ориентацией на Запад», ценой «неравноправного положения» в ущерб «китайским национальным интересам» (социальная база: «буржуазные и прозападные круги буржуазии», «интеллигенции» и «чиновничества»).

III. «Национал-большевики» («старые левые») и «Новые левые»: ставящие целью поворот «крайне правого крена» Китая, «угрожающего ему открытой реставрацией капитализма» с «поражением западному империализму» или «установлением фашизма» путем «широкого левого поворота» с целью «срединного выправления» страны и общества с перспективами «настоящего перехода к построению социализма и коммунизма» (социальная база: представители «старых левых группировок среди партийцев, бюрократии, военных, интеллигенции» плюс «Новые левые» в лице «левой студенческой молодежи» и «рабочих активистов» из «независимых, но незаконных профсоюзов», «китайский пролетариат»).

Указанные варианты будущего развития Китая сейчас «равновелики» при «дополнительной возможности внутреннего краха КПК и КНР» в силу «острых внутренних социально-экономических проблем», «усилении внутренней политической борьбы» и «большого внешнего проникновения западного империализма» с целью «развалить конкурентную систему изнутри и извне».

Итак, опыт развития коммунистического движения и социалистического развития Китая и китайского народа за чуть более вековой исторический промежуток дает нам, всему миру, особенно второму и третьему эшелону стран (полупериферии и периферии) ряд замечательных положительных и отрицательных уроков в области политики (завоевания и удержания политической власти, международной политики в периферийной постколониальной стране), экономики (переходный период и начальное развитие социализма в экономически отсталой

стране), общества (урбанизация и просвещение, решения тяжелых проблем социальной отсталости и нищеты) и культуры (взаимодействие восточной и западной культур).

«Современный Китай» и прокоммунистические силы в нем находятся в непримиримом противостоянии с силами «капитализма», «либерализма» и «фашизма», причем борьба происходит во всех «общественных стратах» с «переменным успехом» при «внешней стабильности» и «паритета группировок». За прошедшие годы КНР приобрела различные «объективные и субъективные факторы развития» в разных траекториях в том числе и в «коммунистическом направлении»:

1) наличие формально «левого политического и общественного режима» в Китае;

2) достижение статуса «развитой индустриальной экономики» и «урбанизированного общества»;

3) сохранение и усиление «государственно-монополитического капитализма» на фоне «военной опасности», в котором главенствуют «институты госсектора» и «планирования экономики»;

4) усиление «левого общественно-политического дискурса» наравне с «национализмом»;

5) появление «альтернативных внепартийных левых» в среде «студенческой молодежи» и «рабочих профсоюзов» при соединении со «старыми партийными левыми»;

6) «массовый общественный запрос» (так называемый крик души) на «социальную справедливость» и «усиление общественной ностальгии» по «временам Мао Цзэдуна».

В итоге, мы можем прийти к выводу о наличии в современном Китае «базисных» и «надстроечных», «объективных» и «субъективных» предпосылок для «настоящего левого поворота» китайского общества, который и сможет «по-настоящему сохранить» КПК, КНР и китайский народ, возвестив всему «мировому коммунистическому движению» и «мировому пролетариату» пример для учебы и активизации «Мировой революции».

Однако для «абсолютного установления исторической истины» и «лучшего понимания» «характера общественного строя и развития» «важнейшего внешнеполитического партнера России в лице современного Китая» следует и в дальнейшем продолжать «объективно, системно и научно исследовать процесс исторического развития Китая» в разряд «современных супердержав».

Список литературы / References

1. Барышев А.П. КНР: стратегия социализма (Исторический опыт и особенности современного этапа). М.: ГУП МО «Коломенская типография», 2004. 204 с.

Baryshev A.P. KNR: strategiya socializma (Istoricheskij opyt i osobennosti sovremennogo etapa) [PRC: the strategy of socialism (Historical experience and features of the current stage)]. Moscow: GUP MO "Kolomenskaya tipografiya", 2004. 204 p. (In Russ.)

2. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности: издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008. 368 с.
- Vinogradov A.V. Kitajskaya model' modernizacii. Poiski novoj identichnosti [Chinese model of modernization. The Quest for a New Identity], second edition, revised and supplemented. Moscow: NOFMO, 2008. 368 p. (In Russ.)
3. Карпов М. Замкнутый круг «китайского чуда». СПб.: Нестор-История, 2014. 292 с.
- Karpov M. Zamknutyj krug "kitajskogo chuda" [The vicious circle of the "Chinese miracle"]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 292 p. (In Russ.)
4. Кашпур А.Н. Китай и Россия: два пути к социализму. М.: ИТРК, 2018. 160 с.
- Kashpur A.N. Kitaj i Rossiya: dva puti k socializmu [China and Russia: two paths to socialism]. Moscow: ITRK, 2018. 160 p. (In Russ.)
5. Кива А.В. Реформы в Китае и России: сравнительный анализ М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 304 с.
- Kiva A. V. Reformy v Kitae i Rossii: sravnitel'nyj analiz [Reforms in China and Russia: a comparative analysis]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. 304 p. (In Russ.)
6. КНР. Краткий исторический очерк (1949—1979 гг.) / отв. ред. М. Сладковский. М.: Политиздат, 1980. 206 с.
- KNR. Kratkij istoricheskij ocherk (1949—1979 gg.) [PRC. Brief historical essay (1949—1979)], resp. ed. M. Sladkovskij. Moscow: Politizdat, 1980. 206 p. (In Russ.)
7. Китай: социализм или капитализм? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=48iiXSulftw&t=47s> (дата обращения: 10.07.2019.)
- Kitaj: socializm ili kapitalizm? [China: socialism or capitalism?]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=48iiXSulftw&t=47s> (accessed: 10.07.2019.). (In Russ.)
8. Китай становится экономической сверхдержавой / А.В. Островский. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.
- Kitaj stanovitsya ekonomicheskoj sverhderzhavoj* [China becomes an economic superpower]. ed. by A.V. Ostrovskij. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN: ООО "Izdatel'stvo MBA", 2020. 496 p. (In Russ.)
9. Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития. М.: Форум, 2017. 336 с.
- Kondrashova L.I. Kitaj: k novej modeli obshchestvennogo razvitiya [China: towards a new model of social development]. Moscow: Forum, 2017. 336 p. (In Russ.)
10. Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: Русская панорама, 2007. 232 с.
- Мамаева N.L. Partiya i vlast': Kompartiya Kitaya i problema reformy politicheskoy sistemy [Party and Power: The Chinese Communist Party and the Problem of Reforming the Political System]. Moscow: Russkaya panorama, 2007. 232 p. (In Russ.)
11. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.
- Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: ocenki, diskussii, prognozy [Model of development of modern China: assessments, discussions, forecasts], ed. by A. D. Voskresenskiy. Moscow: Strategicheskie izyskaniya, 2019. 736 p. (In Russ.)
12. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум», 2011. 352 с.
- Pivovarova E.P. Socializm s kitajskoj specifikoj [Socialism with Chinese Characteristics]. Moscow: ID "Forum", 2011. 352 p. (In Russ.)
13. Пивоварова Э.П. Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР. М.: ИДВ РАН, 2018. 52 с.

Pivovarova E. P. SCherty preemstvennosti i novizny v ekonomicheskoy politike pyati pokolenij rukovodstva KNR [Features of continuity and novelty in the economic policy of five generations of the leadership of the PRC]. Moscow: IDV RAN, 2018. 52 p. (In Russ.)

14. Политические системы и политические режимы в Китае 20 века / А.П. Попов. М.: Экзамен, 2007. 287 с.

Politicheskie sistemy i politicheskie rezhimy v Kitae 20 veka [Political systems and political regimes in China in the 20th century], ed. by A.P. Popov. Moscow: Ekzamen, 2007. 287 p. (In Russ.)

15. Почему в Китае нет социализма? Зюганов, Варламов и Huawei. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2ZUdmWJOBR0> (дата обращения: 10.07.2019.)

Pochemu v Kitae net socializma? Zyuganov, Varlamov i Huawei [Why is there no socialism in China? Zyuganov, Varlamov and Huawei]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2ZUdmWJOBR0> (accessed: 10.07.2019.) (In Russ.)

16. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М.: Синосфера, 2016. 589 с.

Rumyancev E.N. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Si Czin'pina [Domestic and foreign policy of Xi Jinping]. Moscow: Sinosfera, 2016. 589 p. (In Russ.)

17. Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: ИДВ РАН, 2005. 324 с.

Smirnov D.A. Idejno-politicheskie aspekty modernizacii KNR: ot Mao Czeduna k Den Syaopinu [Ideological and political aspects of China's modernization: from Mao Zedong to Deng Xiaoping]. Moscow: IDV RAN, 2005. 324 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

И.А. Теплюк

Использование средств речевого воздействия в китайском политическом дискурсе

Аннотация. Политический дискурс является важной составляющей общественной коммуникации, он может напрямую влиять на принятие политических решений, выстраивание внутри- и межгосударственных отношений и функционирование общественных институтов. Соответственно, изучение политического дискурса и его особенностей является базой для успешного взаимодействия всех его участников. Актуальность темы обусловлена значимостью изучения и понимания политического дискурса Китая для построения эффективного диалога между государствами и для развития государственных отношений с КНР. В рамках статьи представляется анализ речевой составляющей ответов представителей МИД КНР на брифингах. В работе анализируются ранее не рассмотренные статьи китайских ученых, а также делаются выводы на основе материалов последних четырех лет. Автором дана оценка использованию средств речевого воздействия, выявлены функции средств речевого воздействия в китайском политическом дискурсе.

Ключевые слова: Китай, Министерство иностранных дел КНР, политический дискурс, речевое воздействие, средства воздействия.

Автор: Теплюк Ирина Андреевна, бакалавр Московского городского педагогического университета, Москва, Россия. E-mail: teplyuk.irine@gmail.com

Для цитирования: Теплюк И.А. Перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 93—106. DOI: 10.48647/ICCA.2023.49.49.009.

Tepluk I.A.

The Use of Means of Speech Influence in Chinese Political Discourse

Abstract. Political discourse is an important component of public communication, it can directly influence political decision-making, the building of intra- and inter-state relations and the functioning of public institutions. Accordingly, the study of political discourse and its features is the basis for the successful interaction of all its participants. The relevance of the topic is due to the importance of studying and understanding China's political discourse for building an effective dialogue between states and for the development of state relations with China. The article presents an analysis of the speech component of the responses of representatives of the Chinese Foreign Ministry at briefings. The paper analyzes previously not reviewed articles by Chinese scientists, and also draws conclusions based on the materials of the last four years. The author evaluates the use of means of speech influence, identifies the functions of means of speech influence in Chinese political discourse.

Keywords: China, Ministry of Foreign Affairs of PRC, political discourse, speech influence, means of influence.

Author: *Tepluk Irina Andreevna*, Bachelor of Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia. E-mail: teplyuk.irine@gmail.com

For citation: Tepluk I.A. The Use of Means of Speech Influence in Chinese Political Discourse. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 93—106. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.49.49.009.

Связь языка и политики проявляется в том, что политический режим не может существовать без коммуникации, а значит, язык является обязательным средством выражения политических идей и осуществления политического курса.

Целью данного исследования является выявление характерных для китайского политического дискурса средств речевого воздействия, используемых в выступлениях представителей МИД КНР.

Задачами исследования стали изучение подходов к интерпретации политического дискурса и речевого воздействия, анализ текстов выступлений представителей МИД КНР на наличие средств речевого воздействия.

Теоретической базой исследования стали труды лингвистов, специализирующихся на политическом дискурсе — Т.А. ван Дейка, А.П. Чудинова, Д.Р. Акоповой, а также работы лингвистов широкого профиля — В.Е. Чернявской, М.Л. Макарова. Среди китайских ученых стоит отметить Ли Юньхана, занимающегося стилистикой китайского языка, и Ли Юй, Чжань Цюаньван, изучающих особенности политического дискурса в китайском языке.

В исследовании использованы математико-статистический и аналитический методы, а также метод дискурс-анализа и обобщения.

В качестве эмпирического материала были выбраны тексты выступлений представителей МИД КНР на очередных пресс-конференциях, в частности, ответы на вопросы по актуальным темам международной политической обстановки за 2020—2023 годы. Были рассмотрены ответы действующего министра иностранных дел КНР Цинь Гана и официальных представителей пресс-службы МИД КНР (Гэн Шуан, Ван Вэньбинь, Хуа Чуньин, Чжао Лицзянь, Мао Нин). Спектр проблем, затрагиваемых на конференциях, довольно широк: коронавирусная инфекция, межгосударственные конфликты, Зимние Олимпийские игры-2022, внутренняя и внешняя политика Китая и др. Выбор практического материала обусловлен несколькими факторами. Во-первых, выступления представителей МИД в большей степени направлены на международное сообщество, поэтому мы можем проанализировать, какими способами Китай заявляет о себе и доносит свою позицию. Во-вторых, закономерная периодичность брифингов позволяет сравнивать тексты, изначально находящиеся в равных условиях. Таким образом, мы исключаем влияние внешних факторов и концентрируем внимание на анализе политического дискурса МИД КНР.

Интерпретация политического дискурса в отечественной и зарубежной науке

Американский лингвист Зеллиг Саббеттай Харрис одним из первых выдвинул термин «дискурс» в работе «Анализ дискурса» (Discourse Analysis) 1952 г. Под анализом дискурса он подразумевает метод, который позволяет проанализировать структуру текста и роль каждого элемента в нем, а также показывает, как можно сконструировать определенный дискурс с помощью схем классов эквивалентности в последовательных предложениях [12, с. 30]. Т.А. ван Дейк, нидерландский лингвист, который также внес большой вклад в развитие дискурс-анализа, определяет дискурс как совокупность моделей ситуаций, оказывающих влияние на понимание смысла сообщения [13, с. 194].

М.Л. Макаров формулирует три варианта интерпретации дискурса, опираясь на работы Дебора Шифрин [6, с. 56—57].

1. Смысловая связь двух и более языковых единиц выше уровня словосочетаний или предложений. Такой структурно ориентированный подход анализирует только воздействие языковых элементов друг на друга, абстрагируясь от внешнего социально-культурологического контекста.

2. Любое «употребление языка». Данный функциональный подход предполагает изучение языка в широком контексте. Внутри него выделяют еще два подхода (эмический и этический). При этическом подходе, в отличие от эмического, объект изучения рассматривается дистанцированно, используются универсальные понятия, создается общая схема.

3. Высказывания. Под определением понимается дискурс как совокупность организованных и контекстуализованных единиц употребления языка, а не только изолированные языковые единицы.

В.Е. Чернявская понимает дискурс как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [9, с. 134]. Так, дискурсивный анализ сфокусирован на характеристике внешних особенностей коммуникативного процесса и учитывает влияние на него и ситуативного контекста, и экстралингвистического фона.

Политический дискурс является одним из видов дискурса, а также как объект исследования является междисциплинарным, потому интересует не только лингвистов, но еще и социологов, политологов и других представителей смежных областей. А.П. Чудинов отмечает, что при анализе политических текстов необходимо учитывать конкретные условия их создания и функционирования, то есть дискурс. Также он выделяет несколько дискурсивных характеристик в политической коммуникации [10, с. 73—79].

1. Авторство политического текста. В политическом дискурсе создателем текста принято считать субъекта, который берет на себя ответственность за текст, хотя подлинным создателем послания могут быть другие люди. Более того, ряд политических документов формально не имеют автора, так как они написаны от имени всего государства, правительства, партии и т. п. (например, Конституция, устав партии, лозунги для избирательных кампаний). В то же время суще-

ствуют тексты со смещенным авторством, к которым часто относят мемуары, книги на основе интервью и т. д.

2. Адресность политического текста. По количественному критерию разделяют массовый, групповой и индивидуальный адресат, причем для политического дискурса наиболее характерными являются первые два вида, хотя индивидуальный адресат тоже может присутствовать (например, обращение к политику). В зависимости от условий выделяют дистанционное (с использованием средств массовой информации) и непосредственное обращение. Адресатов можно разделить на единомышленников, оппонентов и «избирателей» (население).

3. Стратегия и тактика в политической коммуникации. Стратегия — максимально обобщенное планирование, которое ориентировано на преобразование взглядов адресата. К коммуникативным тактикам относят конкретные способы осуществления стратегии, для реализации которых используют коммуникативные приемы (или ходы).

4. Политический нарратив («сверхтекст»). Данное понятие объединяет в себе разные жанры политических текстов, касающихся определенного политического события. Нарратив привязан к конкретной ситуации, а потому каждый новый нарратив имеет специфические черты, к которым относят действующих лиц, «рассказчиков», стратегии и тактики, оценки и др.

В китайской научной коммуникации для обозначения данного понятия чаще используются термины 政治语境 (*zhèngzhì yǔjìng*), 政治话语 (*zhèngzhì huàyǔ*). Изучение политического дискурса в Китае началось сравнительно недавно, в конце XX в., однако уже в начале XXI в. оно получило широкое развитие, которое продолжается и по сей день [5, с. 58].

Китайские лингвисты Юэ Шэнсун и Цзян Юй определяют понятие политического дискурса (政治修辞 *zhèngzhì xiūcí*, political rhetoric) как технологию и способность политических субъектов использовать определенный политический язык для достижения убеждения в политическом процессе. Признавая, что область политического дискурса пришла в Китай с Запада, авторы подчеркивают, что китайские исследования в этой области ориентированы на «процесс» (то есть рассматриваются риторические приемы, соответствующие контексту, стилю и жанру), в то время как западные лингвисты сохраняют акцент на «результате» с точки зрения функциональности риторики. Здесь также стоит упомянуть, что изучение политического дискурса в Китае отталкивалось не только от западной риторики, но и от древнекитайской литературы, что приводит к чрезмерному вниманию к использованию стилистических приемов [17, с. 121].

По мнению всех рассмотренных нами исследователей, изучение политического дискурса важно для современного общества. В условиях ожесточенной конкуренции за международный авторитет необходимо активно продвигать общественную и культурную дипломатию. Сделать это можно благодаря грамотному использованию политического дискурса, в то же время нужно укрепить языковую коммуникативную способность представителей страны (особенно политиков), чтобы создать высококачественный дискурс.

Речевое воздействие в политическом дискурсе

Речь — сильнейшее средство воздействия на человека. Особенно это заметно в политическом дискурсе, так как исследователи относят его к персуазивному (или убеждающему). Его особенность заключается в оказании речевого воздействия с целью убеждения, призыва к действию или недействию [1, с. 403].

Существует несколько определений понятия «речевое воздействие». И.А. Стернин дает следующее: «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [8, с. 45]. С.В. Броженко понимает под речевым воздействием однонаправленное влияние на намерения адресата для создания выходных адресанту изменений [2, с. 11]. Выделяют также вербальные и невербальные средства речевого воздействия. В данной работе нами будут рассмотрены только вербальные средства, то есть непосредственно языковые.

Для упорядочения средств речевого воздействия в рамках нашего исследования мы обратимся к классификации средств реализации манипулятивного воздействия, представленной в монографии О.А. Рубановой [7, с. 50]. Итак, средства можно разделить на три категории: лексические, грамматические и стилистические.

Наиболее часто используемое лексическое средство речевого воздействия — обращение. Оно эксплицирует действие адресации с целью воздействия на поведение адресата, например, способность вызвать у него эмоции, выполнить просьбу, добиться согласия и т. д. [7, с. 50]. С помощью обращения говорящий может задавать определенный тон или настроение высказывания, вызывать у собеседника симпатию или раздражение, склонить к нужному действию.

Эмоционально-оценочная лексика часто используется с целью мотивации адресата к действию или запрету. Используя определенные оценочные слова, на реципиента можно оказывать эмоциональное воздействие, в итоге изменив его поведение [7, с. 52]. Эмоционально-оценочная лексика показывает отношение самого адресанта к предмету обсуждения. Соответственно, выбор лексики с положительной или отрицательной семантикой оказывает влияние на то, как передаваемая информация будет восприниматься реципиентами.

В речи часто используются фразеологические выражения и устойчивые сочетания, так как они несут в себе усилительную функцию и «функцию качественной характеристики процесса» [7, с. 53]. Фразеологизмы благодаря образности позволяют полно охарактеризовать предмет общения при меньшем использовании языковых единиц, а также избежать конкретного, прямого высказывания, что позволяет выразить отношение к чему-либо в довольно завуалированной форме.

Усилительные наречия указывают на предельно высокую степень признака или действия и эмоциональное отношение адресанта к ним [7, с. 55]. В китайском языке к «усилителям» относят такие слова, как 非常 *fēicháng* «очень», 极其 *jíqí* «чрезвычайно», 很 *hěn* «очень», 太 *tài* «слишком», 十分 *shífēn* «исключительно» и т. п.

Грамматические средства речевого воздействия подразделяются на морфологический и синтаксический уровень. К первому уровню относится использова-

ние личного местоимения «мы», указательных местоимений, степеней сравнения. Ко второму — восклицательных высказываний, вводных конструкций, условных предложений.

Личное местоимение «мы» направлено на разграничение «своего» и «чужого» или же, наоборот, на объединение в рамках одной группы [7, с. 56]. Используя местоимения «мы» (кит. 我们 *wǒmen* и 咱们 *zánmen*), говорящий может автоматически причислить себя к определенной группе: объединиться с мнением адресата или выступить в качестве представителя общности.

Степени сравнения являются частой формой речевого воздействия, так как могут нести экспрессивную оценку и усиливать побуждение к действию или наталкивать на нужные мысли [7, с. 57—58].

Использование императивных и неимперативных конструкций с семантикой побуждения вполне объяснимо принадлежит к числу средств речевого воздействия. Применение данного средства усиливает давление говорящего на собеседника. Степень воздействия таких конструкций повышается при совместном использовании со стилистическими приемами повтора, градации, параллелизма [7, с. 61—62].

Вводные конструкции выполняют функцию привлечения внимания, выражения отношения адресанта к предмету коммуникации, убеждения и воздействия на адресата. Использование вводных слов, словосочетаний или предложений помогает развернуть ситуацию в нужное русло и подчеркнуть эмоцию, чувство или факт [7, с. 62—63].

Условные предложения, как правило, ставят собеседника перед выбором, что является признаком воздействия. Говорящий может принудить собеседника к осуществлению действия или согласию с мнением за счет жесткого и твердого условия [7, с. 64].

Восклицательные предложения — средство повышения экспрессивности речи. Они выступают в роли усиления эмоций или чувств и могут способствовать сближению участников коммуникации [7, с. 64].

Стилистические средства играют особую роль в речевом воздействии, так как влияют на эмоциональную сферу реципиента. Для того чтобы задать определенный тон речи, говорящий часто использует образные риторические приемы. Стилистические средства подразделяются на тропы (修辞手段 *xiūcí shǒuduàn*) и фигуры (修辞格 *xiūcí gé*). За основу классификации выразительных средств мы принимали работы китайских лингвистов, в частности Ли Юньхана.

比喻 *bǐyù* — иносказательное сравнение, общее название приемов, строящихся на сравнении. Автор обращается к сравнению, когда понимает, что обычное наименование факта не оказывает нужного воздействия. Так, главное значение этого средства — заострить внимание реципиента на объекте [3, с. 5].

Китайские лингвисты уделяют большое внимание использованию метафоры в политическом дискурсе. Лингвисты Ху Сяоянь и Ся Юнь выделили 9 типов метафор в китайском дискурсе, разделив их по темам: путешествие, строительство, война, организм, растение, механизм и инструмент, природное явление, болезнь, животное. По данным исследования чаще всего в политическом дискурсе Китая встречаются метафоры войны, путешествия и строительства, причем их

преимущество перед остальными видами наблюдалось в каждый исторический период (с 1937 по 2020 г.) [15, с. 189—190]. Метафора выполняет две основные функции: создание новых значений и оспаривание предыдущих способов понимания [16, с. 13]. Манипулятивное действие этого тропа основано на видении ситуации реципиентом, его субъективной действительности. За счет употребления метафоры актер выражает свою позицию косвенно, привлекая таким образом расположение аудитории, потому что не вызывает отторжение резким высказыванием. Кроме того, метафора выполняет эстетическую функцию, за счет образности она позволяет оказывать на адресата более глубокое эмоциональное влияние.

对偶 *duì'ǒu* — «парное построение» — параллелизм, основанный на сочетании двух синтаксических единиц. Парное построение делает речь более выразительной и ритмичной, что позволяет привлечь людей и повысить запоминаемость речи. 排比 *páibǐ* — последовательное построение (параллелизм, основанный на сочетании трех и более синтаксических единиц). В целом, как подвид параллелизма, данному приему свойственно придание тексту завершенности и логичности [14, с. 270—274].

反复 *fǎnfù* — повтор, который делится на 紧接反复 *jǐnjiēfǎnfù* (повторяемые части следуют непосредственно друг за другом) и 间隔反复 *jiàngé fǎnfù* (повторяемые части находятся на расстоянии). Данная фигура подчеркивает содержание высказывания, придает ритм и подчеркивает определенную эмоцию [14, с. 275—280]. Лексические или синтаксические повторы обладают большой воздействующей силой: озвученная несколько раз мысль лучше закрепляется в сознании адресата, а значит, вероятность ее «одобрения» становится выше [7, с. 67]. В политическом дискурсе часто используются повторяющиеся элементы (ключевые слова), так как с их помощью создается цельность текста [11, с. 168]. Повтор можно отнести к средствам речевого воздействия, так как с помощью него усиливается смысл повторяемых языковых единиц.

闪避 *shǎnbì* или 回避 *huíbi* — «избегание» — использование понятий с широким значением или недостаточной точностью, чтобы намеренно избежать проблем за счет расплывчатости слов. Часто используется при ответе на вопросы, на которые неудобно отвечать или на которые нужно дать нежелательный для собеседника ответ [14, с. 311—314].

对照 *duìzhào* — антитеза — противопоставление понятий для усиления контраста и эмоциональной окраски. Она может использоваться на разных уровнях языка: в словах, словосочетаниях, предложениях, абзацах. Антитеза заставляет воспринимающего более четко разделить понятия, тем самым фокусирует их внимание на нужной теме [14, с. 289—301].

Риторический вопрос — вопрос, не требующий ответа, но усиливающий эмоциональность речи. В китайском языке выделяют несколько типов такого построения высказывания: 设问 *shèwèn* (намеренная постановка вопроса и ответ на него как часть размышления) и 反问 *fǎnwèn* (выражение утверждения через вопросительную форму предложения). Риторический вопрос позволяет выделить аргументы и в то же время заставить реципиентов размышлять. В силу того, что вопрос несет в себе больше эмоциональной нагрузки, чем отрицание или утвержде-

ние [7, с. 69], использование данного средства повышает экспрессивность высказывания, а значит, с оно большей степенью воздействует на реципиента.

Итак, для политического дискурса в целом наиболее характерны такие средства речевого воздействия, как употребление риторического вопроса, сравнения, использование метафор, эвфемизмов, штампов, высокая частотность употребления абстрактных денотативно свободных слов [4, с. 14]. Речевое воздействие связано не только с целями коммуникации, но и с особой организацией речи, восприятие которой приводит к добровольному принятию реципиентом решения. Сила речевого воздействия увеличивается при использовании различных языковых средств.

Анализ речи представителей МИД КНР

Прежде чем классифицировать китайскую речь на предмет средств речевого воздействия, мы взяли более 1000 текстов выступлений МИД КНР за 2020—2023 гг., находящихся на официальном сайте МИД КНР в сети Интернет [18]. Затем путем произвольной выборки мы отобрали 15 текстов, из которых 3 — 2020 г., 4 — 2021 г., 7 — 2022 г. и 1 выступление 2023 г. (вопросы и ответы министра иностранных дел КНР Цинь Гана на пресс-конференции). После этого мы произвели подробный анализ выбранных текстов и установили использование в них речевых средств воздействия.

Проанализировав тексты представителей МИД КНР, мы выявили основные приемы, которые представлены ниже.

Усилительные наречия — самое распространенное лексическое средство воздействия, используемое в выступлениях представителей МИД КНР. Приведем самые часто встречающиеся из наречий.

1. 更 *gèng* «еще более»: 还有更多精彩将逐一揭晓 «Другие яркие характеристики будут опубликованы один за другим». Наряду с 就 *jiù* «сразу», 更 — самое часто встречающееся наречие в проанализированных текстах. В приведенном выше примере данное наречие выполняет роль убеждения за счет предоставления дополнительной («сверх нормы») информации. В этом же предложении наречие 更加 *gèngjiā* «еще более» подчеркивает характеристику прилагательного «тесный» и делает на нем акцент: 共筑更加紧密的周边命运共同体 «совместно построить еще более тесное сообщество единой судьбы человечества на периферии».

2. 充分 *chōngfèn* «полностью»: 中国的成功发展充分证明 «Успешное развитие Китая полностью доказывает». Использование наречия помогает убедить адресата в том, что выбор собственного пути (как это сделал Китай) возможен в полной мере.

3. 只 *zhǐ* «только лишь»: 再好的蓝图也只是画饼充饥 «Каким бы хорошим ни был проект, это всего лишь иллюзия». Наречие в данном случае выступает в качестве «разрушителя» плана, так как подчеркивает его несостоятельность, умаляет его значимость.

К примерам положительной оценочной лексики можно отнести слова: 荣光 *róngguāng* «слава», 艰巨 *jiānjù* «грандиозный», 壮举 *zhuàngǐ* «героический поступок». Отрицательной коннотацией обладают: 挑拨 *tiǎobō* «разжигать вражду»,

霸凌胁迫 *bàlǐng xiépò* «травля и угрозы», 霸权私利 *bàquán sīlì* «гегемонистские интересы», 绊倒 *bàndǎo* «дать подножку» и т. п. 然而,美方却违反国际法精神和国际惯例,有罪推断,过度反应,滥用武力,借题发挥,制造了一场本可以避免的外交危机. «Однако Соединенные Штаты нарушили дух международного права и международную практику, сделали выводы о виновности, слишком остро отреагировали, злоупотребили военной силой, использовали этот вопрос для создания дипломатического кризиса, которого можно было избежать». В данном предложении 滥用 *làn yòng* «злоупотреблять» выражает негативное отношение говорящего к сложившейся обстановке.

Также довольно часто встречаются фразеологические выражения. 中国的外交官必须“与狼共舞”,保家卫国. «Китайские дипломаты должны “танцевать с волками” и защищать свою родину». Чэньюй 与狼共舞 *yǔ láng gòng wǔ* «танцевать с волками» образно обозначает «взаимодействовать со злодеями». Из этого следует, что его использование повышает экспрессивность высказывания и придает отрицательную характеристику предмету.

Далее перейдем к анализу стилистических средств речевого воздействия. Более распространенными в анализируемых текстах были метафора, параллелизм (причем как чистый параллелизм двух элементов, так и последовательное построение) и повтор.

Проанализируем некоторые примеры употребления метафор в речи представителей МИД КНР. С их помощью политики могут быстрее донести до адресата смысл ситуации, создавая запоминающиеся образы. 中俄携手 «Китай и Россия объединяются». Дословно 携手 *xiéshǒu* «взяться за руки». В данном примере используется не прямое значение «сплотиться». 人类再次站在历史的十字路口 «Человечество снова стоит на перекрестке истории». Метафора «перекрестка» используется, чтобы образно описать затруднительность положения. 美方不踩刹车 «США не давят на тормоз». Выражение 踩刹车 *cǎishāchē* «жать на тормоз» использовано для описания бесконтрольности действий страны.

Параллелизм и последовательное построение основаны на одном и том же принципе расположения похожих языковых элементов, поэтому их анализ мы будем проводить совместно. Соотношение примеров параллелизма и последовательного построения в данных текстах примерно одинаковое. В следующем примере используется параллелизм: 用自己的眼睛观察世界,用自己的话语解说中国 «своими глазами посмотреть на мир, своими словами растолковать Китай». Он основан на одинаковом синтаксическом построении фраз — «предложная конструкция + сказуемое + дополнение». Последовательное построение также использует одинаковую последовательность синтаксических элементов: 动荡与变革交织,团结与分裂碰撞,机遇与挑战并存 «нестабильность и перемены переплетаются, единство и раскол сталкиваются, возможности и вызовы сосуществуют». В данном случае три раза повторяется конструкция «однородные члены предложения, соединенные союзом 与 «и», + сказуемое», что придает высказыванию большую убедительность. Стоит упомянуть, что обе стилистические фигуры могут объединять не только части одного предложения, но и нескольких абзацев. В свою очередь, это помогает создать логичную единую структуру всего высказывания или его определенной части.

Похожую функцию выполняет повтор. 朋友圈越来越广, 新朋友越来越多, 老朋友越来越铁 «Круг друзей становится все шире и шире, новых друзей становится все больше, а старые друзья становятся все надежнее и надежнее». Три раза повторяющаяся конструкция 越来越 *yuèlái yuè* «все больше и больше» способствует акцентированию внимания адресата на предложенной информации.

Важным средством речевого воздействия является антитеза. В речи представителей МИД она используется регулярно. Например: 这不是公平竞争, 而是恶意对抗 «Это не честная конкуренция, а злонамеренное противостояние». Здесь представитель МИД намеренно разделяет понятия конкуренции и противостояния, чтобы показать истинные враждебные умыслы американской стороны. Антитеза может проявляться и на уровне одного предложения: 团结与分裂碰撞 «единство и раскол сталкиваются». В данном предложении проводится грань между 团结 *tuánjié* «сплочение» и 分裂 *fēnliè* «распад». Итак, антитеза за счет контрастности своих элементов усиливает выразительность речи, а также противопоставляет действия или объекты, часто разделяя их на «правильное» и «неправильное».

Прием избегания и эвфемизмы используются при ответе на неудобные вопросы. Например: 中国既不是危机的制造者. «Китай с самого начала не являлся причиной кризиса». В данном высказывании 制造者 *zhìzào zhě* «изготовитель» можно рассматривать как эвфемизм, заменяющий значение «виноватый». Этот прием помогает сохранить образ «хорошего» Китая и не употреблять резких выражений, которые когда-то могут быть использованы против. Данное стилистическое средство воздействия позволяет преподнести информацию в более мягкой форме и в дальнейшем склонить реципиента в нужную сторону.

Из грамматических средств воздействия чаще всего встречалось личное местоимение «мы»: 对于两岸来说, 我们都有一个家, 名字叫中国. «Что касается обеих сторон пролива, у нас есть один дом по имени Китай». Употребление «нас» в этом предложении подчеркивает смысл высказывания о том, что Китай и Тайвань — одна страна. Автор намеренно объединяет эти два элемента единым обобщающим местоимением.

В речи представителей МИД также встречались различные вводные конструкции. Помимо оказания речевого воздействия, они также помогают логично выстроить выступление. Например: 但实际上, 美方的所谓“竞争”, 就是全方位遏制打压, 就是你死我活的零和博弈. «Но на самом деле так называемая “конкуренция” США — это всемерное сдерживание и подавление, игра с нулевой суммой, не на жизнь, а на смерть». Вводная конструкция «на самом деле» позволяет заострить внимание реципиента на правдивости излагаемой далее информации и опровергнуть предыдущую.

К грамматическим средствам относится использование степеней сравнения, которые в основном были выражены следующими способами. 越 или конструкцией 越来越: 中国的朋友圈越来越广 (круг друзей Китая становится все шире и шире), 多点多地出现的报道越来越多 (в большем количестве мест появляется все больше и больше сообщений), 世界上越来越多的国家走上现代化道路 (в мире все больше стран встают на путь модернизации). Также часто использовалось наречие 最: 在二十国集团缓债倡议中贡献最大 (наибольший вклад в инициативу G20 по приостановке обслуживания долгов), 保持在全球最低水平 (поддерживает самый низкий уровень

в мире), 维护最广大人民根本利益的战略 (стратегия защиты основных интересов **подавляющего большинства** людей).

Степени сравнения объяснимо влияют на восприятие слушателями речи, так как они несут экспрессивную окраску и наталкивают на нужные выводы. Например, говоря, что у Китая появляется все больше новых партнеров, мы как реципиенты даем положительную оценку этому факту, так как видим сравнение «больше = лучше».

Кроме того, в текстах выступлений мы нашли конструкции, выражающие побуждение, что является непосредственным проявлением речевого воздействия. В китайском языке побуждение передается с помощью модальных глаголов, модальных частиц или слов с семантикой побуждения. 我们必须依宪依法行事. «Мы **должны** действовать в соответствии с конституцией и законом». Императив выражен модальным глаголом 必须 *bìxū* «должен». 同时我们也呼吁其他各方共同行动, 公平分担. «В то же время мы также **призываем** другие стороны действовать сообща и справедливо делить ответственность». Как средство речевого воздействия здесь использован стандартный глагол 呼吁 *hūyù* «призывать», но сам элемент побуждения заключен в его семантическом значении.

Условные предложения также относятся к грамматическим средствам речевого воздействия: 如果美方不踩刹车, 继续沿着错误道路狂飙下去, 再多的护栏也挡不住脱轨翻车, 必然陷入冲突对抗. «Если США не нажмут на тормоза и продолжат идти по ложному пути, ничто не сможет их сдержать, и они неизбежно увязнут в конфликте и конфронтации». Данный пример демонстрирует, что условное предложение выступает в роли предупреждения и предостережения. Условные предложения воздействуют на адресата, так как сразу показывают итог выполнения или невыполнения (в этом случае) заданного условия.

Восклицательные предложения использовались довольно редко в анализируемых текстах: 欢迎更多青年朋友投身中国外交, 在风云际会的时代谱写壮丽的青春之歌! «Приглашаем еще больше молодых людей посвятить себя дипломатии Китая и по благоприятному стечению обстоятельств написать великолепную песню молодости!». Здесь восклицание применяется для усиления побудительного оттенка высказывания. 我们绝不接受! «Мы ни в коем случае не примем это!». В данном примере Цинь Ган выражает недовольство политикой угроз и санкций.

Схема. Представленность категорий средств речевого воздействия в анализируемых текстах

Оцифровав результаты исследования, мы увидели, что для политического дискурса Китая наиболее характерно применение лексических средств речевого воздействия. Второе место занимают стилистические средства, а менее употребительными оказались грамматические (см. схему).

Функции средств речевого воздействия в китайском политическом дискурсе

Количество используемых в тексте средств речевого воздействия влияет на его убедительность. Важно, что средства речевого воздействия, употребленные в уместном контексте, имеют больший шанс оказать ожидаемое воздействие на адресата. Отметим, что часть выступлений политиков, в том числе представителей МИД КНР на пресс-конференциях, заранее подготовлены. Это говорит о том, что большинство речевых средств были так или иначе определены, а значит, ожидается, что они вызовут конкретную реакцию у слушателей. Так, частота использования средств речевого воздействия в рассматриваемых нами текстах напрямую связана со степенью персуазивности.

Все виды иносказательных сравнений служат для ускорения передачи мысли адресанта. Кроме того, с помощью создания образов, эти высказывания лучше запоминаются у реципиентов, что помогает оказывать на них то или иное воздействие. Именно поэтому такие стилистические приемы являются самыми распространенными в китайском политическом дискурсе.

Стилистические средства воздействия, которые работают среди нескольких языковых единиц (параллелизм, последовательное построение и повтор), можно объединить в одну группу, так как их суть заключается в том, что через похожие элементы текста до адресата разными способами доносится одна и та же мысль либо все элементы приводят к одной мысли. Данные средства речевого воздействия являются одними из самых сильных, так как просты для восприятия. Следовательно, они часто применяются представителями китайского МИД.

Основная цель императивных предложений выражается в их апеллятивной функции, то есть в передаче мыслей адресанта, что является способом речевого воздействия. Императивные конструкции семантически связаны с коммуникативной ситуацией и участниками определенного дискурса, они являются одним из средств выражения отношения автора к действительности. Таким образом, в политическом дискурсе в конструкциях побуждения речевое воздействие реализуется посредством повеления, призыва адресата к действию.

Выводы

На данный момент в научном сообществе нет единого определения для термина «дискурс», однако существует несколько подходов к его толкованию, как в отечественной лингвистике, так и в зарубежной. В данном исследовании мы определили политический дискурс как один из наиболее персуазивных, так как его цель — завоевать и удержать власть, а также воздействовать на аудиторию с целью формирования у нее определенных необходимых актору идей, взглядов или поступков.

В современном обществе приходится часто видеть и слышать различную информацию. Знание средств речевого воздействия способствует более осознанному восприятию речи и позволяет избегать нежелательных манипуляций. Представители МИД КНР используют различные средства речевого воздействия, которые выполняют функции убеждения адресата, призыва к действию, а иногда ухода от прямого ответа. В нашей работе мы разделили их на три категории — лексические, грамматические и стилистические. Все выделенные категории средств речевого воздействия влияют на восприятие слушателями речи, так как они могут нести экспрессивную окраску, придавать дополнительный смысл, что наталкивает адресата на определенные выводы, позволяет ему быстрее и легче воспринять информацию. Поэтому такие стилистические приемы образности являются наиболее распространенными в китайском политическом дискурсе, а использование речевых средств является главным способом осуществления воздействия, а потому их изучение остается актуальным.

Таким образом, речевые средства воздействия активно используются в политическом дискурсе, так как он изначально направлен на убеждение людей в совершении определенных политических действий или принятии какой-либо точки зрения, позиции.

Список литературы / References

1. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник ННГУ. 2013. № 6—1. С. 403—409.

Akopova D. R. Strategii i taktiki politicheskogo diskursa [Strategies and tactics political discourse]. *Vestnik NNGU*, 2013, no 6—1, pp. 403—409. (In Russ.)

2. Броженко С.В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламный текстов банковских услуг) // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2011. № 3. Вып. 50. С. 11—15.

Brozhenko S. V. Strategii i taktiki rechevogo vozdejstvija v reklamnom diskurse (na materiale reklamnyj tekstov bankovskih uslug) [Strategies and Tactics of Speech Influence in the Advertising Discourse (on the Material of the Banking Service Advertising Texts)]. *Vestnik ChelGU. Filologija. Iskusstvovedenie*, 2011, no. 3, vol. 50, pp. 11—15. (In Russ.)

3. Будаева Л.А. Средства речевого воздействия. Материалы к курсу «Ораторское искусство». Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 1999. 27 с.

Budaeva L. A. Sredstva rechevogo vozdejstvija. Materialy k kursu “Oratorskoe iskusstvo” [Means of Speech Influence]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskij gosudarstvennyj universitet, 1999. 27 p. (In Russ.)

4. Ефимова С.К. Способы речевого воздействия в японском политическом дискурсе (на материале интернет-издания газеты «Mainichi Shimbun») // Современный дискурс-анализ. 2018. № 4(21). С. 9—14.

Efimova S.K. Sposoby rechevogo vozdejstvija v japonskom politicheskom diskurse (na materiale internet-izdaniya gazety «Mainichi Shimbun») [Means of Speech Influence in Japanese Political Discourse (on the Material of Internet Papers “Mainichi Shimbun”)]. *Sovremennij diskurs-analiz*, 2018, no. 4 (21), pp. 9—14. (In Russ.)

5. Кэ Ян. Исследования политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 58—63.

Ke Yang. *Issledovanija politicheskoj komunikacii v Kitae* [Research of Political Communication in China]. *Politicheskaja lingvistika*, 2011, no. 3, pp. 58—63. (In Russ.)

6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [The Basics of Discourse Theory]. Moscow: ITDGK "Gnozis", 2003. 280 p. (In Russ.)

7. Рубанова О. А. Манипулятивные формы речевого воздействия как способ достижения намерения говорящего: (на материале английского языка). Ростов-н/Д: Южный федеральный университет, 2017. 104 с.

Rubanova O. A. *Manipulativnye formy rechevogo vozdejstviya kak sposob dostizhenija namerenija govoryashhego: (na materiale anglijskogo jazyka)* [Manipulative Forms of the Speech Influence as a Way to Achieve the Intentions of the Speaker]. Rostov-na-Donu: Juzhnyj federal'nyj universitet, 2017. 104 p. (In Russ.)

8. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

Sternin I.A. *Osnovy rechevogo vozdejstviya* [Basics of Speech Influence]. Voronezh: "Istoki", 2012. 178 p. (In Russ.)

9. Чернявская В.Е. Дискурс // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. / Сибирский федеральный университет; под редакцией А.П. Сквородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 134—135.

Chernjavskaia V.E. *Effektivnoe rechevoe obshhenie (bazovye kompetencii)* [Effective Oral Communication (Basis Competences)]. Siberian Federal University; edited by A.P. Skovorodnikov. 2nd edition, revised and supplemented, Krasnojarsk: Siberian Federal University, 2014. pp. 134—135. (In Russ.)

10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособи. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

Chudinov A.P. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 256 p. (In Russ.)

11. David M. K. Language, Power and Manipulation: The Use of Rhetoric in Maintaining Political Influence. *Frontiers of Language and Teaching*, 2014, no.5(1), pp. 164—170.

12. Harris Zellig S. Discourse Analysis. *Language*, 1952, vol. 28, no. 1, pp. 1—30.

13. Van Dijk T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998. 365 p.

14. 汉语修辞学 [Chinese Stylistics]. 黎运汉, 盛永生主编. — 广州: 广东教育出版社, 2010年. — 2版 (修订本). 545 页.

15. 胡潇倩, 夏云. 政治话语隐喻及翻译——基于中国国家领导人著作的历时分析 [Metaphors and Translation of Political Discourse — Chronological Analysis based on the Writings of Chinese National Leaders] / 胡潇倩, 夏云 // 现代语言学. 2022年. 10(2). 186—194 页.

16. 文旭. 政治话语与政治隐喻 [Political discourse and political metaphor] / 文旭. // 当代外语研究. 2014年. 09. 11—16 页.

17. 岳圣滢, 姜钰. 政治修辞: 历史、理论与实践 [Political stylistics: history, theory and practice] / 岳圣滢, 姜钰. 北京第二外国语学院学报. 2021年. 第6 期. 119—135 页.

18. 中华人民共和国外交部: 例行记者会 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: Regular Press Conferences]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhs1_673025/ (accessed: 29.01.2023). (In Chinese).

中华人民共和国外交部: 例行记者会 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: Regular Press Conferences]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/jzhs1_673025/ (accessed: 29.01.2023). (In Chinese).

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

А.С. Шулика

Стилистические средства и приемы речевого воздействия в СМИ при формировании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе (на материале сайта информационного агентства «Синьхуа»)

Аннотация. Высказывания лидера США, президента Джо Байдена, пользуются большой популярностью среди других политиков, представителей СМИ и у широких масс населения. В условиях экономического конкурирования КНР и США в настоящее время все большее внимание китайских СМИ уделяется новостям, связанным с образом и личностью американского лидера. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что результаты могут быть использованы для формирования эффективных стратегий политической коммуникации, понимания национально-культурных особенностей изучаемых стран и их представителей. Цель работы состоит в изучении и классификации стилистических средств и приемов речевого воздействия СМИ при создании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе на материалах информационного агентства «Синьхуа».

Статья посвящена средствам формирования образа политика в рамках современного президентского дискурса на примере образа президента США Дж. Байдена и рассмотрена в рамках политического дискурса на базе китайских СМИ. В рамках работы были использованы методы обобщения, анализа, сравнения, количественной обработки, а также когнитивный метод и критический дискурс-анализ, методы обобщения репрезентаций, количественной обработки, которые позволяют создать многоуровневое семантическое пространство образа-концепта «политик». На основе рассмотренного языкового материала будет создана семантическая модель образа политика.

В ходе работы были описаны и проанализированы основные стилистические средства, а также приемы речевого воздействия, применяемые китайскими СМИ. К стилистическим средствам были отнесены метафоры, эпитеты, эвфемизмы, гипербола, лексический повтор, метонимия и другие. Рассмотренными приемами речевого воздействия стали сравнения, оформление заголовков, цитирования, ссылки на источники и другие. Итогом проделанной работы стали выводы относительно частотности использования данных методов и приемов и их эффективности. Были приведены конкретные примеры из статей, посвященных внешней и внутренней политике президента США.

Ключевые слова: политический портрет, лингвополитическая персонология, риторика, приемы речевого воздействия, Джо Байден, президентский дискурс, политическая риторика.

Автор: Шулика Александра Сергеевна, бакалавр по специальности востоковедение и африканистика, студент ИИЯ, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия. ORCID: 0009-0003-5207-5872.
E-mail: Aleksandrina30@icloud.com

Для цитирования: Шулика А.С. Стилистические средства и приемы речевого воздействия в СМИ при формировании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе (на материале сайта информационного агентства «Синьхуа») // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 107—117. DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.67.010.

Shulika A.S.

Stylistic ways and speech impact techniques using in media for forming the image of J. Biden in Chinese political discourse (based on materials from the Xinhua News Agency)

Abstract. Joe Biden’s statements are highly popular among other politicians, media representatives, and public in general. Nowadays during economic competition between China and the USA, Chinese media are paying increasing attention to news related to the image and personality of the American leader. The relevance of this research lies in the fact that the results can be used to form effective strategies of political communication, understand the national peculiarities of the studied countries and their representatives.

The aim of this work is to study and classify the stylistic ways and speech techniques used by the media in creating the image of J. Biden in Chinese political discourse, based on materials from the Xinhua news agency. This article is devoted to the means of shaping the image of a politician within the framework of contemporary presidential discourse, using the example of the image of the US President J. Biden, and it is examined within the framework of political discourse based on Chinese media. The methods of generalization, analysis, comparison, quantitative processing, as well as cognitive method and critical discourse analysis, were used in this work, methods of generalization of representations, quantitative processing, which will allow creating a multilevel semantic space of the image-concept “politician”.

During the work, the main stylistic ways and speech techniques used by Chinese media were described and analyzed. Metaphors, epithets, euphemisms, hyperbole, lexical repetition, metonymy, and others were considered as stylistic ways. The analyzed speech techniques included comparisons, headline formatting, quotations, references, and others. The results of this work are conclusions regarding the frequency of use of these methods and techniques and their effectiveness. Specific examples from articles on the US President’s foreign and domestic policies were provided.

Keywords: political discourse, political portrait, linguopolitical personology, rhetoric, techniques of speech influence, Joe Biden.

Author: *Shulika Aleksandra Sergeevna*, Bachelor of oriental studies, student Institute of foreign languages, Moscow City University. Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0003-5207-5872. E-mail: Aleksandrina30@icloud.com

For citation: Shulika A. S. Stylistic ways and speech impact techniques using in media for forming the image of J. Biden in Chinese political discourse (based on materials from the Xinhua News Agency). *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 107—117. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.67.010.

Введение

В настоящее время власть правительства и президента играет значительную роль в жизни государства и граждан. Именно поэтому ученые из разных областей занимаются изучением вопросов, связанных с политикой и политической коммуникацией в целом, а также описанием образа политического деятеля в рамках политического дискурса.

Высказывания лидера США, президента Джо Байдена, пользуются большой популярностью среди других политиков, представителей СМИ и у широких масс населения. В условиях экономического конкурентирования КНР и США в настоящее время все большее внимание китайских СМИ уделяется новостям, связанным с образом и личностью американского лидера. Исследования в области политического дискурса необходимы для выявления специфики рассматриваемых стран и нахождения возможности для межцивилизационного диалога. Политическая лингвистика изучает различные аспекты политической коммуникации и позволяет находить взаимосвязь между политическими высказываниями, образом политика и отношением граждан к результатам решения какого-либо политического вопроса. Результаты исследования в области лингвистической персонологии и президентского дискурса могут быть использованы для формирования эффективных стратегий политической коммуникации, понимания национально-культурных особенностей изучаемых стран и их представителей.

Цель исследования состоит в изучении и классификации стилистических средств при создании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе на материалах информационного агентства «Синьхуа», а также в рассмотрении приемов речевого воздействия СМИ.

В современном мире политический дискурс имеет большую ценность, а образ политического лидера — это важный и крайне необходимый аспект, требующий изучения и анализа для достижения поставленных государством задач. В рассматриваемом исследовании были проанализированы стилистические средства, которые используются при создании образа политика, а также изучены приемы речевого воздействия в СМИ, используемые при формировании образа Дж. Байдена.

Методы и материалы

В ходе исследования языкового образа политического лидера на основе статей информационного агентства Синьхуа в рамках работы были использованы методы обобщения репрезентаций, количественной обработки, которые позволили создать многоуровневое семантическое пространство образа-концепта «политик».

Источником языкового материала данной работы стал официальный сайт китайского информационного агентства Синьхуа [1].

Было проанализировано десять статей базы Синьхуа, в которых фигурирует имя президента США Джо Байдена.

Темы проанализированных статей варьируются от результатов работы американского правительства до отношений США с Россией, Украиной, Китаем. Период публикации статей — начало 2021—2023 гг.

Анализ

Стилистические средства при формировании образа Дж. Байдена

С января 2021 г. Джо Байден является действующим президентом Соединенных Штатов Америки, на мировой арене его мнение считается авторитетным, поэтому изучение образа политика в контексте политического дискурса на базе крупного китайского информационного агентства «Синьхуа» представляется интересным для изучения.

«Синьхуа» — крупнейшее государственное информационное агентство в Китае, которое в своих материалах рассказывает о событиях, происходящих в стране и мире. Оно использует разнообразные языковые средства для формирования образов политических деятелей. Благодаря стилистическим приемам у граждан КНР создается собственное мнение относительно того или иного события.

В рамках работы были рассмотрены следующие стилистические приемы: эпитеты, эвфемизмы, метонимия и чэньюю.

Проанализировав эпитеты, мы отметили, что чаще всего информационное агентство делает акцент на отрицательных моментах политики американского лидера. Несмотря на тематические различия в статьях, положительные эпитеты довольно редко фигурируют в материалах. «Синьхуа» применяет данное лексическое средство для того, чтобы придать образность и выразительность высказыванию через простую и понятную читателям форму. Рассмотрим некоторые примеры:

«...两党在医保、堕胎权、枪支暴力等问题上...» [6].

«*Две партии в вопросах медицинского страхования, права на аборт и насилия с применением огнестрельного оружия и много другом.*»

При помощи эпитетов эксперты подчеркивают серьезные разногласия в ряде вопросов относительно применения огнестрельного оружия в США и ставят их в один ряд с такими проблемами, как медицинское страхование, право на аборт.

«...乌克兰危机等因素引发的经济困局“疯狂”加息...» [6].

«*Экономический кризис, вызванный такими факторами, как ситуация в Украине и пр., привел к безумным повышениям процентных ставок.*»

«...多种商品价格同比涨幅惊人...» [6].

«...Рост цен на многие товары по сравнению с прошлым годом поражает...».

Данные эпитеты были использованы журналистами для того, чтобы показать серьезность экономических трудностей, вызванных украинским кризисом и эпидемией коронавируса.

«...拜登此次面对的是参众两院分属两党的“分裂”国会...» [6].

«*В этот раз Байден столкнулся с расколом Сената и Палаты представителей в Конгрессе...*».

«Синьхуа» пишет о том, что Байден в своем выступлении пропагандировал экономические результаты, но скрыть реальность высокой инфляции в стране и нарастающего риска экономического спада было сложно. Рассмотрев данный пример, можно отметить использование иронической оценки в отношении американского лидера. Уместность применения лексического тропа в рамках президентского дискурса поддерживается не всеми учеными-лингвистами.

«...拜登政府处理手法“不透明”...» [6].

«...методы работы правительства Байдена **непрозрачны**...».

Подобное выражение рассматривается в переносном значении и показывает, что правильность того или иного факта ставится под сомнение. В статье подобным образом оценивается политическая деятельность администрации Джо Байдена.

«...拜登存放密件的车库**不结实**...» [6].

«...место, где хранятся секретные документы Джо Байдена, **недостаточно прочное**...».

Данный эпитет был применен при цитировании Дональда Трампа в вопросе небрежного отношения Джо Байдена к государственным документам. Вместо нейтрального слова «небезопасный» информационное агентство применяет стилистически окрашенное сочетание для того, чтобы подчеркнуть негативное отношение к рассматриваемой проблеме.

Из представленного материала можно сделать вывод, что в рамках текущей политической ситуации китайские СМИ используют эпитеты, характеризующие действия правительства и президента США как провокационные и неоднозначные.

В рассмотренных нами материалах присутствуют метафорические конструкции, которые добавляют эмоциональную окраску. Как и Цатурян М.А. [4] мы считаем, что применение метафор при составлении образа политического деятеля способствует получению информации реципиентом через простую и понятную форму, что, в свою очередь, влияет на оценку того или иного события и образа политика в целом. Так как отличительной особенностью новостных материалов является объективность и минимальное использование тропов, описание деятельности через метафоры в средствах массовой информации встречается редко, однако нам удалось выделить некоторые случаи. Например,

«...民主党版本的私留密件**风波**...» [7].

«...**скандал** с утечкой секретной информации по версии Демократической партии...».

В контексте ситуации с секретными документами данная метафора может трактоваться как «спор, конфликт, беспорядок, скандал, утечка». Образное выражение имеет отрицательный характер, поэтому в ходе политического дискурса складывается неоднозначное впечатление о деятельности Джо Байдена. Фраза *风波 fēng bō* впервые была использована Лу Синем в 1920 г. в рассказе «Буря в стакане воды», в котором показана закрытая, невежественная и консервативная атмосфера сельской местности Китая после революции 1911 г.

«...拜登支持率“**自由落体式**跌落”...» [9].

«...находящиеся в **свободном падении** рейтинги поддержки Байдена...».

Данный лексический прием использован для акцента на факте быстрого и значительного снижения рейтинга поддержки гражданами Джозефа Байдена. «Синьхуа» сравнивает положение политика с падением.

«...混乱糟糕的抗击新冠疫情斗争...» [9].

«...беспорядочная и отератительная борьба с пандемией COVID-19...».

Образное выражение подчеркивает недостаточно эффективную работу правительства Байдена в вопросах борьбы с COVID-19 и контроля напряженной обстановки с расовым вопросом, которая привела к отсутствию порядка в США.

Другим интересным для изучения и анализа лексическим приемом является употребление чэньюев. В данной работе под этим термином понимается «фразеологическая, связанная устойчивая лексико-синтаксическая единица современного китайского языка» [Чэнь Шуан, 2007, с.23]. Приведем примеры использования:

«...全球能源紧张中“渔利”¹...» [6].

«...извлечение выгоды из напряженного состояния энергетики во всем мире...».

«Синьхуа» пишет о признании Байденом «извлеченной выгоды» энергетическими компаниями США благодаря мировой энергетической напряженности, которая была вызвана украинским кризисом. Фигурирование чэньюев характерно для китайских СМИ, так как они помогают китайской публике понять политические события через знакомую форму. Кроме того, чэньюи позволяют выразить определенную мысль или идею кратко и емко, что особенно важно при написании коротких информационных текстов.

«...民众不堪重负...» [6].

«...тяжелое бремя для населения...».

Чэньюй описывает рост цен в США и, как результат, сложное экономическое положение граждан.

Мы отметили, что использованные образные выражения отражают негативную оценку «Синьхуа» при формировании образа президента США.

Следующим анализируемым тропом является эвфемизм. В рамках политического дискурса такой прием используется СМИ для избегания конфликтов и более спокойного тона повествования. Эвфемизмы часто используются «Синьхуа» в отношении вопросов смерти, инвалидности, расовых проблем и других тем, связанных с социальными табу. Рассмотрим эвфемизмы в статьях, посвященных президенту США.

«...涉嫌离任后处理密件不当...» [4].

«...подозрения в **неправомерной обработке** конфиденциальных документов после ухода с должности...».

Эвфемизм осторожно выражает подозрение демократов в виновности Дональда Трампа, не обвиняя его прямо в совершении преступления, тем самым выражая поддержку политике Джо Байдена.

«...不是特别的事件...» [4].

«...не являться **особым событием**...».

«...俄方有自己的**优先任务**...» [4].

«...у российской стороны есть свои **приоритетные задачи**...».

¹ Сокращенная версия чэньюя: 渔翁之利 — «выгода рыбака». — Прим.авт.

В контексте политического дискурса эвфемизмы фактически указывают на то, что встреча представителей НАТО, ЕС и Украины не имеет большого значения для России. Китайское информационное агентство подчеркивает необходимость решения Россией ряда других, более важных, чем данная встреча, задач.

В рассмотренных статьях фигурируют слова и фразы, которые помогают заменить термин в прямом значении, а также уменьшают важность и серьезность происходящего события или действий сторон.

Мы отметили, что информационное агентство «Синьхуа» также применяет метонимию при составлении концепта образа политика. Под метонимией мы рассматриваем «троп, словосочетание, в котором одно слово заменяется другим, обозначающим предмет (явление), находящийся в той или иной связи с предметом, который обозначается заменяемым словом. Замещающее слово при этом употребляется в переносном значении» [Ожегов, 2012, с.584]. Например,

«...“北溪”管道的爆炸是一起由**白宫**下令...» [7].

«...Взрыв на газопроводе “Северный поток” был произведен по приказу **Белого дома**...».

В отрывке «Синьхуа» описывает аварию, которая произошла на трубопроводах «Северный поток-1» и «Северный поток-2», передающих энергию из России в Германию 26 сентября 2022 года. Метонимией здесь является «Белый дом», который представляет собой не официальную резиденцию, а деятельность политиков и президента США.

Как видно, наиболее часто авторы информационного агентства «Синьхуа» описывают происходящие события посредством эпитетов и эвфемизмов, чэньюев, реже — метафор и метонимии.

Мы отметили, что в статьях «Синьхуа» отсутствуют лексические повторы, гипербола, инверсия и другие приемы. В зависимости от политической обстановки и задач были применены приемы, отражающие сомнения в политике Джо Байдена, акцентирующие внимание на неудачных политических действиях или выделении границ компетенции.

Приемы речевого воздействия в СМИ при формировании образа Дж. Байдена

Как известно, в рамках политического дискурса одной из главных задач СМИ является формирование общественного мнения относительно какого-либо события в стране, поэтому представляется интересным изучение приемов речевого воздействия, которые используются журналистами «Синьхуа» при написании статей, связанных с деятельностью Джо Байдена.

Под приемом речевого воздействия в СМИ имеется в виду «частное, конкретное средство решения задачи оказания речевого воздействия на массовую аудиторию» [1, с. 18].

Наиболее часто журналисты китайского информационного агентства применяют приемы, которые связаны с аргументированным комментарием и объективной оценкой происходящих политических событий посредством ссылок на источники и авторитетное мнение. Рассмотрим несколько примеров:

«据**劳工部**数据...» [6].

«По статистике **Министерства труда**...».

«...据英国《泰晤士报》报道...» [7].

«...по сообщению британской газеты «Таймс» ...».

«...西班牙《世界报》网站11月3日发表...» [9].

«...испанское издание «El Mundo» опубликовало статью на своем сайте 3 ноября ...».

Благодаря ссылкам на компетентные источники «Синьхуа» усиливает эффект воздействия на читателя и вызывает доверие у аудитории.

Чаще всего «Синьхуа» использует мнение политиков, экономистов и других экспертов. Например, представителя Секретной службы Энтони Гульельми, который заявил, что дом Байдена в Уилмингтоне является частной резиденцией, поэтому Секретная служба не будет вести учет его посетителей.

Благодаря экспертному мнению в рамках политического дискурса повышается убедительность слов СМИ и объясняются рациональные причины действий, что влияет на последующее составление политического образа политика.

Цитирование является неотъемлемым приемом воздействия, который использует «Синьхуа». Журналисты все чаще применяют авторитетное мнение для достижения своих коммуникативных и стилистических целей. Например,

«...美国反战人士和时政评论家吉米·多尔近期表示...» [6].

«...недавно американский антивоенный активист и политический обозреватель Джимми Доул заявил...».

Сюда же можно отнести точки зрения президента Франции Эммануэля Макрона и пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова:

«...法国总统马克龙去年10月就曾公开指...» [6].

«...президент Франции Эммануэль Макрон в октябре прошлого года публично заявил...».

«...佩斯科夫21日接受“俄罗斯第一频道”采访时说...» [8].

«...В ходе интервью на «Первом канале» Дмитрий Песков заявил...».

Было установлено, что чаще журналисты ссылаются на мнения оппонентов Джо Байдена. Например, «Синьхуа» цитирует республиканца Джеймса Комера, председателя комитета Палаты представителей по надзору и подотчетности. Политик отмечает, что методы обращения администрации Байдена были «непрозрачными». Информационное агентство также приводит мнение Дональда Трампа, который уверен, что место, в котором Байден хранил секретные документы, было «ненадежным, не запертым, небезопасным». Мы считаем, что использование мнения высших должностных лиц позволяет рассмотреть образ Джо Байдена более объективно.

Трактовка ключевых понятий и оценка происходящих событий также может быть рассмотрена как метод речевого воздействия в СМИ. Использование такого метода, основанного на проявлении категории субъективной модальности, позволяет представить политические события в выгодном для авторов статьи положении. Приведем пример:

«...触及这条“红线”，意味着美国财政部借款授权用尽...» [6].

«...касание этих красных линий означает, что полномочия Министерства финансов США на получение займов исчерпаны...».

Данный прием позволяет «Синьхуа» выразить свою оценку (как объективную, так и субъективную) и подчеркнуть трудность экономического положения США.

Следующим приемом является сравнение. Например,

«...共和党人把拜登在私人场所存放密件与特朗普在佛罗里达州海湖庄园存放超过100份密件相提并论» [7].

«...республиканцы **сравнивают** хранение Байденом конфиденциальных документов в личном помещении с хранением Трампом более 100 конфиденциальных документов в своей вилле на побережье Флориды...».

Благодаря данному примеру можно сделать вывод о том, что политическое положение Байдена на момент публикации статьи было нестабильным, что могло повлиять на падение рейтинга поддержки гражданами.

«...拜登等民主党人参与债务上限谈判“踢出了开场球”...» [6].

«...Байден и другие демократы, участвующие в переговорах по установлению предела государственного долга, «забросили первый мяч» ...».

Данное сравнение означает начало действия или события, похожего на первый забитый мяч во время футбольного матча. В контексте статьи прием используется для описания важности участия демократов в переговорах по вопросу предельного размера государственного долга, так как переговоры — первый шаг к решению проблемы.

Другим сравнением является мнение демократической партии, которая подчеркнула, что у президентов было разное отношение к «признанию ошибок»: Байден проявил инициативу по передаче конфиденциальных документов, в то время как Трамп неоднократно отказывался сотрудничать с расследованием Министерства юстиции.

Использование приема сравнения в рассмотренных статьях позволяет авторам проиллюстрировать различия в действиях и мнениях политических лидеров, а читателям получить более обширное представление о политической ситуации в США.

Важным приемом речевого воздействия в СМИ является приведение статистических данных и фактологии. Рассмотрим некоторые примеры:

«...美国媒体本月15日发表对副总统哈里斯的采访...» [10].

«...интервью с вице-президентом Камалой Харрис, опубликованное в американских СМИ 15 февраля...».

«...拜登最终决定在2022年6月的北约海上演习期间...» [11].

«...в итоге Байден решил провести военно-морское учение НАТО в июне 2022 года...».

Следующим важным приемом речевого воздействия является оформление и формулирование заголовков медиатекстов. Использование данного приема информационным агентством можно проследить в сочетании с неречевым воздействием (цвет шрифта заголовка, его размер).

В материалах «Синьхуа» чаще всего применяются конспективные заголовки, которые в одном предложении отражают основную проблематику текста. Например,

«拜登说将尽全力从阿富汗撤出美国公民和阿伙伴» [10].

«Байден заявил, что будут приложены все усилия для эвакуации граждан США и союзников из Афганистана».

«美国总统拜登签署《通胀削减法案》» [11].

«Президент США Байден подписал «Закон о сокращении инфляции».

Мы также отметили наличие в материалах информационно-троповых заголовков. Рассмотрим следующий пример:

«Байден в исполнении «**成绩单**»究竟如何» [6].

«Каковы же **«результаты»** правления Байдена?»

Так, в данном заголовке был не только назван поднимаемый в новостном материале вопрос, но и добавлен художественно-экспрессивный троп — метафора.

В проанализированных нами статьях не было отмечено использование информационно-концептуальных заголовков.

Таким образом, приемами речевого воздействия в рассмотренных статьях являются сравнения, ссылки на источники, экспертное мнение, цитирования, выдвижение отдельных фрагментов текста (заголовков). Применение данных тропов оправдано и позволяет составить политический образ президента с точки зрения китайских СМИ в зависимости от происходящих в мировом сообществе событий.

Выводы

Из анализа статей в базе «Синьхуа» о президенте США Джо Байдене можно сделать вывод о том, что журналисты информационного агентства применяют разнообразные стилистические средства, а также приемы речевого воздействия для формирования образа политика.

Языковые средства позволяют усилить выразительность высказываний и вызвать определенные эмоции у читателей, а также произвести необходимое СМИ воздействие того или иного события на мнение аудитории.

В статьях нами было отмечено употребление негативных тропов, что свидетельствует о противоречивом отношении журналистов «Синьхуа» к политической деятельности Джо Байдена. Несмотря на то, что в материалах не используются гиперболы и другие яркие лексические приемы, информационное агентство успешно передает свою точку зрения на мировые события и политическую деятельность американского лидера.

«Синьхуа» применяет приемы речевого воздействия для формирования общественного мнения относительно политических событий, связанных с деятельностью Джо Байдена. К таким приемам относятся ссылки на компетентные источники, мнения экспертов, цитирование оппонентов Джо Байдена, трактовка ключевых понятий и оценка происходящих событий, сравнение, а также оформление и формулирование заголовков медиатекстов. Использование данных приемов позволяет авторам «Синьхуа» создавать более убедительный и объективный образ Джо Байдена.

Список литературы / References

1. Глинчевский Э.И. Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 18—27.

Glinchevskij E. I. Sredstva rechevogo vozdejstviya v yazyke SMI [Means of speech influence in the language of mass media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhu'kulturnaya kommunikaciya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2005, no. 4, pp. 18—27. (In Russ.)

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. 1376 с.

Ozhegov S. I. Tolkovyiĭ slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniiĭ [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions], ed. by L. I. Skvorcova. Moscow: ONIKS-LIT, Mir i Obrazovanie, 2012. 1376 p. (In Russ.)

3. Сайт информационного агентства «Синьхуа» 新华社. URL: <http://xinhuanet.com> (дата обращения: 20.04.2023).

Website of the Xinhua News Agency. URL: <http://xinhuanet.com> (accessed: 20.04.2023).

4. Цатурян М.А. Дискурсивный характер языковой личности в политическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 2(237). С. 91—95.

Caturyan M. A. Diskursivnyĭ karakter yazykovoj lichnosti v politicheskom diskurse [The discursive nature of the linguistic personality in political discourse], *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History], 2019, no. 2(237), pp. 91—95. (In Russ.)

5. Чэнь Шуан. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньшуй на продвинутом этапе языкового вуза. Автореф ... канд. пед. наук. Иркутск, 2007. 23 с.

CHEN' SHUAN. Metodika obucheniya studentov ponimaniyu i interpretacii kitaj'skikh idiom chen"yui na prodvinutom etape yazykovogo vuza [Methods of teaching students to understand and interpret the Chinese idioms of Chengyu at an advanced stage of a language university]. Avtoref ... kand. ped. nauk. Irkutsk, 2007. 23 p. (In Russ.)

6. Байденав執政“成績單”究竟如何. URL: http://www.news.cn/2023-02/08/c_1129348725.htm (дата обращения: 12.03.2023).

7. 保留密件風波白宮接招稱拜登私宅無訪客記錄. URL: http://www.news.cn/world/2023-01/17/c_1211719573.htm (дата обращения: 12.03.2023).

8. 最新动态: 俄称拜登访乌不会影响俄方政策, 拜登表示美波关系“至关重要”. URL: http://www.news.cn/2023-02/22/c_1129387969.htm (дата обращения: 24.05.2023).

9. 西媒文章: 拜登支持率“自由落体式跌落”. URL: http://www.news.cn/2023-02/13/c_1129362291.htm (дата обращения: 03.03.2023).

10. 拜登说将尽全力从阿富汗撤出美国公民和阿伙伴. URL: http://m.xinhuanet.com/2021-08/21/c_1127782641.htm (дата обращения: 14.04.2023).

11. 美国总统拜登签署《通胀削减法案》. URL: http://www.news.cn/2022-08/17/c_1128923061.htm (дата обращения: 06.04.2023).

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.

DOI: 10.48647/ICCA.2023.37.34.006

Т.М. Мамахатов, А.Ч. Мокрецкий

Круглый стол

«Россия и Китай в Евразии: вызовы и перспективы двустороннего и многостороннего взаимодействия»

Авторы: *Мамахатов Тлеш Муратович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и Современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и Современной Азии РАН, Москва, Россия. ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Для цитирования: Мамахатов Т.М., Мокрецкий А.Ч. Круглый стол «Россия и Китай в Евразии: вызовы и перспективы двустороннего и многостороннего взаимодействия» // Современная Азия: политика, экономика, общество, 2023. № 1. С. 118—123. DOI: 10.48647/ICCA.2023.37.34.006.

Mamakhatov T.M., Mokretskii A.Ch.

Round Table “Russia and China in Eurasia: Challenges and Prospects of Bilateral and Multilateral Cooperation”

Authors: *Mamakhatov Tlesher Muratovich*, PhD (Economics), Leading Researcher, Center for “Russia, China and World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0001-7212-6831. E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Mokretskii Alexander Cheslavovich, Senior Researcher, Center for “Russia, China and World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

For citation: Mamakhatov T. M., Mokretskii A. Ch. Round Table “Russia and China in Eurasia: Challenges and Prospects of Bilateral and Multilateral Cooperation”. *Modern Asia: Politics, Economy, Society*, 2023, no. 1, pp. 118—123. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2023.37.34.006.

Центром «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН 14 апреля 2023 г. был организован Круглый стол «Россия и Китай в Евразии: вызовы и перспективы двустороннего и многостороннего взаимодействия».

Мероприятие открылось приветственной речью директора ИКСА РАН, д.филолог.н. **К.В. Бабаева**, который подчеркнул возросшую важность исследований, связанных с внешней политикой КНР, состоянием и перспективами российско-китайских отношений, отметил актуальность эффективной «экспертной отдачи» по результатам обсуждений.

Участники с большим вниманием выслушали выступление чрезвычайного и полномочного посла, посла по особым поручениям МИД РФ, и.о. заведующего кафедрой дипломатии МГИМО **К.М. Барского**. В докладе были проанализированы итоги недавних российско-китайских переговоров в ходе визита в РФ председателя КНР, на этой основе акцентированы основные задачи дальнейшего развития стратегического партнерства двух стран, включая необходимость более тесной координации по вопросам международной политики.

В ходе круглого стола с докладами выступили д.и.н., профессор РАН, заместитель директора, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН, г.н.с. ИКСА РАН **А.В. Ломанов**, к.и.н., заместитель директора ИКСА РАН **С.В. Уянаев**, Почетный доктор ИКСА РАН, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, заслуженный работник культуры РФ **Г.В. Куликова**, к.э.н., в.н.с. ИКСА РАН **Е.И. Сафронова**, д.полит.н., г.н.с. ИКСА РАН **В.Е. Петровский**, к.и.н., в.н.с. ИКСА РАН **А.С. Давыдов**, к.и.н., в.н.с., руководитель Экспертно-аналитического Центра Восточной и Юго-Восточной Азии ИКСА РАН, доцент НИУ ВШЭ **А.О. Виноградов**, к.и.н., н.с. ИКСА РАН **А.В. Бредихин**, к.э.н., в.н.с. ИКСА РАН **М.В. Александрова**, к.и.н., в.н.с. ИКСА РАН **А.С. Исаев**, к.э.н., в.н.с. ИКСА РАН **Т.М. Мамахатов**, к.и.н., с.н.с. ИКСА РАН **И.С. Виноградов**, к.э.н., в.н.с. ИКСА РАН **С.Л. Сазонов**, с.н.с. ИКСА РАН **А.Ч. Мокрецкий**, к.э.н., в.н.с. ИКСА РАН **В.А. Матвеев**, к.воен.н., в.н.с. ИКСА РАН **А.Ф. Клименко**, к.воен.н., в.н.с. ИКСА РАН **Ю.В. Морозов**.

В рамках двух базовых тематических блоков докладчики и участники дискуссий осветили следующие вопросы: основные направления текущей внешней политики КНР и нынешний этап российско-китайских отношений по итогам визита председателя КНР Си Цзиньпина в РФ 20–22 марта; особенности взаимодействия двух стран по глобальным и региональным вопросам, включая проблематику Центральной Азии, Восточной Европы и Евразии в целом; задачи и перспективы сотрудничества в практических областях, в том числе в сферах экономики, энергетики, культурно-гуманитарных связей.

Современным внешнеполитическим концепциям России и Китая был посвящен доклад **А.В. Ломанова**. По мнению автора, обе концепции объединяет общее признание глубоких изменений, происходящих в современном мире. РФ и КНР признают объективный характер процесса смещения центра глобального развития с Запада на Восток. Китайская сторона акцентирует внимание на перспективах взаимодействия ЕАЭС с инициативой «Пояс и Путь». Сохраняя преемственность и признавая непоколебимый авторитет идей Си Цзиньпина

о дипломатии, китайская внешняя политика продвигает новые концепции и взгляды.

С.В. Уянаев представил основные концептуальные и практические наработки современной китайской дипломатии на примере текстов XX съезда КПК и выступлений предыдущего (Ван И) и нынешнего (Цинь Ган) министров иностранных дел КНР.

Г.В. Куликова выступила с сообщением на тему «О роли китайской народной дипломатии в продвижении позиций КНР на международной арене».

В докладе **Е.И. Сафроновой** исследуется значение и роль Китая в построении нового многополярного миропорядка. Автор описывает общую концепцию миропорядка, этапы формирования современной идеи многополярности; перечисляет условия реального перехода к многополярной структуре «зрелых» международных отношений, специфику и риски для Китая при формировании многополярности, а также излагает свои взгляды на краткосрочные перспективы, и долгосрочные прогнозы многополярности.

В.Е. Петровский и студент РУДН **А.С. Петрушин** проанализировали мирный план из 12 пунктов и Глобальную инициативу безопасности КНР. По мнению **В.Е. Петровского**, положения китайского плана созвучны российскому видению будущего мирного урегулирования на Украине и отражают так называемый «Доброжелательный нейтралитет» Китая в украинском вопросе: для Пекина важно как отстаивать принцип территориальной целостности в контексте противодействия сепаратистским проявлениям в отдаленных провинциях страны, так и поддерживать стратегические партнерские отношения и всестороннее сотрудничество с Россией.

А.С. Давыдов охарактеризовал сценарии взаимоотношений в «треугольнике» «Россия—Китай—США» с учетом текущей геополитической ситуации. Существующие противоречия между США, с одной стороны, и Россией—Китаем, с другой, делают ее (ситуацию) нестабильной и шаткой и могут привести к развязыванию мировой войны. Чтобы избежать этого, не следует прекращать поиск путей улучшения отношений внутри «треугольника», имея в виду, что оптимальная структура будущего миропорядка является единственной формой цивилизованного сосуществования различных государственных систем в современном мире.

В докладе **А.О. Виноградова** была дана оценка современным отношениям Китая с Европейским союзом, переживающим трудные времена. Соглашение о всеобъемлющей инвестиционной корпорации (СІС) еще не было подтверждено. Фактически формат «17+1» рухнул и не функционирует (во многом из-за противодействия стран Балтии, Чехии, Польши и других лояльных союзников США в регионе). Достигнутые инвестиционные соглашения, в частности по итальянским и немецким портам, не выполняются. Прошлогодний визит канцлера Германии О. Шольца закончился неудачей, но недавний визит президента Франции Э. Макрона в Китай можно считать очень успешным.

А.В. Бредихин посвятил выступление агломерациям в системе трансграничья России и Китая. Автор убежден, что развитие наднациональных интеграционных проектов невозможно без трансграничного сотрудничества приграничных регионов и муниципалитетов. Этот принцип лег в основу создания Европейского сою-

за в знак солидарности с концепцией «Европа регионов». Это также было взято за основу для создания трансграничных образований Российской Федерации со странами постсоветского пространства в рамках Евразийского экономического союза и Китая. В то же время Россия открыта для других моделей трансграничного сотрудничества, некоторые из которых можно почерпнуть из опыта сотрудничества НАФТА—США—Канада и США—Мексика. В рамках исследования, путем сравнительного анализа и исследования устоявшихся практик были определены перспективы использования опыта трансграничного сотрудничества НАФТА для приграничных районов ЕАЭС и Китая.

В докладе **М.В. Александровой** дается оценка российско-китайским межрегиональным экономическим связям в ковидный и постковидные периоды на примере китайской провинции Хэйлунцзян. Несмотря на свое выгодное положение, доля Хэйлунцзяна в торговле с Российской Федерацией в общем объеме двустороннего товарооборота за последнее десятилетие сокращалась. Перед Хэйлунцзяном стоит задача углубления сотрудничества с Россией, чему способствует наличие 15 пограничных переходов. С одной стороны, власти Хэйлунцзяна постоянно подчеркивают необходимость расширения торгово-экономического сотрудничества с Россией, а с другой стороны, они крайне опасаются вторичных санкций со стороны Запада, если сотрудничество станет слишком заметным.

А.С. Исаев охарактеризовал текущее состояние и перспективы российско-китайского гуманитарного взаимодействия.

Во время работы второй секции авторы докладов сконцентрировались на теме положения России и Китая в условиях развития региональных проблем и вопросов безопасности в рамках ШОС.

Т.М. Мамахатов охарактеризовал роль Китая в решении проблем стран ШОС. Одним из примеров роста влияния КНР в регионе является сотрудничество с Афганистаном. После поражения ряда мировых держав в этом регионе (Персии, Британской империи, СССР и США), Китай следующим берет на себя роль «усмирителя» Кабула. Но в отличие от предшественников основывается на равноценных, взаимоуважительных отношениях.

Кроме того, усиливается влияние КНР на страны Центральной Азии (ЦА). Проведенный 20—21 мая 2023 г. саммит «Китай — Центральная Азия» показал, что Пекин, отодвигая позиции России на задний план, проводит экономическую экспансию и распространяет «мягкую силу» в регионе. Взяв в орбиту своих политических интересов соседние страны ЦА, попутно реализовывая как инициативу «Пояса и Пути», так и получая доступ к обширным запасам углеводородных ресурсов этого региона, взамен выстраивает инфраструктуру и решает проблемы общего развития стран ЦА.

Выступление **И.С. Виноградова** было посвящено сотрудничеству Китая со странами Северной Африки. Были рассмотрены современное состояние и перспективы развития отношений, а также усиливающаяся позиция КНР в этом регионе. На сегодня можно сказать, что сотрудничество развивается как на двусторонней основе, достигая уровня всеобъемлющего стратегического партнерства с Египтом и Алжиром и стратегического партнерства с Марокко, так и в многосто-

роннем формате в рамках форумов Китай—Африка и форума сотрудничества Китая и арабских государств.

В силу своего географического положения Северная Африка имеет стратегическое значение в реализации китайской инициативы «Пояса и Пути», маршрут которой проходит через Суэцкий канал в Средиземное море. Все пять североафриканские страны подписали меморандумы о взаимопонимании по присоединению к ИПП.

С.Л. Саонов продолжил тему китайской экспансии в новые регионы и осветил тему сотрудничества КНР со странами Ближнего Востока в сфере энергетики. Ключевое место в взаимном сотрудничестве в регионе играет реализация инициативы «Пояс и Путь», взаимодействие в транспортной и энергетической сферах. Китай и арабские страны совместно осуществили более 200 совместных крупномасштабных проектов в области инфраструктуры и энергетики, начиная с разработки китайской компанией Power China морских объектов для мега-верфи King Salman International Complex в эмирате Рас-эль-Хайма и заканчивая открытием прямого судоходства между Китаем и эмиратом Аджман. Одним из недавних проектов в области энергетики между Китаем и Катаром стало введение в эксплуатацию 1 октября 2022 г. фотоэлектрической электростанции Аль-Харса в Катаре, которая стала ключевым проектом в реализации стратегии Qatar National Vision 2030. Электростанция с объемом инвестиций в размере 417 млн долл. была построена с привлечением трех китайских строительных компаний, а после ввода в эксплуатацию она способна удовлетворить 10 % пикового спроса на электроэнергию в Катаре.

А.Ч. Мокрецкий выступил с темой «О всепогодных отношениях всестороннего стратегического партнерства Республики Беларусь и КНР». В Самарканде (Узбекистан) 15 сентября 2022 г. во время 22-й встречи глав государств Шанхайской Организации Сотрудничества А.Г. Лукашенко и Си Цзиньпин подписали Совместную Декларацию о «формировании всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства. Между сторонами возник новый уровень отношений — «всепогодный». Во время государственного визита Президента РБ в Китай (28 февраля — 2 марта 2023 г.) белорусско-китайское взаимодействие стало «дальнейшим развитием всепогодных и всесторонних отношений стратегического партнерства двух государств в новую эпоху». Дальнейшее изучение развития связей между Минском и Пекином представляет не только научный, но и практический интерес.

В.А. Матвеев рассказал о проблемах углубления интеграции стран Центральной Азии в пространство ШОС в условиях неустойчивости международной обстановки.

В выступлении **А.Ф. Клименко** о геополитических сдвигах на международной арене в результате затянувшегося российско-украинского конфликта была детально представлена позиция участников ШОС и ОДКБ по данному вопросу. Украинский конфликт привел к радикальным изменениям в геополитической картине мира. Сегодня реально появилась тенденция к выходу из орбиты контроля западных стран, в первую очередь США, многих государств, которые предпочитают новую многополярную систему политического устройства мира.

С этой тенденцией контрастирует отношение к событиям на Украине союзников и партнеров России по ОДКБ и ШОС в Большой Евразии.

Сегодня усилили позиции на международной арене такие члены ШОС, как Китай и Индия. Несмотря на то что Пекин воздерживается от открытой поддержки России, он не только не вводит санкции в отношении Москвы, но и развивает политический диалог между нашими странами. И не только политический. Визит председателя КНР Си Цзиньпина, а в последующем и министра обороны дали старт более углубленному сотрудничеству в политической и военно-технической сферах.

Доклад **Н.А. Замараевой** был посвящен общей теме взаимоотношений мусульманского мира и Китая в рамках китайской концепции «глобального видения». Начиная с 80-х гг. прошлого века, Китай развивает отношения со странами Ближнего Востока, постепенно расширяя географию своего присутствия. У Китая сложились доверительные и взаимовыгодные отношения с мусульманским миром. Стремление Поднебесной к дальнейшему укреплению связей выразилось в предложении Пекина к мусульманским странам присоединиться к Инициативе «Пояс и Путь».

Позиция нейтралитета, демонстрируемая Китаем в вопросах внутренних и/или многосторонних конфликтов, делает его благоприятным партнером для многих стран. Например, у Пекина сложились хорошие отношения одновременно с Эр-Риядом и Тегераном. Это дало возможность в марте 2023 г. выступить посредником восстановления дипломатических отношений Королевства Саудовская Аравия и Исламской Республики Иран, подписания Совместного трехстороннего соглашения.

Ю.В. Морозов проанализировал уроки спецоперации на Украине в контексте силового сценария решения тайваньской проблемы. В докладе эксперт обнажил довольно болезненные темы современной политики. Так, появление военной угрозы национальным интересам КНР в Тайваньском проливе обуславливает необходимость начала переговоров с еинициатором для мирного разрешения назревающего кризиса. Если они ни к чему не приводят, а угроза — нарастает, целесообразно проведение упреждающих акций военно-политического характера, включая военные действия, так как ликвидация непосредственной военной угрозы интересам Китая гораздо важнее, чем соблюдение международного принципа ненападения.

Важно, чтобы план военных действий в рамках силового сценария решения тайваньской проблемы соответствовал боевым возможностям группировок войск НОАК, а возможности военного потенциала Китая были бы соразмерными аналогичным возможностям противника в Тайваньском проливе.

Поступила в редакцию (Received): 25.05.2023.

Доработана после рецензирования (Revised): 01.06.2023.

Принята к публикации (Accepted): 10.06.2023.